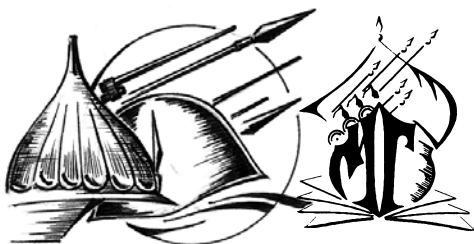

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Денис ТЕРЕНТЬЕВ. Деревня и пустота	3
Константин ИПАТЬЕВ. Уральский хребет политики США	14
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	46
Дмитрий СТАРОСТИН. Евгеника и манипуляция сознанием	122
Степан КАРПЕНКОВ. Опасный «мирный атом»	138

ПРОЗА

Василий БЕЛОВ. Бухтины вологодские завиральные	22
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы	83
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ. Короткие рассказы	101

ПОЭЗИЯ

Геннадий ПОПОВ. В осенних дождях. Стихи	39
Николай НЫРКОВ. На поле под Рязанью. Стихи	42

Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина:	
Сергей ПАНФЁРОВ. Уйду в луга	111
Андрей РЕБРОВ. Восхождение	116
Александр БЫВШЕВ. Средь росных трав	119

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Александр ЗИНОВЬЕВ. Управляемая катастрофа	149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ЧАРУШНИКОВ. Гибель великой державы	163

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Сергей ЩЕРБАКОВ. Возвращение на родину	187

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Алексей ХЛУДЕНЁВ. Кулинок . Рассказ	212
Сергей ДВОРЕЦКИЙ. Беда . Рассказ	220
Валерий САМАРИН. Спасибо солнцу . Стихи	238
Татьяна БОЧАРОВА. Средь высоких побережий . Стихи	242

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Михаил ЕФРЕМОВ. К вопросу о российской государственности	246

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

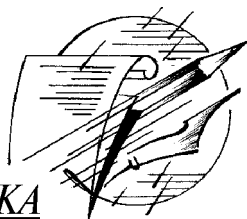
Евгений ЧЕБАЛИН. Цари и псаря	271
Василий КИЛЯКОВ. Камертон сердца . Окончание	280

ДЕРЕВНЯ И ПУСТОТА

За последние 20 лет в России исчезли 20 тыс. деревень. По прогнозам экспертов ООН, к 2020 г. не станет двух третей ныне сохранившихся сельских поселений, а в Минэкономразвития говорят, что спасти глубинку невозможно, несмотря на любые инвестиции. В целом федеральный центр устранился от деревенских проблем, отдав всю социальную инфраструктуру на откуп местным властям, которые в целях экономии повально закрывают сельские школы и больницы. Близкие к власти эксперты уверяют, что это хорошо: такой же путь прошли США, где теперь один процент фермеров кормит всю страну. Но в России нет условий для развития фермерства, а 38 млн. сельских жителей обречены выживать без помощи государства.

Исчезнет две трети деревень

От Юпитера до Марса всего два километра. Правда, на Марсе жизни нет уже 30 лет, а в Юпитере доживают шесть пенсионеров. Старейшина Юпитера Зоя

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Головкова помнит времена, когда в этом посёлке на Брянщине жили двести человек, а дома росли целыми улицами. Было это всего-то в восьмидесятые годы.

— В речке на Марсе щуки до сих пор плещутся, но нам не до рыбалки, — говорит Головкова. — Насос на водокачке сгорел, а в колодцах вода для питья непригодна. Единственный вид транспорта — наш конь Лысик, без которого даже к доктору не съездишь. Дорогу трактор иногда ровняет, но по весне к нам никакой вездеход не проедет.

Говорить об инвестициях в «брянский планетарий» смешно. Хотя местные власти обязаны починить старикам водокачку и отремонтировать коммуникации соседних с Марсом и Юпитером обитаемых сёл.

В советские времена рождаемость в сельских районах на 40% превышала городскую, и в этом была главная причина прироста населения в СССР. В 70-е гг. появилась программа модернизации глубинки, предполагавшая слияние «бесперспективных» населённых пунктов в крупные хозяйства. Пошла первая волна брошенных деревень, в перестройку — вторая. Результаты переписи 2002 г. показали, что 17 тыс. из 160 тыс. населённых пунктов в стране не имеют постоянных жителей. Тогда же прозвучал доклад академика РАН Владимир Милосердова: в 33 тыс. населённых пунктов проживают в среднем 1,76 человека, ещё в 14 тыс. — 7,8 человека. С тех пор процесс только набирал обороты, хотя официальная статистика последних лет вполне радужная: например, в 2009 г. сельское население сократилось всего на 4 тыс. человек.

По словам старшего научного сотрудника Института географии РАН Татьяны Нефёдовой, посёлки городского типа на бумаге переводят в сельские. За счёт этого создаётся фиктивный прирост сельского населения около 90 тыс. человек в год. А реально за десять лет в деревнях стало на 2—3 млн. жителей меньше.

Более того, в Нечерноземье две трети деревень насчитывают менее 50 жителей. Молодёжь из таких мест бежит сразу после школы. Самым молодым из остающихся — 35—40 лет. А большинство — старики: умрут они — умрёт и деревня.

— Выживают деревни-пригороды или посёлки у трассы, по которой ездит много автомобилей, — объясняет замдиректора Института социальных систем Дмитрий Бадковский. — Придорожные деревни сразу обрастают инфраструктурой: кафе, автосервис, гостиница, магазин. Неплохо держатся крупные сёла, где сложилась значимая социальная среда. Это родительское гнездо, в которое молодой человек может вер-

нуться, если в городе не удалось добиться успеха. В посёлках свыше тысячи человек обычно есть производства, да и дачники предпочитают селиться на обжитых местах.

Глубинка без людей

— Не вижу ничего страшного в том, что в России идёт процесс урбанизации, — говорит профессор МГУ Леонид Смирнягин. — Передовые страны прошли этим путём на несколько десятилетий раньше: в 1930 году в сельском хозяйстве США было занято 30% населения, а сейчас — 1%.

Татьяна Нефёдова полагает, что спасти все деревни бессмысленно. Для земледелия перспективны только 14% территории России: Центральное Черноземье, часть Заволжья, равнины Северного Кавказа.

— В советские времена председатель колхоза в Новгородской области рассказывала, что всё держится на дотациях и партийном контроле, — говорит Татьяна Нефёдова. — Экономически ей было бы выгоднее вообще ничего не сеять, платить людям зарплату, а зерно закупать на стороне.

С другой стороны, в ста километрах западнее Новгородчины находятся республики Прибалтики, где сельское хозяйство эффективно работало и при Советском Союзе, и при европейском. В том же климате, где погибают колхозы, чудеса производительности даёт огородничество.

— Когда я слышу, как кто-то предлагает план реорганизации сельского хозяйства в России, сразу ясно, что это обычный демагог, — говорит проректор Санкт-Петербургской сельскохозяйственной академии Антон Широков. — Российские регионы — это двадцать разных стран, а не одна. Соответственно, нужно двадцать разных подходов. Где-то нужно возродить оптовые рынки и госзакупки, чтобы крестьянин мог, как в старину, гарантированно продать свой товар за деньги. Где-то нужно привлечь инвестиции в крупные агрокомплексы, потому что фермеры здесь неэффективны. А где-то просто дать по рукам ветеринарам, которые разоряют мелкие хозяйства в угоду крупным под предлогом борьбы с какой-нибудь «чумой свиней».

В хозяйствах близ городов сегодня, например, надои молока вдвое выше, чем в ста километрах от них. Казалось бы, вдали от цивилизации естественные сочные луга. Зато нет средств на корма, нет рабочих рук, нет стабильного сбыта. Оставшись без работы год-два, деградируют и сами сельские жители. Они уже привыкли продавать у трассы грибы или халтурить у дачников.

— Одни лишь инвестиции или выгодные кредиты не смогут сделать из них трудолюбивых и эффективных фермеров, — говорит Антон Широков. — Государству придётся открывать для сельской молодёжи школы, больницы, магазины, дороги, чтобы та поверила — можно и здесь заводить семьи, рожать детей. Иначе случится демографическая катастрофа. На грани вымирания окажутся и посёлки по 5—10 тысяч жителей. Возрастёт убыль населения, исчезнут кадровые резервы, например, для армии, потому что москвичи и за 30 тысяч рублей служить не пойдут.

Интересный факт. С 2001 г. закрылись 14 тыс. школ. За то же время необитаемыми стали 13 тыс. деревень. Оба процесса идут нога в ногу.

Вымираем потихоньку

Государство ведёт себя по принципу «ни два, ни полтора». С одной стороны, национальный проект «Развитие АПК» отнесён к приоритетным. На финансирование программы социального развития села в 2012 и 2013 годах из федерального бюджета будет выделено 53 млрд. рублей. Эти деньги пойдут на «подъёмные» специалистам: например, врачам — по миллиону рублей, которые можно использовать на покупку жилья. Есть также субсидии фермерам: в частности, им возмещают половину денег за оформление земли в собственность. Есть успешные области (Ленинградская, Тюменская, Свердловская), где на каждый федеральный рубль в сельскую социалку привлечено 3—4 рубля из местных бюджетов и от частных инвесторов. По словам вице-премьера Виктора Зубкова, с 2003 г. в развитие села закачали 275 млрд. рублей, построено более 15 млн. кв. м жилья.

С другой стороны, государство скидывает с себя тяжелейший балласт провинциальных школ и больниц. В России 18 тыс. школ нуждаются в капремонте, 1 тыс. находится в аварийном состоянии, 65% из них — в сельской местности. В 2001 г. принят Закон «О реструктуризации малокомплектных школ»: с тех пор закрыто более 14 тыс. сельских кузниц знаний. Уцелевшие переходят из муниципального подчинения в собственность регионов, которые продолжают их по-прежнему закрывать. В одном Алтайском крае собираются закрыть около 500 школ из 2 тысяч.

С 2012 г. в России перестали существовать и поликлиники. Закон «Об основах охраны здоровья граждан» также переподчинил городские и сельские больницы региональным

властям. За два года одних только фельдшерских пунктов в провинции ликвидировано более 1,5 тысячи. В некоторых регионах за тот же период исчезла треть больниц. В карельском посёлке Пряжа умудрились закрыть даже спецшколу для детей-туберкулёзников.

— Нацпроект помогает деревням, но это как мёртвому припарки, поскольку параллельно ликвидируются больницы, школы, детские сады, — говорит Лев Скородумов из Санкт-Петербургской государственной академии культуры и искусств. — Без клуба и библиотеки обычно начинаются деградация и пьянство, без учителя и врача уезжают все, кто в состоянии уехать.

Традиционный довод региональных властей: абсурдно содержать школы, в которых 10—12 учеников. А многие больницы из-за нехватки специалистов фактически уже давно не функционируют. Однако граждане в регионах, протестующие против уничтожения социалки, уверены: закрывают всё, что не является самокупаемым.

***Справка.** Разрекламированная программа телефонизации деревень в некоторых регионах осуществлялась по спискам 20-летней давности. Например, в Вологодской области дорогостоящий оптико-волоконный кабель тянули на десятки километров в деревни, в которых давно никто не живёт. А если и доживают две старухи, то на их звонок «скорая помощь» всё равно не поедет — нет дороги. Зато освоено, по разным оценкам, от 10 до 100 млрд. рублей.*

Второе дно

За последние восемь лет в Псковской области наблюдается самая высокая в стране убыль населения: 11,5% (в целом по стране 1,6%). На Псковщине осталось 660 тыс. жителей, а плотность населения — 10 человек на километр, как в Сибири. Хотя самый западный (не считая Калининграда) субъект Федерации, граничащий с тремя европейскими странами, априори должен испытывать приток переселенцев из глубинки.

В рамках модернизации здравоохранения Псковщины планируется сокращение 600 койко-мест в больницах области. Например, в районной больнице города Дно, где проживают около 15 тыс. жителей, решили оставить 25 круглосуточных коек по терапии и по неврологии и 22 койки дневного стационара — в четыре раза меньше, чем было. Кардиологию и травматологию забирают в Порхов — около 40 километров отсюда. Хотя Дно — крупнейший железнодорожный

узел, где часто требуется помощь пассажирам поездов. В середине января 2012 г. от инфаркта умер 38-летний мастер депо — до Порхова его не доездили.

Количество родильных отделений планируется сократить в три раза. Их останется всего восемь на область, которая по площади больше Нидерландов. Пациенток закрывшегося Красногородского родотделения теперь отправляют в Опочку. Из Куньи и Локни ездят в Великие Луки. Из Плюссы и Стругов Красных — в Псков. Во всех случаях — не менее ста километров. В документах областной администрации по поводу закрытия родильного отделения в Пустошке говорится, будто количество родов там не превышает 65 в год. Хотя на самом деле оно втрое выше.

— Нам прямо сказали, что мы не зарабатываем себе на зарплату, — рассказал бывший врач ликвидированного отделения. — Вот и вся модернизация.

В 2010 г. глава Дновского района Игорь Тимофеев постановил закрыть все шесть сельских школ в районе: Моринскую, Исковскую, Вискодскую, Юрковскую, Заклинскую и Бельскую. Формально эти учреждения стали филиалами трёх школ города Дно, реально же это означало перевод деревенских детей в интернаты, потому что средств нет даже на то, чтобы возить их на учёбу. Во всех указанных районах школа — единственный объект социальной инфраструктуры для детей. В целях экономии давно закрыты почти все сельские клубы и библиотеки.

По закону, чтобы ликвидировать сельскую школу, нужны согласие схода местных жителей и экспертная оценка последствий. Ни того, ни другого в Дновском районе не происходило. Лишь когда районный прокурор Ольга Бударина подала в суд на решение администрации, экспертная оценка всё-таки появилась. Правда, главы сельских школ все как один заявили, что к ним комиссии не приезжали.

— Никакого вымирания у нас в волости не наблюдается, количество учащихся увеличивается, — рассказывает директор Заклинской школы Елена Дмитриева. — Кроме школы, других детских учреждений у нас нет.

— Я не участвовал в работе экспертной комиссии и у себя её не принимал, — говорит директор Юрковской школы Юрий Серебряков.

Серебряков также заседает в Собрании депутатов Дновского района и был там единственным (!), кто голосовал против реорганизации сельских школ. В Дно говорят, что после решения «оптимизировать» образование и здравоохранение резко возросло число предложений о продаже домов: хозяй-

ство на 15 сотках земли с домом, баней и пристройками теперь можно купить за 100—150 тысяч рублей. А один из федеральных каналов анонсировал на 12 февраля репортаж из Дно: «Нищий бюджет и десять врачей на район. Кому поднимать эти просторы?» В итоге репортаж в эфир не вышел. Зато не проходит недели, чтобы на телеэкране подробно не освещались успехи нацпроекта «Развитие АПК».

Колобок уполномочен заявить

При отсутствии предпосылок к хозяйственному развитию многие небольшие города и деревни пытаются привлекать туристов. Например, Великий Устюг раскрутил бренд родины Деда Мороза: теперь 58-тысячное население кормится за счёт персонажа, в которого никто не верит после семилетнего возраста. Дальше больше: Снегурочку зарегистрировала у себя Кострома, Алёшу Поповича — Ростов Великий. Власти Переславля-Залесского прописали у себя Тридевятое царство. Вовремя подсуетились главы города Мышкина, села Кукобой и посёлка Ермаково Ярославской области, зарегистрировав в качестве своих жителей Мышку-Норушку, Бабу-Ягу и Курочку Рябу. И поток экскурсионных автобусов в их суровую глушь растёт с каждым годом.

Колобок заменил Ленина в качестве туристического бренда Ульяновской области, а в Твери постановили, что в Старицких пещерах непременно должна находиться родина Кошца Бессмертного. В путеводителе по Калининградской области можно встретить заголовок: «Зеленоградск — родина Буратино». О пользе взаимного пиара свидетельствует тот факт, что в 2004 г. Дед Мороз из Великого Устюга нанёс официальный визит на родину своего деревянного партнёра.

Фермеры между жизнью и смертью

Двадцать лет назад Сергей Батьманов преподавал в сельхозакадемии в Ярославле. Услышав про поддержку фермерского движения, взял ссуду и построил дом в чистом поле — на пять километров вокруг ни соседей, ни дорог. Кабинетный учёный превратился в успешного фермера-картофелевода.

— Когда я во всё это залез, — рассказывает Батьманов, аккуратно объезжая лужи на «Патриоте», — страна развалилась, а госгарантии всё равно остались: из дома меня выгнать не могли. Зато сейчас ссуды фермерам дают только под залог недвижимости, а киловатт-час специально для меня за

шесть рублей продают. Дизельное топливо дорожает намного быстрее молока. Государство никак меня не поддерживает, и соседей вокруг не прибавилось. Поэтому дети мои здесь жить не хотят.

Дети, не желающие жить на семи ветрах, сократили число фермерских хозяйств в Ярославской области с трёх тысяч до сотни с небольшим. Одни с убытком продавали процветающее хозяйство, другие уходили в более прибыльную коммерцию, чтобы платить отпрыскам за учёбу и жильё в городе. Ведь без большой семьи фермерская мечта невысказана.

В 1991 г. в деревне Глазково под Ярославлем доживали двое стариков, когда один покосившийся дом вдруг купил профессорский сын Вениамин Ковалёв, тогда студент-третьекурсник. Сегодня в его хозяйстве около двухсот гусей, потомство которых расписано между постоянными покупателями уже на год вперёд. Правда, он пока слабо представляет, где будут учиться его четверо детей.

— Буду носить хоть за 20 вёрст, если там удастся сохранить школу, — говорит Ковалёв. — А вырастут — сами решат, где и как им жить. Наверное, мы были последним поколением горожан, где многие хотели работать на земле. Нет никакой надежды, что нынешняя молодёжь хлынет в деревню, даже если это будет выгодно.

Будущих фермеров поджидает масса бюрократических преград. С 2003 г. их регистрируют как индивидуальных предпринимателей — и по закону они не имеют права заниматься племенным животноводством. Поскольку межевание очень дорого, у многих земля не оформлена в собственность — значит, её нельзя использовать в качестве залога при получении кредита. Тем не менее с 2010 г. начала действовать программа поддержки малого бизнеса: желающие открыть своё дело получили от государства 60 тыс. рублей.

По данным главы Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России Вячеслава Телегина, число фермеров выросло на треть и достигло 304 тысяч. Однако нельзя сказать, что переселенцы из городов за тормозили обезлюдение глубинки: уезжают в города в десятки раз больше людей.

Работать, рожать и не пить!

Пока верхи испытывают дефицит идей по возрождению российской глубинки, идеи формируют низы. Самый известный реформатор деревни — Глеб Тюрин, бывший преподаватель психфака из Архангельска, повёл своих студентов в

народ. Сегодня его признали в Европе, а одно из объединённых малых городов Италии выдвинуло Тюрина на соискание премии ООН.

— За несколько лет мы создали в 52 деревнях органы общественного самоуправления, — говорит Глеб Тюрин. — В деревнях, где жили 50 старух и 30 алкоголиков, возникали рентабельные малые предприятия, часто вообще без инвестиций извне. Посёлкам нужна лишь возможность распоряжаться собственными доходами, которые сегодня забирают в центр. По минимуму для выживания деревни достаточно родить здесь несколько детей и отвоевать часть местного рынка.

Тюрин хочет, чтобы на его опыт опирались федеральные власти при составлении плана спасения глубинки. Но с ним отказался работать архангельский губернатор.

Статья на развитие сельских поселений есть в бюджете любого субъекта Федерации. Обычно денег хватает на проведение пары семинаров и выпуск брошюры «Мой любимый край». Шесть лет назад в Вологодской области пошли чуть дальше: выбрали четыре населённых пункта и отправили специалистов в народ — бороться с пьянством, возрождать народные праздники и промыслы, помогать в бизнесе.

— 300 тысяч рублей можно взять под минимальный процент, закупить на него скот, нанять работников, — говорит жительница посёлка Тимониха Светлана. — Мой муж — участник программы, малый предприниматель: лежит на диване, пьёт портвейн, двое работяг на него корячатся. Сам к коровам даже не подходит. В хозяйстве есть «Газель» и две старые легковушки, но ни одна из них не ездит. Нет, когда ему надо на очередную пьянку, он починит и поедет.

С одной стороны, деревенские алкаши — это часто единственная молодёжь в деревне. С другой, от пьянства односельчан бегут многие из тех, кто мог бы стать солью земли. Помощник заместителя губернатора Вологодчины Анатолий Зельев говорит, что областную программу развития малых поселений часто называют антиалкогольной. Но это неправильно. Просто если сначала не победить поголовное пьянство, любые меры бесполезны: семьи будут рушиться, бизнес прогорать, а молодёжь уезжать.

— У нас был большой оптимизм поначалу, — рассказывает Зельев. — Пробовали даже отказаться от кодирования: мол, настоящее избавление от порока происходит на основе коренной смены приоритетов. Какое там! Мы им кредит и рождённый народный праздник, а они нам — запой на неделю. Но если в деревне образовалось ядро из мужчин, которые

могут культурно выпить в праздник и дальше заниматься делом, там ситуация в целом исправляется. Главное — сформировать это ядро. Помню, глава одного из районов с радостью рассказывал, что у него закодировались семеро алкоголиков. Он не строил иллюзий: четверо из них скоро снова начнут пить. Но у троих-то начнётся нормальная жизнь!

Вместо послесловия

В селе Киверпиково Палехского района Ивановской области два гражданина повздорили за бутылкой, да и поубивали друг друга. Казалось бы, типичная история из полицейской хроники. Но есть нюанс: это были два последних жителя деревни. На карте она все ещё значится, но по сути её уже нет, поскольку в ней никто не живет.

Драматичная развязка лишь подчеркнула трагичность и криминальность происходящего с нашими деревнями и сёлами по всей стране. Те, что поодаль от крупных магистралей, чахнут, деградируют, вымирают.

По данным Росстата, процесс массового опустынивания деревень, впервые зафиксированный во время переписи 2002 года, с тех пор ускорился почти в два раза. За последние восемь лет с карты страны пропало более восьми тысяч сельских населенных пунктов. Количество сел, которые де-юре ещё существуют, но де-факто в них никто не живет, оказалось куда больше — около двадцати тысяч. Раньше там кипела жизнь. Репродуктор на столбе вещал новости и разносил классическую музыку, по улицам сновали трактора и повозки, потрескивали дровами печи, отовсюду доносилось мычание коров, на пруду плескались косяки домашних гусей и уток, а вокруг на многие километры зеленели ухоженные поля с культиваторами и комбайнами. Теперь коровники разрушены, поля зарастают сорняками, а скелеты тракторов ржавеют на машинных дворах.

Ради чего эти метаморфозы, ради какой большой цели? Ведь покинувший насиженные места люд в большинстве своем мучается в городских общагах и на съемных квартирах, вместо того, чтобы нормально жить в родном доме. Раньше, понятно, уезжали за лучшей долей, за образованием и карьерой, теперь едут просто за жизнью, то есть за работой и зарплатой. Раньше возвращались в родные пенаты пенсионерами, теперь возвращаться некуда и не к кому.

Это происходит даже в тех деревнях, где есть газ, неплохая дорога, медпункты, сотовая связь. Эксперты по миграции называют данный процесс обезлюживанием территорий и

считают, что потеря обжитых мест ничего хорошего стране не сулит. Деревня как субъект культуры государству абсолютно не нужна. Ему нужна только сельхозпродукция. Но сельское хозяйство стало индустриализованным, появились различные агрохолдинги, в которых сельяне зачастую оказываются рабами, пашущими на предприимчивых земляков, типа семейства Цапков в станице Кушевской.

Многие хотят начать заниматься фермерством либо расширить уже имеющееся хозяйство, но взять кредит не могут из-за того, что им нечего предложить в залог. У кого-то не оформлена в собственность земля, у кого-то устаревшее оборудование. И вообще, быть фермером — занятие непростое, мешает бюрократия.

Экономисты, ссылаясь на опыт Америки, Германии, считают, что необходимо отдать землю в собственность тем, кто готов ее обрабатывать, но при этом надо создать серьезный общественный контроль. Только на таких условиях труд фермера станет прибыльным. А неразвитая инфраструктура — это уже следствие, а не причина.

Сегодня в большинстве сел почти не осталось тех, кого называли сельской интеллигенцией. А ведь именно в деревне родилась наша культура, именно в сельских усадьбах классики литературы создали свои лучшие произведения.

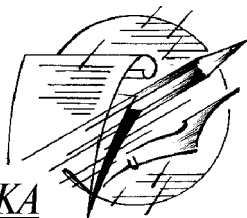
Специалисты в самых разных областях рассуждают о судьбе российской деревни, рисуя довольно мрачные перспективы. Наши предки оставили нам обширную территорию, которую мы теряем только потому, что на ней некому жить.

УРАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ ПОЛИТИКИ США

(ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ)

С бурного движения «арабской весны» началась новая веха американской геополитики, в которую оказался вовлечен весь мир. Умелое жонглирование народными протестами и жадной либерально-демократических свобод в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии привело к возникновению больших и малых гражданских войн, которые мгновенно раскачали еще недавно устойчивую лодку экономики этих стран. Еще вчера стабильные автократические режимы стали падать один за другим, на смену проамериканским властям приходят исламский шариат и халифат уммы, представленный пока еще парламентами, как отмирающими демократическими институтами. Удивительно, но свобода по-исламски оказалась тождественна халифату уммы и введению шариата! Надолго ли?

Скорее всего ненадолго, так как эта форма правления — всего лишь протест против навязанной либеральной демократии своим вассалам, которые теперь стали не нужны Госдепартаменту и ФРС (Федеральной Резервной Системе США, печатающей доллары). Америка уходит с Ближнего Востока и Севера Африки,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

громко хлопая дверью, оставляя Европе разрушенное хозяйство, терзаемое исламскими фанатиками и прежде угнетенными кланами. Сокращение потребительского спроса привело к падению промышленного производства, судя по морским перевозкам, на 30% за 2011 год — колоссальная цифра для всего мира. Спрос, неуклонно росший, благодаря монетаристской идее капитализма, стал падать, потянув за собой все идеологемы существования современного мира. Сокращение добычи нефти и газа идет опережающими темпами, со всей очевидностью показывая уменьшение промышленного производства и свертывание научно-технического прогресса. Что осталось для стран Ближнего Востока и Северной Африки? Откат на сто лет назад!

Судьба «арабской весны» с неукротимостью приближается и к американским друзьям: ОАЭ, Катару, Кувейту и Саудовской Аравии, о чем свидетельствуют заявления сенаторов Б.Грэма и Б.Керри о причастности Саудовской Аравии к теракту 11 сентября 2001 года в США. Такое заявление Б.Грэма, бывшего председателя сенатской комиссии по разведке, спустя 10 лет после трагедии, говорит о том, что процесс дестабилизации в странах, являющихся нефтяными вассалами США, уже запущен и результат будет скоро виден. Скорее всего в 2013 году, сразу после инаугурации Б.Обамы на второй президентский срок (либо его конкурента), произойдет сокрушительное падение Саудовской Аравии — оплота всех нефтеносных стран Ближнего Востока. «Арабская весна» вступит в завершающую стадию своего развития.

В 2011 году, впервые с 1949 года, США стали экспортёрами нефтепродуктов, отправляя в страны Латинской Америки 439 000 баррелей в сутки, «разморозив» свои нефтяные скважины, попутно выяснив, что нефть — восполняемый источник энергии. Либо это тщательно скрываемая информация о состоянии дел с нефтяными скважинами США, либо совершен научный переворот, и оскудение нефтяных запасов миру не угрожает. При этом в самих США зафиксирован рост стоимости бензина, который уже побил все рекорды, что тем более странно на фоне сокращения спроса на топливо почти на 8% в год! Спрос падает по всему миру, сокращая не только стратегическое влияние США на всю геополитику стран и континентов, но и вынуждая Госдепартамент и ФРС искать иные точки приложения своих политических и финансовых интересов.

Новую стратегическую линию США в своей речи обозначил З.Бжезинский, выступая на Ярославском политическом форуме 8 сентября 2011 года, обозначив ключевые точки на

оси Ванкувер — Пекин — Сеул. Шахматный игрок и каббалист З.Бжезинский очертил не только эту каббалистическую «огненную» дугу американской геополитики, но и еще одну, которую пока никто не афиширует, — дугу Уральского хребта. Это самый важный тезис грядущей политики США, ведь эта «огненная» дуга проходит через Россию, разделяя ее на две части, далее — через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Иран, Афганистан и Пакистан. Создавая вектор каббалистического скачка новой политики, США добиваются своего самого главного приза — войны. Не нефтяные и газовые доходы, не накачка кредитного спроса, а война дает стареющему финансовому каганату США неслыханные деньги и влияние.

«Основной секрет зарабатывания денег состоит в том, чтобы покупать, когда на улицах льется кровь» (Джон Д. Рокфеллер). *«Когда на улицах Парижа льется кровь, я покупаю»* (Мейер А. Ротшильд).

Ястребы не скрывают своего отношения к человеческим жертвам, они за бесценок покупают города, страны и континенты, вовлекая миллионы обездоленных людей в свой рабовладельческий бизнес. Падение спроса на услуги и товары, который наверняка прогнозировался еще в 80-е годы прошлого века, вынудил финансовый сионизм создавать для себя подушку мягкого приземления в виде России, Китая, Кореи и Индии. Однако рост промышленного производства в Китае, Корее и Индии не привел к тотальному увеличению спроса — во многом из-за менталитета азиатского народа, предпочитающего заработанные деньги вкладывать в собственное, пусть и небольшое, дело. Расслоение народных масс по уровню достатка коснулось не только России, но и других стран Восточной Азии, сделав рост спроса ограниченным. Отсюда — невозможность наращивания потребления и фактическое замораживание собственных финансовых активов, вложенных в казначейские обязательства США. Дальнейшее наращивание промышленного производства в Китае стало невозможным, и как следствие этого произошло падение спроса на энергетические и другие ресурсы при сохранении высокой цены на сырье, которая приводит к еще большему сокращению производства, так как цена продукции вынужденно растет. При этом заработная плата падает, а замороженные потребительские кредиты связывают любой возможный рост спроса. Круг замкнулся!

Здесь важно упомянуть о Международном акте о чрезвычайных экономических полномочиях, в результате применения которых президент США может заморозить любые сче-

та, конфисковать активы и национализировать банки. По этой причине Венесуэла постаралась вывезти все свое золото из США. Однако так не поступили власти Кремля, сделавшие зависимость Центрального Банка России от ФРС США фактически законом. В такой же зависимости от решений Госдепартамента США находятся Китай, Корея и Индия, лихорадочно ищущие источники приложения собственных средств. Разведка и добыча нефти на шельфе Южно-Китайского моря, которые ведут Вьетнам и Китай посредством привлечения российских и американских фирм, покупка месторождений в Африке и создание совместных предприятий в Латинской Америке — всё это следствие приближения финансового коллапса, который подталкивают денежные власти США.

Эта целенаправленная политика уже приносит свои плоды в Европе, где влившиеся в ее экономику 1,6 триллиона долларов США в конце 2011 года и собственные деньги ЕЦБ, направленные на повышение капитализации европейских банков, всего лишь продлевают агонию Евросоюза, который неминуемо распадется на суверенные страны и собственные валюты. Эти огромные суммы не попадают в реальный сектор экономики, не становятся спасительным кругом домохозяйств, но призваны проводить рекапитализацию банков, многие из которых не только должны ФРС США, но и являются их собственностью. Таким образом, Госдепартамент США обрушивает европейскую экономику, лишая самостоятельности власти Евросоюза, вынужденные поддерживать евро за счет доллара.

Америке, по всей видимости, больше не интересны страны Ближнего Востока в качестве источника обогащения финансовой олигархии и не интересен Евросоюз. Всю тяжесть своей политики Госдепартамент переносит за «огненную дугу» Уральского хребта — в Юго-Восточную Азию и Сибирь. При этом важно понять, что война — самое желанное детище для США, чтобы осуществить перезагрузку всех мировых финансовых институтов, создать новые условия роста спроса и взрастить новых политиков, отвечающих изменившимся реалиям американской геополитики. За риторикой нападения на Иран скрывается скорее всего совсем иная война — Азербайджана и Армении за Нагорный Карабах. Отложенный конфликт вот-вот снова заполыхает, при этом Турция, безусловно, окажется на стороне Азербайджана, а Иран втянется в войну на стороне Армении, как это не покажется странным. Интерес Ирана лежит на каспийском шельфе, а Армения явится лишь средством этого интереса.

Слабая и дотационная Грузия станет легкой добычей Турции, которая простирает свои интересы на Кавказ, Крым, Юг России, Сирию, часть Ирака и выход на Каспийское море. Россия, имея договор с Арменией, неминуемо втянется в войну с Азербайджаном и Турцией.

Вместе с этим НАТО, покидая Афганистан, будет проходить через Узбекистан и Казахстан, где Т.Блэр свил не просто гнездо проамериканской политики, но создал плацдарм англо-саксонского влияния, следовательно, в Узбекистане и Казахстане будут созданы американские базы с хорошо оснащенными аэродромами. Удачное расположение Туркмении в акватории Каспийского моря позволит США оказывать оперативное влияние на ход развития войны Большого Турана — турецкого оплота Госдепартамента на Ближнем Востоке. Создание военной перевалочной базы НАТО в Ульяновске, а в дальнейшем — постоянное его присутствие в центре России — на Урале разделит нашу страну на две части. Более того, огромное подземное хранилище в Ямантау Южного Урала, строительство которого постоянно курировал В.В. Путин, идеально подходит для размещения американского вооружения, выводимого из Ирака и Афганистана, а также для создания там стратегического командного пункта. Снова речь идет об Уральском хребте, разделяющем не только надвое Россию, но и знаменующем собой новую стратегию США.

Наш вынужденный уход из Габалы и отсутствие контроля воздушного пространства над всей территорией Ближнего Востока, как никогда, оказалось на руку США и их вассалу Турции и, следовательно, являются политикой американцев в отношении России. При этом важно упомянуть то, что протестные выступления «болотной оппозиции», организованные Кремлем, позволили нынешней вертикали власти серьезно укрепить свои позиции, что совершенно не входит в планы США, но соответствует планам Германии и Франции. Борьба за власть над Россией разгорится с невиданной силой, когда нефтегазовая отрасль фактически является европейской политикой в нашей стране, а промышленный и банковский сектор находится в сфере влияния США. Не сложно предсказать, что деньги — кровь экономики — в любом случае станут доминировать в самом ближайшем будущем, так как снижение потребления нефти и газа Евросоюзом вынудит В.В. Путина свернуть многие социальные задачи и, главное, свои предвыборные обещания.

Через подконтрольные Центральные банки многих стран мира ФРС США ведет свою политику удушения суверенных

экономик, сокращая эмиссию национальных валют, и, следовательно, свертывая социальные программы и добывая реальный сектор экономики. Такое положение вещей неизбежно приведет к социальным взрывам и революциям по всему миру, а виноваты окажутся банкиры и правительства, но никак не инициаторы огромной авантюры — США. Понимая это лучше других, председатели правлений Центральных банков Азии, Африки, Латинской Америки, Китая, Индии и Японии, а также управляющие частных банков панически покидают свои кресла, начиная с октября 2011 года. Не только десятка первых банков мира, но и второй эшелон лишаются своих управляющих, которые не желают разделять ответственность своих правительств перед жаждущей крови толпой.

Таким образом США и ведущие финансовые кагалы задумали и уже осуществляют грандиозное преобразование мира, в результате которого исчезнут с лица Земли некоторые страны, а другие окажутся раздробленными на несколько частей, враждующих друг с другом. Большая война требует большего человеческого потенциала, для этой роли лучше всего подходит Китай и страны Юго-Восточной Азии. Именно поэтому в Сингапуре вырос новый Нью-Йорк 2, куда переведены основные управляющие фонды. Это ключевая точка американской геополитики и командный штаб ястребов Третьей мировой войны. Безусловно, сами застрельщики Нового мирового порядка постараются быть вдали от главных событий, для этого в Ванкувере уже созданы необходимые условия и сформированы политические институты. Не только климат является определяющим фактором такого расположения нового мирового центра, но и уникальное политическое положение, благодаря которому генерал-губернатор, фактически назначаемый королевой Великобритании, на деле является конституционным монархом Канады. Следовательно, парламентская федерация Канады является самым стабильным и легко управляемым институтом для финансовых олигархов мировой закулисы, свободных от отчета гражданскому обществу.

России в этой большой шахматной игре З.Бжезинского, Г.Киссинджера, Д.Сороса, а также Ротшильда—Рокфеллера отводится не только роль сырьевого придатка Европы и Китая, но страны, единственно способной остановить многомиллионного агрессора, которого направят на уничтожение Азии и стран Ближнего Востока. Вступление В.В.Путина на пост президента, по замыслу политтехнологов США, должно привести к стихийным выступлениям народных масс и государственному перевороту, а в дальнейшем к разделу

России по линии Уральского хребта. Но это не окончательные планы, а временные, необходимые для создания фашистского движения в Китае и дешевого сырья для построения гигантской военной машины, способной смести целые страны у нее на пути. Американские ястребы прекрасно понимают, что Россия обязательно соберется снова, объединив собою все славянские народы, включив в новое государство Казахстан и Кавказский регион. Только сильная Россия, могущественная Русская армия, опирающаяся на твердую руку вождя и государственный социализм, может остановить агрессора, выжигающего все на своем пути. Но это перспектива десяти или пятнадцати лет, сегодня перед нашей страной стоят вызовы территориальной целостности и выживания.

Фатальное решение В.В.Путина и его клана переизбраться на третий президентский срок, особенно в период экономического коллапса, ставит Россию и русский народ на грань существования. Очень точно охарактеризовал митинг 23 февраля 2012 года в Лужниках политолог А.А.Пионтовский: «С точки зрения политической, что происходило вчера в Лужниках? В демократической стране один из кандидатов в президенты обращался к своим избирателям, своим сторонникам. Но все это происходило в стилистике и лексике скорее какого-то лидера тоталитарной секты, основанной на культе смерти».

Именно это сумасшествие секты смерти и происходит сегодня. Лидер этой секты, умело используя нейро-лингвистическое программирование сознания нашего народа, сделал свою власть легитимной, разделив ответственность по уничтожению России с третьей частью нашего народа. Это сумасшествие обязательно потребует своего выхода в виде протеста против президента в скорое время. Учитывая, что сепаратистские настроения умело разжигаются в русском народе уже тридцать лет, вначале по отношению к столичным жителям, потом к Кавказу, завтра эти формы легко отольются в требование на выход из состава России. Местная власть Сибири и Дальнего Востока обязательно возглавит эти движения и, безусловно, добьется своего, создав Сибирскую республику.

Базы НАТО на Южном Урале, в Казахстане, Киргизии и Узбекистане станут сдерживающим фактором для упреждающего применения войск против сепаратистов, против новой гражданской войны в России, так как война приведет к остановке нефтедобывающей отрасли и сталелитейных комбинатов, что не входит в планы США. Таким образом совершенно очевидно, что не Болотная революция с ее креативными лидерами, лишенными идейной подоплеки протестного

движения, а выдвигенец кремлевской элиты В.В. Путин станет последним разрушителем России и русского народа. К этой цели он шел последние двадцать лет, прилагая усилия «галерного раба», и вот тайна беззакония свершилась, Россия поставлена на грань гражданской войны и потери своей территории.

Что противопоставить этому плану уничтожения страны, кто может повести за собой русский народ и не даст разъединить Россию на две части?

Конечно, не болотные «оранжисты», которые лишь ширма для властной элиты, а подлинная русская национальная революция, призванная восстановить историческую справедливость — даровать русскому народу право управлять своей страной. Россия — русское государство и формировать власть в стране должны только русские люди, утверждая приоритет русской культуры и православной традиций на всей территории нашей страны. Россия — страна тружеников, а не бизнесменов-лавочников, поэтому единственно возможный экономический и политический строй — это государственный социализм, при котором нет политических партий и парламентов, а управление страной осуществляется Государственным Советом, подотчетным Общенародному Собору. Отсутствие частного предпринимательства, которое разъедает душу русского народа-бессеребренника, благотворно скажется на производственных отношениях, которые в условиях государственной собственности на средства производства и обязательное планирование приведут к возрождению промышленности и науки, образования и медицины.

Когда мы, русский народ, поймем и осознаем необходимость русской национальной революции, тогда нам всем будет явлен подлинный вождь и лидер русского народа, который не только знает, как надо обустроить русское государство Россию, но и способен взять на себя всю ответственность перед будущими поколениями русских людей. Поэтому прежде всего каждому из нас надо осознать себя ответственным за судьбу России и русского народа, перестать делить наш народ на своих и чужих, но требовать русской власти и создания Общенародного Собора, запрета политических партий и роспуска Государственной Думы. Мы, русский народ, должны выразить свой протест против олигархического капитализма, против кабалы кредита и засилья частных банков, против путинской вертикали власти и кремлевского предательства.

Василий БЕЛОВ

К 80-летию современного классика

БУХТИНЫ ВОЛОГОДСКИЕ ЗАВИРАЛЬНЫЕ

ЖДАТЬ ДА ПОГОНЯТЬ НЕТ ХУЖЕ

Мне на сегодняшний день ровно пятьдесят годов, тютелька в тютельку. Было пожито. Дорога моя долга и не больно ровна, с бухтинами идти веселее. С бухтинами не расстаюсь, иду вдоль своей жизни. Вдоль пройду, потом пойду поперек. Такие мои главные планы. Мне сват Андрей говорит: «Ты, Барухвостов, плут. Плут и жулик, ты себе годов прибавил. У тебя годов стало лишка». — «Нет, — говорю, — не лишка. У меня все точно подсчитано, ты, сват, не придирайся».

Дело было в шестнадцатом году. Начал я тогда задумываться, родиться мне или погодить? Конечно, можно и так и эдак, два-три года ничего не решают. А все ж таки...

Думал, думал, не знаю, что и делать. Посоветоваться, да не с кем. И на белый свет в такое время заявляться не больно приятно: шла первая германская. И родиться охота. Я не хуже других и прочих. Все-таки решил погодить, пока война не кончится. Думаю, нечего там пока и делать: ни хлеба, ни табаку в магазинах нету. Ладно.

ПРОЗА

В семнадцатом году накатила на матушку-Русь революция. Царя Николая с должности спихнули. Все прежнее начальство прогнали по спине мешалкой. Слышу, мужики землю собираются делить. Ах мать честная, а у меня не у шубы рукав! Матка моя еще в девках, отец неведомо где. В деревне вот-вот землю по едокам разделят, а я еще не родился. Что делать? Как срочно родителей познакомить? Вот, слышу, мой отец приехал с войны домой. Вот на игрище мою матку встретил. Ну, думаю, сейчас дело пойдет. Жду.

Ждать да погонять — нет хуже. Девять месяцев ждал, пока не родили.

*Меня мамушка рожала,
Вся земелюшка дрожала,
Тягька бегаёт, орёт,
Зимогора бог даёт!*

Все прошло благополучно. Успел. Как раз к земельному переделу. Тогда акушерок и поликлиник не было, бабы про абортаж не слыхивали.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

С одной стороны, ладно, что и родился, эта забота у меня отпала. А с другой... Вижу — на белом свете дым коромыслом, ничего не поймешь. Бабы встали супротив мужиков, детки против родителей. Хлеба нет, вина вдоволь. Народ от работы отвык, только шумим да ждем братской помощи. От братанов ни слуху ни духу. День рождения прошел благополучно, я уж тебе сказывал. Старухи сослепу пуп на моем брюхе завязали неплотно. Я чихнул, завязка лопнула. Все старушки руками всплеснули: «Ай, какой фулиган!» Хотели вдругорядь завязать, а ниток нету. Побежали, трупёрды, за льном, давай куделю катать. Чтобы ниток напярсть. Тут уж я этих старух и правда чуть не обматюгал. До чего, понимаешь, дело дошло! Человек родился из тьмы, надо пуп завязать, а они только нитки пряссть собираются. Я ногами лягаюсь, в уме ругаюсь, языком еще почти не действовал: «Сивые дуры! Шоптаницы!» Они куделю скатали, к пряслице привязали. Спорят, кому нитку пряссть. Одна говорит: «Я буду». Другая: «Нет, я тоньше пряду». Третьей тоже не терпится. Спорят старушки, а я лежу с незавязанным пупом! Сунуло родиться не вовремя. Заревел. С такого начала еще и не так заорешь. Старушки, пока разобрались, что да как, избу вконец выстудили. Лучина кончилась. Пуп завязывали в полной темноте. Было греха-то.

НЕ МНЕ ГОВОРИЛ

Хорошо жить, пока ты Кузька. Только станешь Кузьма Иванович — сразу и кидает в задумчивость. От этой задумчивости приходит затмение жизни. Тут уж опять без бухтины не проживешь. Бухтина душу без вина веселит, сердце при-молаживает. Мозгам дает просветление и новый ход. С бухтиной и желудок лучше себя чувствует. Бухтинка иная и маленькая, да удаленькая: умный перед ней душу раскрыл, дураку она сама рот распахивает. Мало ли дураков-то на белом свете? Полоротых-то?

Дураку только скажи, он решетом воду будет носить. Молоко шилом хлебать да еще и прикрякивать.

Вот у меня сват Андрей, этот не такой. Этот ухо держит остро, хвост пистолетом. Бывало, еще ребенками, ходили мы с ним по другоизбам. Особенно к одному сапожнику, слушать бухтины. Сапожник сидит, голенище тачает, сам рассказывает: «Вот, ребятушки, иду я вчера из бани, гляжу, а лиска по полю попрыгивает. И прямо к церкви. Забежала на колокольню, да и давай звонить. Вот бомкает, вот бомкает. Отзвонила, курицу у дьячка свистнула да и в лес. Рыжая!»

От сапожника бежим с Андрюшкой к нему домой. Он еще с порога давай рассказывать, как лиска на колокольне звонила. Матка над ним хохочет:

— Полно, дурак, ведь все неправда. Сапожник тебя обманул.

Андрюшка головой мотнет:

— Не!

— Чего не?

— Да он не мне говорил-то.

— А кому?

— Да Кузьке!

Это он семи годов такой был, а какой стал в зрелые годы — сам догадайся. Нет, нас со сватом на кривой не объедешь.

КАК БЫ НЕ ПЕРЕСОХЛИ

Правда, и со сватом Андреем вышла один раз промашка. В детском возрасте. Летом они с дедушкой жили в лесу, косили коровам сено. Свату Андрею сшили первый раз сапоги, научили косить. Вставать надо рано, вместе с солнышком. Роса по утрам что кипятком, иногда и с инеем.

Сват Андрей думает: «Ежели бы не сапоги, все бы ладно. Босиком косить не заставили бы».

Говорит дедушке: «Дедушко, мне новых сапогов жалко. Не

буду я их рвать, пусть мамка домой унесет». Дедушко ему говорит: «Хороший парень, обутку бережешь с малолетства. Вот матка с пирогами придет, мы твои сапоги с ней в деревню отправим. А пока ты их повесь на жердку, пусть просыхают».

Утром дедко внучка не будит: какая косьба голопятому? Сват Андрей выспался досыта. Встал, кашу дочиста съел и котелок выскоблил. Весь день ягоды ел, а дедко косил. Вечером поужинали, дедко говорит: «Как бы нам блох в избушке не развести... Давай старое-то сено выкидаем, настелим свежего». За избушкой была накошена крапива. Дедко ее и настелил Андрюшке, втолстую. Уклялись ночевать. Сват Андрей ерзает. Сапоги висят, сохнут. «Дедушко, вон у Кузьки в петров день гости ночевали, все в сапогах на сарае спали. Обутые». — «Напились, видно». — «Не! Кузькин божат и вина не пьет, одно сусло, а тоже не разувался». — «Божат?» — «Ыгы». — «Видно, он забыл разуться-то. А ты ноги-то поглубже в сено зарой, оне и не замерзнут».

Полежали еще. Сват Андрей опять:

«Дедушко, а ведь ежели долго сапоги не носить, оне засохнут, с портянками и не обушь». — «А мы их дёготком, дёготком. Оне и отмякнут. Не холодно?» — «Только ведь ноги тереть будут сапоги-то». — «Пожалуй, немножко будут». — «Лучше я их обую, а то они совсем ссохнутся». Дедко говорит: «Завтра и обуешь. Ты у нас парень хороший, вишь, как обутку бережешь. Я в твои годы еще и портки на ночь снимал. А как же? Семья большая, портки дело нешуточное».

Утром до солнышка сват Андрей спрыгнул на обе ноги. Сразу бросился сапоги обувать, засобирился косить. Дедко говорит: «Не ходи! Надо бы еще посушить ночку». — «Нет, дедушко, как бы не пересохли».

НОВЫЕ МЕРЫ

Чего я в своей юной жизни не любил, так это дергать лен. Еще пасти молодых телят. Это мне было хуже горькой редьки. Бывало, лен дергаешь, а голова от дурману как колотушка. Руки в занозах, а полоса что великий пост, конца не видать. Поставили меня в пастухи. С телятами — того хуже. Только солнышко встанет, оне хвосты на спину, копыта в небо. Завзлягивали. Пока одного в коллектив восстановишь, другой от стада наяривает, сам не знает куда. За этими сбегашь — третий сбился с фарватеру. Такое возьмет зло, заревишь и давай их сам разгонять. Бегите, дристуны, по всему лесу, хоть все разбегитесь! Каменьями по ним палю, только бухает. Бегите по всем странам! Все! Оне — ни с места. На-

оборот — в кучу сбиваются. Такая натура, все время норвят по-своему. Вижу, надо принимать крутые новые меры. Того же дня барабанку в озеро, сам с пастухов долой. Ушел на другую должность. Вот, парень, кабы и везде так! Не умеешь пасти — уйди подобру. Правда, пока я должность менял, телят убавилось. Оводы и те обсядут, бывало, теленка, дружно уцепятся. Крыльями загудят, глядишь, от земли уже оторвали, ноги болтаются в воздухе. Он мыркает, а они хоть и с натугой, а все дальше и выше, дальше да выше. А голос телячий все тише да тише. Потом и совсем станет не слышно, одна черная точка.

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Со стариками одна беда, а и с молодыми не мед. Особенно с мужским полом. Только с четырех ног сделал перестановку на две, сразу и варзать*. На березу залезет сам, обратно слезать — волокут пожарную лестницу. Дикого реву — хоть затыкай уши. Под осень на огородах ставят клепцы, как на зайцев. Еще ничего не созрело, а мы уж идем в поход, чужая репа испокон веку своей слаще. Из ружья по нас палят мелким горохом. На гумне друг у дружки эти горошины лучинками поочередно выковыриваем. Как в санбате. Вон у свата Андрея и сейчас целый стручок в заднице. Из-за этого в баню не ходит. Боится, что от теплой влаги горох разбухнет, а потом пойдут дружные всходы. Милое дело.

Да. Расскажу, как выходил из детского возраста. Я уже трои сапоги измолол, печи класть выучился, а насчет женитьбы не заикнись. Во сне по ночам начал вздрагивать. Стали сниться пожары. Днем девки из головы не выходят, одна особенно.

*У тальяночки ремень,
А я о дрочке ревел,
Я еще бы поревел,
Да мне товарищ не велел.*

Обедать сядем. Матка мясо крошит, болонь, белое сухожилье, — мне: «На, Кузька, перекуси! Перекусишь — на зиму женим». Кусаешь, кусаешь — отступишься. Матка хохочет. Через год отец устраивает экзамент: «Топорище хорошее делаешь — за зиму женим!» Топорище сделал — облизешь паль-

* В а р з а т ь — вологодский глагол, обозначающий какие-либо непотребные действия молодых людей. (Здесь и далее прим. автора.)

чки. А отец помалкивает. Будто ничего и не говаривал. Ладно. На третий год говорит: «Вот, Кузька, ежели гвоздь с трех разов загонишь в бревно, на зиму женим». Этот гвоздь и не пикнул. Я его с двух ударов забил в бревно по самую шляпку. Отец говорит: «Нет, брат, рано тебя женить. Ты у нас еще дурак дураком. Такой гвоздь испортил, забил в чурку ни с того ни с сего». Вижу, кругом один обман зрения. Три зимы прошло, женитьбой не пахнет. Стал думать головой. Работа тяжелая. Один раз и говорю тятке: «Надо бы, тятя, овцу зарезать, пустые шти хлебать неохота». Отец говорит: «Да вот, сынок, сам видишь, овец только остригли, стриженую овцу резать невыгодно».

На другой день, гляжу, выходит из хлева. Спрашиваю: «Что, тятя, не подросла шерстка-то?» Поглядел на меня, ничего не сказал. Через два дня лошадь запрягли, поехали свататься.

НА ВЗЛЕТЕ ЖИЗНИ

С первого разу дело не вышло, не буду и врать. С одноразки и чихнуть не каждый сумеет, а тут женитьба. Дело темное. Как сватался, это место пропущу, расскажу сразу про первую ночь. Свадьбу приурочили к Первому маю. Для экономии лишних средств. Отплясали, отгуляли, подошло время ложиться спать. Пришла первая ночь с молодой женой, чувствую сам, что оказался на взлете жизни. Постлали нам в горнице. Только я один сапог разул, моя говорит: «Кузя, Кузя, мне надо в женсовет, у нас бубновское движенье». Кузя молчит. Она дверями хлоп, только сарафан вильнул. Гляжу в одну точку. Не знаю, что делать — то ли остатний сапог снимать, то ли и первый обуть да за бабой бежать. Пока думал, удула в избу-читальню. Изба-читальня в другой деревне. Я — туда.

Заседание только вошло в силу. Мне говорят: «Ослободи помещенье». Я уперся, не ухожу. Выставили физической силой. Коромысло на крыльце схватил, хлесть по раме. Хряснул, знамо дело, изо всей правды: косяки устояли, рамы вылетели. Весь женсовет сперва визжать, после панику оборотили и той же ночи постановили: «Кузьме Баракхостову, урожденцу такому-то, как злостному алименту, вставить новые рамы. А его несознательную личность отдать под суд».

В суде меня спрашивают: «С каких позиций пазганул по окну?» — «С улицы». — «Нет, — спрашивают, — какие были первые намеренья? Ежели тебя судить по классовым признакам, дак столько-то, а ежели по фулиганству, дак сидеть на много меньше». Говорю: «Простите, пожалуйста!» — «Ладно, иди домой».

Домой прихожу, отец ко мне в ноги: «Кузька, — говорит, — гони, ради Христа!» — «Кого?» — «Как кого, бабу свою гони!. Пока тебя не было, иконы выкидала. Корову доить не пошла, сидит над бумагами. Рот в черниле. Не прогонишь, одна нам с маткой дорога — в петлю!» Я говорю: «Обожди!» — «И ждать нечего. Матка, зови десятского, будем делиться».

Разделились. Полкоровы нам — полкоровы отцу, пол-избы ему — пол-избы мне. Самовар отошел родителям, тулуп — нам. От такой жизни оба с отцом похудели.

Неделю пожили, мерина запрягаю: «Складывай узлы!» Отвез ее обратно, у бани выгрузил. Мне ее стало тогда жаль. А на другой день на гулянке, слышу, поет:

*Расставались с дорогим,
Пошла и не заплакала,
Буду с новеньким гулять,
Любовь-то одинакова.*

Ладно, думаю. Свез, хорошо и сделал: баба с возу, кобыле легче.

После этого от женитьбы охоту отбило. Начал со сватом Андреем холостяжничать*. Было поплясано, по чужим деревням похожено, в овинах поночевано. Есть чего вспомнить.

СГИНУЛИ

В гости ходить любил больше всего. И сейчас бы ходил, да больно уж много стало праздников. Внахлестку так и идут, никак не угонишься. Да и здоровье тоже стало не то. Раньше я остановок не признавал, бегал регулярно по всей округе. Конечно, при таком деле и отряховки провертывались, не скажу. Поколачивали. Особенно первое время: смекалки-то, вишь, не было. Помню, только огороды трещат. Колья по твоей спине знай бухают. Отступаешь в поскотину, тюмы** считать некогда.

Да. Завел сперва гармонью, потом часы с цепкой. Костюм-тройка у меня был, еще до первого женсовета.

Помню, прихожу на игрище, игрище было у моей милахи. Сидим с ней в коридоре избы. Я на игрище один чужак. Местные, чую, запохаживали на волю, запоглядывали. Чувствую, скоро начнут колотить! У милахина отца было наварено пиво. Слышу, как оно ходит в бочонках ходуном. Я бо-

* Почти то же самое, что и варзать.

** Т ю м ы — удары.

чонки батареей перед собой расставил, затычки подколотил плотнее. Лампа в избе вдребезги — сейчас пойдут в полный рост. Я бочонок заранее поболтал, держу наготове. Пиво в нем гудит, как в атомной бомбе. Подскакивают. «Стой, — кричу, — лучше не подходи!» Ринулись... Я гвоздиком затычку кулупнул. Бух! — человек десять легло грудой. А паники все нет, идут новые. Я другой бочонок. Бух! — с коридора как вымело. Бух, бух! — на лестнице чисто. Я палю, оне отступают. Разбежались.

На другой день многих искали всем сельсоветом. Врать не хочу, все почти нашлись, только двух или трех и не нашли. Сгинули. Немудрено и сгинуть: стекла во всех домах от моей пальбы вышибло.

БЫЛА НЕ БЫЛА

Добро холостым гулять, а от женитьбы все одно никуда не уйдешь. Редкий человек от нее отвертится. Есть такая болезнь — гриб. Знаешь, наверно. Как от его ни изворачивайся — найдет и температуры нагонит. Нонешней осенью мне сват Андрей говорит: «Я теперь знаю средство, меня нынче ни один гриб не возьмет. Вон за неделю всю деревню перевертело, а я хоть бы что. Хожу да поплеываю». Я его слушаю, сам головой качаю: больно ты, сват, остроглаз. От гриба вздумал отбояриться. «Вон, — говорю, — идет вторая волна, ужо погляжу, как нос-то у тебя разворотит». Ерепенится: знаю средство, да и только. «Какое?» — спрашиваю. «Ставь, — говорит, — четвертинку — скажу». Я спорить не стал, выставил: «Ну, говори». — «А чего говорить — сам видишь, давай доставай стопки. Это средство самое верное». Вдруг как чихнет! «Ох, — говорит, — мать-перемать, надо было скорее, теперь уж не успею! Ну-ко давай, может, еще и ничего». Чекушки как не бывало.

Наутро свата духу нет, на другое — не показывается. Слышу, старухи рассказывают последние известия. У свата кашель в оба конца. Думаю, не хвастай, сват, этот гриб слой найдет. Вот так и женитьба.

Мы с отцом высватали невесту в дальней деревне. Девка что картинка. В семье одна она да еще сестра старшая. Сестру замуж никто не взял — косая да шадрунья. В девках усе-лась плотно. Мы высватали младшую. Тесть посулил в при-дачу самовар красный да суюгную овцу. Ладно. Мне бы в сель-совете расписаться, да и дело с концом. А моя матка вздумала свадьбу сделать по-прежнему, с венчаньем. Церква тогда стояла еще со стеклами. Попик сперва упирался, потом по-

шел навстречу. Сходили в сельсовет за ключами. Я костюм надел, запряг мерина. По обычаю, невесту привезли в других санях, сидит фатой завешана.

В церкве темно и хоть волков морозь. Из-за этого хватило с попом лишнего. Иду к венцу, гляжу под ноги, чтобы не оступиться да людей не насмешить. Поп нас окрутил на скорую руку, по-стахановски. Все! Молодых салят в одне сани. Мать честная, как повернул я голову-то, так весь и обмер! Сестра-то сидит не младшая — старшая! Косая! Зовут Вириной. Я чуть не плачу, а тесть меня по плечу хлопает: «Кузьма Иванович! Я тебе заместо суюгной овцы корову стельную! К самовару-то! И не пикнет!» Хотел я его из саней выкинуть, да совестно от народу. Эх, думаю, была не была, мне что корова, что овца! Попробую и с косоглазой жить, может, и ничего. С того дня Вирька да Вирька. Уж много годов с ней маюсь, а пораздумать — так вроде и хорошо... А? Чего? Ты, старушка, не хохочи и нас не подслушивай. Твое дело пятое. Сестры-то, говоришь, не было? Вишь, говорит, что у отца одна была. Здра, Вирина. Никогда не вру, могу и перекреститься перед человеком. Всю жизнь идешь поперек меня, одно спасенье — не обращать внимания.

УХВАТЫ НЕ ВИНОВАТЫ

А вот ведь первое время тоже еле с ней совладал. С Вириной-то. Выбрали ее один раз в члены правления, и начала заноситься. Заговорила на «а». Суп варить перестала. В избе по неделе не метено, ребятишки голодные. Чево? Ребят, говоришь, в ту пору не было? (Не слушай ее, все врет.) Конечно, не было, ежели занялась новым строительством. Значит, на чем я остановился? А ты, старуха, больше нас не перебивай.

Да. Так уж любила на собранья ходить, что и печь иной раз не топила, просто беда. Я уж ее всяко воспитывал и убеждал. «А ежели, — говорю, — руководство переменится? Что тогда запоешь? Ведь тебе, — говорю, — тогда не отчихаться». Нет, нейдется. На слова никакого внимания. Выручил сват Андрей: «Ты, — говорит, — Кузьма Иванович, тоже начни ходить. По игрищам». Я так и сделал. Она на собранья, а я к девкам, на игрище. До полуночи домой не являемся, оба-два! Только узнала, сразу все дополнительные нагрузки в сторону. Как отрезало. Я, конечно, человек податливый, тоже сразу остепенился. На игрища ходить перестал. Хоть уж и попривык было к этому делу. Начал налаживать семейную жизнь.

А в семейной жизни, что думаешь, самое основательное? Самое главное — это чтобы брюхо никогда не простаивало.

Только у брюха нагрузка кончилась, глянь, и пошли перекосы. По всем направлениям, по всем участкам движения. Это я много разов на себе испытал. Знаю. Досталось мне за свою жизнь с этим брюхом. Бывало, только очухаешься, жонка опять с заявлением: «Кузьма, мука кончилась!» Говорю: «Погляди внимательно!» — «Чего глядеть, все выгляжено. Затворить затворила, замешать нечем». Сижу, затылок скребу. Фунта полтора наскребешь, квашонку замешает. Три дня пройдет, она опять: «Кузьма, хлеб кончился!» — «Пеки пироги!» Плюнет на мой валенок, уйдет в куфню. Ухваты, слышу, нечередом брякают. Ухваты не виноваты. Надо, думаю, эту канитель прекратить. Разве дело? Перед сенокосом выбрал слободное время. Выпилил три доски, выстрогал начисто. Сколотил из них полочку. Ушки из железа выстриг, повесил на видном месте. Бывало, только мука вся выйдет, я жонке шумлю: «Виринея! Время здря не тяни! Клади зубы на полку!» Слушалась. С этого лета у нас с ней ни лаю, ни ругани. Все конфликты разом отшибло. Живем дружно много годов. Деток вырастили. Кого хошь в деревне спроси, никто Барахвостовых деток не похает.

НЕМНОЖКО ПЕРЕТЯНУЛИ

Да, чего я тебе не рассказывал-то... Вишь, при ней-то не посмел, а после забыл. Теперь ушла, проходит до паужны. Вот слушай, как я ей, Вирьке-то, косые глаза выправил. А чево? Не веришь — не верь, дело твое, хозяйское. Могу и не рассказывать. Я не навязываюсь. Чево — ладно, чево — ладно? Вишь, сразу и Кузьма Иванович. Шестой десяток Кузьма Иванович! Я вашего брата всех слушал, не перебивал, пусть и меня послушают.

Дело было так. Помню, до того мне напостыло жить с косяглазой бабой! Лицом в одном направленье, глазами в другом. Кому хошь доведись, нелюбо. Выбрал момент, когда у нее чирей на шею сел. (А моя Виринея чего больше всего любила в молодые годы, дак это глядеть петушинные драки. Бывало, все бросит. Глядит, который которому натюкает. Я уж в эти минуты к ней не касаюсь.)

Подговорил свата Андрея: «Ты, — говорю, — привяжи к петуховой лапе длинную нитку, а сам сядь за угол. Да и волокни его, петуха-то, в нужную сторону, когда раздерутся-то». Так и сделали. Ну, сам знаешь, петух такое животное — всю жизнь только и норовит в драку. Чтобы своему же товарищу глаз выключнуть. Первый начал, который был на привязи. Налетел что вихорь. Тот сперва растерялся. Тут главное дело,

кто первый начнет. Сцепились. Моя бежит, тут как тут. Петухи в азарт входят, без всякой пощады друг дружку молотят. Виринея глядит. Я свату рукой махаю: мол, давай начинай. Время. Сват петуха потащил. Виринея глядит, все на свете забыла. Драка в сторону, в сторону. Моя всем главным корпусом поворачивается: шей-то из-за чирья не повернуть. Я ногу подставил, другой ногой уперся. Плечом да кое-как, поднатужился, не даю ей поворачиваться-то. Кричу свату Андрею: «Волоки, мать-перемать!» Он волокет, я Виринею держу. Она не успевает поворачиваться, да и чирей мешает. Ну глаза-то у ее и пошли сами, поглядом, за дракой-то. Аж хрустнуло чеве-то под переносицей. Сват Андрей кричит: «Хватит аль еще?» — «Я откуда знаю, я не доктор! Давай, — говорю, — еще маленько, на всякий случай». Он волокет, я бабу держу изо всей силы, глаза на лице выправляем. Как часовую стрелку переводим. «Стой, — кричу, — наверно, хватит, как бы не перетянуть лишка!» Сват петуха отпустил, драка сразу кончилась. Поглядели на Виринею-то: мать честная, совсем баба другая! Правда, немножко перетянули. Раньше направо косоглазила, теперь стала налево. А все равно с прежней не идет ни в какое сравнение.

НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Конечно, у нас с ней тоже были разногласия. Редко, но бывали, врать не буду. Она хоть и ударилась одно время в политику, а на пользу это ей не пошло. Как была неслезательная, так и осталась. Теперь уж не выправишь, это тебе не глаза. Надо было раньше.

Главная стычка вышла, когда вступали в колхоз. У нас в деревне все мужики за один вечер записались в колхоз. Мы все сорок хозяйств на собрание за полчаса ликвидировали. Установили одно большое и наибошее. Собрание в полном разгаре. Дошло до дров. Обобществлять единоличные дрова или нет? Моя с собрания убежала. Я проголосовал и за дрова, чтобы не семь раз по месту, чтобы до утра зря не сидеть. Домой идем прямо и гордо. На крылечко шагнул — моя ворота на крюк. Не пускает. Я к окошку — она на печь. Я опять к воротам — все как и раньше. Высунулась: «Неси леший! Ночевай в любом доме, для чего и колхоз!» Я говорю: «Виринея! Ты, — говорю, — подумай сама, что делаешь! Ну ладно, дрова общие, зато скоро чай будешь пить внакладку. Эко дело дрова! Нарубим!» Слышу, примолкла. Я приободрился, говорю: «Коров будешь доить воздухом!» Молчит. «Я на электрической вспашке». Чувствую, что слушает, а ворота не отпирает.

Я свою агитацию двигаю дальше: «Нам бы только до весны продержаться, а там пойдет пожар по всем странам. По хлебным». Слышу, половица скрипнула. «Будешь ходить в розовой кофте». Идет, отпирает. На всякий пожарный случай добавляю: «Ребят родишь, растить не придется. Всех на государство сдадим, сами...» Не надо было этого говорить! Договорить не успел, ногу в притвор сунуть не успел, ворота опять хлоп. Слышу прежнюю реплику: «Неси леший! Домой не являйся! Я свои дрова на горбу по снегу таскала. Иди от избы!» Ну, думаю, все дело пропало, второй раз не откроет.

Ночевать пошел к свату Андрею. Сват Андрей сидит на крылечке. Время четвертый час ночи. «Чево?» — говорит. «Да вот... вышел на свежий воздух». — «Меня, — говорит, — тоже, это... Тоже вот покурить вышел!»

Устроили коллективный перекур на свежем воздухе.

СДЕЛЬНАЯ

Началась общеколхозная жизнь. Мою Виринею поставили в передовые доярки. Дали шестнадцать стельных коров. Я — на подвозе силосной массы. Только, бывало, подъезжаю к строению, сразу кричу: «Виринея! Принимай груз!» Она уже бежит навстречу, от восторгу вся розовая. Навильники у нее только мелькают. Ущипнуть не успеешь, ведра уже брякают у реки. Сапоги иной раз не на ту ногу обует да весь день так и бегаёт. В стенгазете ее хвалят, на слет везут в тарантасе. К моему прискорбью, спать перебралась на ферму. Я как адъютант за ней следом. Дом на замке круглые сутки. Все бы ладно, да сват Андрей подсатанивает: «Ты, Кузьма, только не отелись, гляди. Дело ночное, ошибиться недолго». Терплю. Трудодни нам с Виринеей не идут, а валят гужом. Накопилось под самую тысячу. Конечно, почету много, а толку наплакал кот. Говорю Виринее: «Пшеничников не пекла с прошлогодней масленицы! Юбка на заднице держится святым духом — разве ладно?» — «Не твое дело, выхожу на большую дорогу!» Я и говорю: «Хорошо. Выходи. А мне надо платить налог, хозяйство записано на меня. Буду искать другой слой». Лошадь и сбрую передаю другому, складываю инструмент в котомку. Иду по деревням класть печи. В людях кормят как на убой, почету не меньше. Никто меня не торопит, под локоть не тычет. Утром чаю попью, фартук надену. Глину разведу теплой водой — осталась в самоваре. Кладу кирпичи да попеваю: «Во саду при долине». Сват Андрей мне завидует: «Тебе, Баракхостов, что, тебе полдела. Харч даровой, квартера готовая, возьми в помощники?» — «Иди». Он говорит:

«Я бы пошел, да правленье не отпускает. Вставай, — говорит, — в пожарники, и точка». — «Встал?» — «Пока нет, ждут фуражку». Ладно. Живем дальше.

Один раз я в колхозном овине сложил хорошую печь. На совесть, по последнему слову техники. Печь — что фабрика. Жаркая, не дымная. Работает как часы, простоит сто годов без ремонта. Рассчитались со мной по самой высокой графе, деньги наличными. Шесть овинов хлеба высушили, вдруг является сват Андрей. В фуражке. Спрашивает бригадира: «Топится?» — «Как в аптеке». — «Разломать!» — «Почему?» — «Не разговаривать, даю сроку четыре часа!» — «Хорошая печь». — «Разломать! В противопожарном отношении». Печь потушили, оглоблями разворотили. Зовут опять меня: «Баряхвостов, клади!» Я склал, приходит сват Андрей, дает команду: «Разломать! Дым идет не туда. По инструкции дым должен идти в левую сторону. У вас дым прямо вверх шпарит!» Оне ломают, я кладу. Дело идет без остановки. Работаю. Сват на окладе, у меня сдельная. Говорю свату: «Долго таким свистоплясом жить будем?» — «Да тоже, — говорит, — поднадоело. А чего делать?» — «Не ломать. Остановиться». — «Я, — говорит, уж обращался к высшим инстанциям. Выполняй, — говорят, — приказ и не рассуждай. Фуражка вам зря, что ли, выдана?» Я свату Андрею говорю в задумчивости: «Фуражка, оно конешно. Фуражка-то ладно, ты в ней как поручик. А я вон печи класть совсем разучился. Был печник как печник, стал неведомо кто».

СВАТ ХУДОМУ НЕ НАУЧИТ

Да, право слово, совсем я разучился. В новой конторе склал печь, вышла очень угарная. Заседанье правления назначат — все члены через полчаса синие. От звону в ушах дребезжат стекла. Решенья принимают не те, бумаги путают. Все шишки на Баряхвостова: «Ты уморил!» Я говорю: «Ребятюшки, извините, пожалуйста, сам не знаю, как получилось». — «Откуда в ушах звон?» — «Не знаю». — «Мы тебя, так-перетак! Видать, захотел на даровые харчи!» Я мастерком об пол: «Кладите сами!»

Недоимок у Баряхвостова нет, налоги платил первым. Одно худо — в чужих людях. Домой придешь — корова не доена, Вириная на ферме, ребятишек собираешь, как пастух, по всей деревне. Один раз сел доить корову сам, своими личными руками. Корова от непривычки и возмущения без остановки машет хвостом. То по носу, то по глазам. Животное — что с нее взять? Я свата Андрея увидел, на жизнь жалуюсь: «Нет никакой силы-возможности! Доить пойдешь — корова хво-

стом машет. Все глаза выхлестала». — «Ты вот что, — сват говорит, — ты к хвосту-то кирпич привязывай, да потяжелее. Хвост-то у нее огнетет, она и не будет махать». Сват Андрей худому не научит. Вечером пошел доить, сделал все точь-вточь. Кирпичи привязал, начал чиркать. Как она даст мне по голове-то! Кирпичом-то! Поверишь — нет, а я полетел, будто шти пролил. Лежу на назьму в бессознательном виде, сам думаю: «Не надо было свата слушать, надо было думать своей головой».

ВЫВЕРНУЛАСЬ

Я уже тебе говорил, что печи-то я сперва клал дородно. По всей окружности жилых деревень печи в домах стоят мои. Только себе не мог удосужиться сложить хорошую печь, топили по-черному. Дым идет под потолок, в спецдыру. Эта дыра называется чилисник. Бывало, замешкаешься, вовремя не закроешь — беда! Вся память, какая есть, вместе с теплом вылетает, остаешься при своих интересах. Со мной случилось такое дело много раз. Убей, ничего не помню, что было еще. В те годы. Помню только один случай. Как мы с Виринеей чуть-чуть не остались под открытым небом. При всех-то ребятишках. Летом забыли закрыть чилисник. А как раз поднялась гроза, пазгает во все стороны. Молния в чилисник-то и залетела. Залетела с огнем. Изба у меня враз загорелась. Огонь от грозы гасят коровьим молоком, знаешь сам. Простой воде этот огонь не под силу. У нас в ту пору коровы не было, только коза. Кричу свату Андрею: «Как думаешь, от козы погодится молоко огонь тушить?» Сват за ухом поскреб: «Ежели не больно жирное, так сойдет!» Ладно. Запрягаю, еду в поскотину, пастуху ставлю пол-литра. Так и так, животное требуется дома. Козу пулей привожу домой. Подоили, пожар в избе потушили. Еще бы немножко, крыша бы занялась. Видишь, как матица-то обгорела? Не видно, заклеила Вириней бумагой. Моя Вириней меня же и ругает, а я спрашиваю: «А чем корова лучше козы? Ведь будь тогда в нашем хозяйстве корова, разве бы я успел в телеге ее домой привезти? Да ни в жизнь! Эдакую-то тушу. Сидели бы, — говорю, — без квартиры, на чужих бы подворьях с ребятишками маялись». Баба есть женщина, женщиной она и останется. Недовольна. Говорит: «Чем козу держать, так лучше никого не держать. Молока доит по фунту, да и то козлом от него так и разит». От молока-то. «Почему я не слышу?» — «Потому, — говорит, — что куришь, вот и не слышишь». Вишь, как вывернулась. Вышла из положенья.

НЕРВЫ СДАЛИ

Конечно, с одной стороны, коза — животное очень экономная. С другой стороны, и Виринею тоже можно понять. Как человека. Уж больно эти козы любят блудить. Чуть что, и несут на них жалобы. Лезут везде, и особо туда, куда нельзя. Куда лезя, туда никогда и не лезут. Что за скотина?! Помню, только сядешь газету почитать (я уже тогда сидел в бригадир-рах), только сядешь, выберешь время, глядь, уж бегут: «Кузьма Иванович, твоя коза озимь щиплет!» Была бы озимь своя, наплевать. А озимь колхозная, коза своя. Да ведь еще и бригадир-то ты! Ну ладно. Это было после, а я говорю, как было до этого. Думаешь, почему мы козу завели? А потому, что с коровой совсем согрешили. Не стало никакого терпенья, нервы сдали. Всем была корова добра и доила по пуду. Бывало, подойдет ко крылечку, все понимает, только не говорит. Пока отдельно пасли, все шло хорошо. Как только стали пасти всех коров вместе, начала портиться. Избаловалась, дисциплины не признает. Бодаться выучилась, рога то и дело ломает. Скакать привыкла чуть не до князька. Начала перенимать худые привычки. Бывало, только подоишь (хвост я к ноге привязывал, обходился после без кирпича), только подоишь — молока полный подойник. А она, шалава, что делает? Она заднюю ногу поднимет да в подойник-то и обмакнет. Еще и побулькает в молоке-то. Ногой-то. Вот до чего дело дошло! «Нет, девушка! — думаю. — Так у меня ты скоро отвертишься. Первую партию вон уж на мясопоставку угнали». Все! Решенье мое твердое. Заодно и от молокопоставки ослобонят. Эту сгнали на государство, купили другую. О двух сосках. Бородатую.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

После этого у нас с Виринеей что ни день, то арабский конфликт. Почала меня точить: «Все люди как люди, одне мы с козой маемся». — «Виринея! Поимей совесть, не говори не дело». — «Чево не дело, чево не дело?» Молчу. Ругается. Составляю план своих действий. Складу-ка я ей новую печь! Может, и остановится. Печь сделал на совесть. Первый день вроде поуспокоилась, на второй совсем хорошо. На третий — хуже прежнего, начала точить с новой силой. А к этому время все тараканы от свата Андрея перебежали к нам на квартиру. Как узнали, что печь у меня новая, теплая, так один по-за одному к нам. Худа без добра не бывает. Жена на полатах ночует. Я внизу за печью. Как только начинает меня точить, я потихоньку да помаленьку валенки обую, да ко двери, да прями-

ком к свату Андрею. Дома Вириная меня точит. Тараканы за печкой усами шевелят, шабаркаются. Она и думает, что это я живой, точит и точит. А меня нет. Она точит. Все тараканы через неделю обратно! Утром возвращаюсь от свата, гляжу — рыжие бегут. На прежнюю квартиру. Кто где, прямо по снегу. Друг дружку перегоняют, толкаются. Я кричу: «Чего мало погостили?» Домой прихожу — изба чистехонькая.

Что-то, паря, у меня худые пошли бухтинки-то. Нескладные. Про тараканов вроде не все сказал. А чего — вспомнить никак не могу. Памяти мало стало. Говорил я тебе, что память-то у меня вместе с угаром вышла? С тараканами делов было больше, это я хорошо помню. Вот только забыл в точности, какие случаи. Ну ладно, шут с ними. С тараканами-то.

ПОШЛИ КАК НОВЕНЬКИЕ

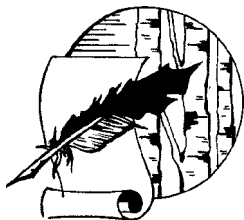
Про войну не буду и сказывать. Все равно никто не поверит. Ведь что за народ нынче! Бухтины гнешь — уши развели. Верят. Начнешь правду сказывать — никто не слушает. Вот и тебя взять. Чего ухмыляешься-то? Правда, она что ость в глазу. Сидишь втемную, зажмурия глаз, — не больно. Как только глаз откроешь — колется, хоть ревом реви. Так и сидим, никому глаза открывать неохота.

На войне я до самой Праги шел цел-невредим, на Праге вышла оплошка. Шарахнуло. Домой отпустили — ноги разные, одна короче другой. На пять сантиметров. Иду со станции с клюшкой, переваливаюсь. Сел покурить. Мать честная! Гляжу — сват Андрей. Тоже вроде меня, ступает на трех ногах. «Здорово, сват!» — «Здорово!» — «Тебя куда?» — «В левую. А тебя?» — «Сам видишь, заехало в правую». Сели, поразговаривали. Сиди не сиди, а домой надо. Пошли. Оба хромые, ничего у нас не подается. У его левая нога короче, у меня правая. «Сват, — говорю, — а ведь нам эдак домой к ночи не попасть». — «Не попасть». Идем дальше. Сват говорит: «Знаешь чего?» — «Чего?» — «А давай ногами менять. Я тебе свою окороченную, ты мне свою длинную. Мы потому тихо идем, что ноги разные у обоих». Я подумал, подумал, махнул рукой: «Давай!» Сменялись. Я ему свою ядреную, он мне свою хромую. У обоих хромоты как не бывало. Костыли и клюшки полетели в канаву. И пошли мы как новенькие. «Ну, — говорю, — и голова у тебя, сват! Еще хитрей стала, после войны-то. А у меня, — говорю, — вроде и остатный умишко из головы выдуло. Ведь мог бы сменяться еще в поезде, мало ли нашего брата, хромоногих-то».

Домой пришли как раз к самоварам.

В мирные дни у нас с Виринеей пошла на свет свежая ребятня. Откуда, дружок, что и взялось! Иной год по два-три. Первое время я в сельсовет ходил, записывал каждого четко и ясно. После и записывать отступился, принимаю на домашний учет. Один раз оглянулся назад-то, так меня в жар и кинуло. «Вириняя, — говорю, — остановись! Остановись, Вириняя! Я за себя не ручаюсь, могу умереть в любой момент. Дело не молодое». От моих указаний никакого толку. Все идет по прежнему графику. Пробую убедить с позиции силы — для себя еще хуже. Против меня все права, все уложения кодекса. Ну!.. Шесть пишем да семь в уме, не знаю, что и делать. Сват Андрей придет, начнет пересчитывать. «Первый, второй, третий... Стой, Барахвостов, одного нет! Не знаю только, девки аль парня». Отвечаю: «Посчитай еще, с утра были все на месте. У меня с этим делом строго». — «Одного нету». — «Должон быть, возьми глаза в руки. Ты, — говорю, — всю жизнь живешь по своей арифметике». — «Это по какой?» — «А по такой! У тебя вон всего двое, да и те довоенного образца. А ведь харчи-то были не чета нынешним». Тут уж свату Андрею крыть нечем. Соглашается. «Пожалуй, — говорит, — правда. Ты, Кузьма Иванович, молодец. А вот ведь медаль-то выдали одной Виринее, разве ладно? Уж ежели она мать-героиня, дак и отца не надо бы обижать». Я, конечно, умом-то с ним соглашаюсь, а сам не уступаю: «Нет, сват, неправильные твои слова. Может, — говорю, — мушина-то был в этом деле не один, а с помощниками. Откуда правительству знать? Есть, — говорю, — и такие, любители на чужом горбу в рай заехать. А уж насчет медалей-то я знаю много всего кое-чего».

Да. Перед сватом-то я, конечно, свою марку держу. А как дойдет дело до зимы... Ох, товарищ, это прямо беда! Без бухтин, говорю, не в строку лыко. Лето-то еще ничего; босиком да на подножном корму — вроде и ничего. А как полетят белые мухи... Ну, ешкин нос, вспоминать неохота, шабаш! Шабаш, паря, шабаш! Вириняя! Ставь-ко, матушка, самовар, жареной воды выпьем. Три раза с утра пили? Ничего, попьем и четыре. Неси пироги! Все до последнего! Из шкапа, из печи, из погребца и с повети — все харчи волоки! Хоть теперь поедем.

Геннадий ПОПОВ

В ОСЕННИХ ДОЖДЯХ

* * *

Прощальное тепло...
Сентябрь исходит светом.
Неведомо куда пропали облака.
Летает серебро, искрится бабье лето,
И стынет на ветру осенняя река.

Повыцвели к зиме небесные глубины,
И только на волне густеет синева...
А в роще молодой березы и осины
Трепещут, шелестят невнятные слова.

В садах то тут, то там — ручьями облепиха
Стекает, янтарем на солнышке светясь.
Уходит на покой торжественно и тихо
Прозрачных тополей серебряная вязь.

И нет всему конца, неведомо начало...
Не знаю сам, куда пылят мои следы.
Но осень на земле извечно означала,
Что время собирать неспешные плоды.

* * *

Есть охмельная благодать в осенних дождях,
Вековая тоска, перелетные выси...
Бабье лето уже побывало в гостях,
Дождевые снега засинели, нависли.

То ли дождь, то ли снег ожидать — не поймешь.
Потускнели и скрылись холодные зори.
Облака, облака за туманами сплошь
И безлистые рощи, как села в разоре.

Немота, чернота — над рекой за селом...
Я душой беспокойной туда улетаю.
Городская тоска. Поделом, поделом:
Нету радости птице, покинувшей стаю.

Вот слышу призывный мерцающий клик:
Может, это меня небеса не забыли?
Но безмолвно туманится солнечный лик,
Рассекают простор устремленные крылья.

Только ветер шумит в погустевших дождях,
В клочья облако рвут васильковые бездны.
Только светится клен, как пылающий стяг,
И роняет на землю багряные звезды.

Вновь всю зачастили дожди октября,
И хмельная слеза затуманила око...
Что ты смотришь на небо, окно отворя?
Никого в вышине...
Одиноко.

ПОЛЫННЫЙ СВЕТ

Полынный свет на куполах России,
Стоят дозором русские кресты...
Славянский стяг помяли, приспустили,
Но высятся небесные мосты.

Туманны вземные расстоянья,
Загадочны земные времена:
По странному капризу мирозданья
Отчизна в никуда устремлена.

Ее непостижимы ипостаси,
Движенье — недоступное уму:
Летит или плетется восвояси —
Известно только Богу одному.

Полынный свет причудливо струится,
В молчанье скорбном купола, кресты —
Шеломы витязей.
И каменные лица
Церквей России...
Сожжены мосты.

* * *

Наконец в телефонных шумах
Слышу голос... Но мне показалось —
В недосказанных скрытых словах
Прозвучали надрыв и усталость.

Я давно разучил наизусть
Бесконечные песни разлуки.
Неусыпно ревнивая грусть
Стережет, словно цепкие руки.

Ты прости мне унылый настрой
Непутевой порой листопада.
Будет осень тоскливо-сырой...
Но не надо об этом, не надо.

Ничего говорить не спеши:
Что, любимая, скажешь словами?
В непроглядной эфирной тиши —
Только Бог и Судьба между нами.

НА ОКЕ

Денису

Пустынный пляж, раздолье ивняка...
Возьмет ли снова силу многолюдье?
Одно мне знать дано наверняка,
Что ничего прошедшего не будет.
Уже давно знакомых не ищу.
Течет песок, как время, сквозь ладони.
Привольно стало крупному лещу
Плескать хвостом в заброшенном затоне.
Сюда вернулась чистота реки, —
Теперь почти не ходят пароходы.
Но только сердце, смыслу вопреки,
Не принимает торжества природы.
И хочется поверить в чудеса:
Как будто здесь я заново родился,
Друзей вихрастых слышу голоса, —
Никто не умер и никто не спился.
Трава в лугах остра и высока.
Бегу босой легко и бестревожно...
Неудержимо движется Ока.
Все впереди, и все еще возможно.

Николай НЫРКОВ

Нашему давнему автору, лауреату премии им. А.Платонова, Всероссийского конкурса им.В.Шукшина, Поэтического конкурса им. С. Есенина Николаю Алексеевичу Ныркуву исполнилось 60 лет. Редакция «Молодой гвардии» от всей души поздравляет юбиляра и желает ему отменного здоровья и новых творческих успехов.

НА ПОЛЕ ПОД РЯЗАНЬЮ

* * *

Долой каноны и уставы,
Звонки и светский этикет.
Уеду в глушь, где вяжут травы
Туман поречный и рассвет.

Где, как в почетном карауле,
Вдоль троп стоят боровики,
Где на завалинках бабули
Посмотрят вслед из-под руки,

Где за примолкшими дворами,
Укрыв потемками бурьян,
Разводит август вечерами
Метлой ольшаника туман,

Где все неспешно, и в малине,
Совсем не чувствуя вины,
Застрянет время в паутине
Провинциальной тишины.

* * *

Плывут облака, как обозы,
В далекий бессрочный вояж.
На удочках сонных стрекозы
Наводят с утра макияж.

Так вот мне чего не хватало
В бездушной людской суете:
Вот этих кустов краснотала
И слез на сырой бересте,

Вот этой зеленой опушки,
Травинки, уткнувшейся в бок,
И этой нахальной лягушки,
Схватившей в воде поплавок.

Так вот мне чего не хватало
Вдали от родительских стен:
Вот этих кустов краснотала
И солнцем сожженных колен.

* * *

Ухожу, чтобы снова вернуться
К берегам, где все лето цветет
Бирюзовая накипь на блюдах
Затененных ольхою болот.

Где рождаются нежные строчки
Про туман и ночную луну,
Где айром заросшие кочки
Стерегут до утра тишину.

Прихожу, чтобы тихо коснуться
Паутины, похожей на сеть,
Чтоб от запаха леса свихнуться
И от красок зари охмелеть.

* * *

Средь суеты внезапно немею,
Услышав, как, лаская песней Русь,
Средь облаков, вытягивая шею,
Идет по небесам пролетный гусь.

Я тосковал по этим пьяным крикам,
По синеве, распоротой крылом,
По городу, светлеющему ликом,
И куличу за праздничным столом.

Подснежник рвал оттаявшую землю,
И я молился, глядя в небеса,
Чтоб было свято все, что я приемлю,
Как этот день и эти голоса.

Чтобы не гасли радости улыбки,
И вечерами в волосы сосны
Вплетались звуки тростниковой скрипки
В прозрачных пальцах ветра и весны.

Чтоб сердце вновь любило и грустило,
И не смолкала вечера струна,
Чтоб никогда меня не обольстила
Своей красой чужая сторона.

* * *

Поклон вам, русские деревни и погосты,
Всё пережив, смогли мы сохранить
В узлах дорог истоптанные версты
И с детством не порвавшуюся нить.

Спасибо вам за благость и участие,
За ранний свет и песни на заре,
За скорбь могил и первое причастье,
И запах сена ночью во дворе.

За то, что здесь, на поле под Рязанью,
Испив тоску осенней тишины,
Мы стали ближе к боли и страданию,
И пониманию горя и вины.

За то, что зло не въелось в наши души,
И хлеб остался теплым и святым,
Что, научившись каяться и слушать,
Мы без корысти доброе творим...

Я запою, и вы мне подпоете,
И нет родней и ближе наших душ.
Надрывно стонет, спрятавшись в болоте,
Пугливой птицей дедовская глушь.

И дрогнет голос, будто на излете,
Зашемит грусть неведомо о ком.
Я запою, и вы мне подпоете,
Не зная слов, но чувствуя нутром.

* * *

За все плачу: за счастье и удачу,
За первый дождь и первую грозу.

Плачу сполна, от радости не пряча
Прилипшую под веками слезу.

Плачу за все бессонницей и болью,
И серебром нажитой седины.
Плачу сполна страданьем и любовью
За мимолетность жизни и весны.

И счастлив тем, что жив на белом свете,
И что не все оценено рублем.
Живу тем днем, что вызрел на рассвете
И разомлел, распаренный дождем.

Плачу за все и радуюсь той доле,
Что мне судьба вписала на роду.
Живу с душой, распаханной, как поле,
У земляков и неба на виду.

* * *

Живу равнодушным до шума и славы,
И знаю, что будет, когда я уйду:
Лохматое небо приляжет на травы
И тихо положит к могиле звезду.

В стихи запечатаю душу и слово,
Запахнет весной прослезившийся лед...
И снег, пролежавший почти от Покрова,
Ручьями по жилам дорог потечет.

И вязкие почки во тьме расплетая,
Потянутся к свету ладони берез...
И снова бессмертье в любви обретая,
Пасхальной ночью воскреснет Христос.

В лесу задрожит контрабас сухостоя,
И звуки завязнут в ресницах дождей...
В сосновой ладье тишины и покоя
Мне будет легко без врагов и вождей.

Мне будет легко, как под сердцем у мамы,
Внимать, как с вечерней молитвой в селе,
Намаявшись болью, расплачутся храмы
На этой привычной к страданьям земле...

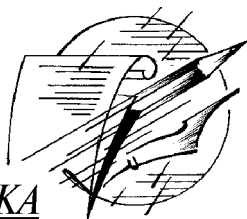
РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 6. ВЫМОРОЧНЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Четыре страны в северо-восточном уголке Западной Европы образуют некий счастливый заповедник и входят в число государств с признанными, по методике ООН, наиболее благоприятными условиями жизни. Три из них — Дания, Швеция и Норвегия — образовались в результате завоевания этих территорий германцами (готами, ютами, англами, данами и свеями). О том, кто такие германцы, мне приходилось писать в нашем журнале не раз: это жестокие, свирепые анархисты, жившие преимущественно войной и грабежом, но считавшие себя высшей расой — расой господ. «Примкнувшая к тройке готских стран» четвёртая — Финляндия — населена угро-финнами, которых германцы считали варварами. Но поскольку они сильно беспокоили шведов своими набегами на их селения, потомки благородных готов вынуждены были завоевать эту дикуую страну.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Нам сейчас трудно себе представить, что когда-то Дания и Швеция были великими державами. А вообще эти три готские страны то соединялись в одно государство, то снова становились самостоятельными, часто в результате кровопролитных войн. А войн этих были десятки. Приведу лишь два факта.

Северная семилетняя война (1563—1570) между Швецией и коалицией Дании, Любека и Польши продолжалась до истощения сил противников и закончилась «миром без аннексий и контрибуций».

Уния трёх государств — Дании, Швеции и Норвегии, оформленная в 1397 году и ликвидированная в 1523 году, распалась в результате восстания Швеции против датского господства. Успешные восстания в 1471 году привели к восстановлению независимости Швеции к 1503 году. Но в 1520 году датский король Кристиан II с легкостью вернул Швецию под власть Дании и устроил кровавую расправу над повстанцами.

Ну а Норвегия с XIV века находилась попеременно под датским и шведским господством и обрела окончательную независимость только в 1905 году. При этом первым её королём стал датский принц. Финляндия в 1808 году отошла к России, и независимость она получила из рук Ленина только в декабре 1917 года.

Но ведь ещё недавно по историческим меркам, на рубеже XIX—XX веков все эти страны не отличались ни высоким уровнем благосостояния населения, ни передовыми позициями в мире технологий. Как же эти рядовые страны Европы смогли на протяжении одного столетия выйти на положение образца для многих государств мира?

Отчасти ответ на этот вопрос был дан во введении, теперь надо слегка развернуть его в историческом разрезе.

Если не считать кровавых «внутриготских разборок», продолжавшихся более тысячи лет, то надо отметить несколько выходов скандинавов во внешний мир.

С VIII по XI век скандинавские морские разбойники-викинги совершали набеги по всей Европе, наводя ужас на местное население. На Западе их называли норманнами, на Руси варягами. Порой они создавали свои поселения в захваченных местах. Датский король Кнут Великий (1016—1035) обладал, кроме собственно Дании, также Норвегией и Англией. Во Франции норманны образовали герцогство Нормандия, а в 1066 году нормандский герцог Вильгельм завоевал Англию. В 862 году варяг Рюрик с дружиной был приглашён на княжение в Новгород.

В начале XVII века Швеция захватила большую часть побережья Балтики и превратилась в великую державу. А тут как раз в 1618 году вспыхнула Тридцатилетняя война — один из первых общеевропейских военных конфликтов, затронувший в той или иной степени практически все европейские страны. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе. В истории этой войны различают четыре периода: чешский (1618—1625), датский (1625—1629), шведский (1630—1635) и франко-шведский (1635—1648). Как видно уже из названий этих периодов, протестантские Дания и Швеция почти с самого начала войны приняли в ней активнейшее участие, каждая из них стремилась превратить Балтийское море в своё внутреннее озеро и укрепиться на его южном побережье, в то время как католическая Польша активно сопротивлялась шведско-датской экспансии. Прочие европейские страны выступали за свободу балтийской торговли. По условиям Вестфальского мира Швеция получила стратегически важный остров Рюген, Западную Померанию и герцогство Бремен, то есть вышла со своего полуострова на материк.

К XVIII веку Швеция оказалась гегемоном на севере Европы, её армия была сильнейшей на континенте. Когда Пётр I начал войну за возвращение России выхода к Балтийскому морю, шведский король Карл XII не ограничился разгромом русской армии под Нарвой, а начал серию военных операций с целью сначала подчинить себе Польшу, а затем захватить Москву. Но его авантюры окончились разгромом шведов под Полтавой. Поражение в Великой Северной войне положило конец великодержавию Швеции. Шведы вынуждены были уступить Прибалтику России, а ряд своих владений в Северной Германии — разным немецким княжествам.

Позднее Швеция приняла участие в Семилетней войне. У нас немало написано об этой войне и о славных победах русской армии, которая овладела Кёнигсбергом и даже Берлином. И если бы не смерть императрицы Елизаветы Петровны, неизвестно, какова была бы судьба Пруссии и Германии вообще. Всё это так, но при этом забывается важнейшее обстоятельство: **главными-то игроками на всех театрах военных действий были Англия и Франция**, между которыми разгорелась война за колонии в Северной Америке. А остальные европейские государства, хотя и руководствовались своими интересами, всё же выступали как младшие партнёры одной из двух тогдашних сверхдержав. Война в Северной Америке, начавшись в преддверии Семилетней войны и в значитель-

ной степени спровоцировав её, завершилась поражением Франции. В результате Франция лишилась всех своих колониальных владений в Америке.

Семилетняя война была первой крупной войной, в которой Англия уже не посылала на материк собственных войск, воевала только одними деньгами, а не солдатами. Кроме того, эта война показала, что колонии приобретали для европейских государств всё большее значение. Европейский рынок уже не мог обходиться без колониальных товаров, а для обеспечения надёжной связи метрополий с колониями становился необходимым мощный военно-морской флот. Морская война шла почти по всему Мировому океану. Она заняла место рядом с сухопутной войной; а порой даже и главное место. Но эту истину уразумели только в Англии; а континентальным государствам дорогостоящие флоты всё еще продолжали казаться не более чем неизбежным злом. В итоге мировое мореплавание и мировая торговля сделались почти монополией Англии. («История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики». Том 4, глава II. Семилетняя война 1756—1763 гг.)

А что же Швеция? Тут ещё до Семилетней войны и даже до восшествия Елизаветы Петровны на престол произошёл забавный эпизод. Франция употребляла все своё влияние для возбуждения шведов к войне с Россией, убеждая их в том, что теперь представляется наиболее удобное время для возвращения земель, завоеванных Петром Великим. Дескать, правительство Анны Леопольдовны, как иностранное, было нелюбимо русским народом. Швеция не устояла против таких заманчивых для неё внушений и в июле 1741 года объявила России войну. В надежде на помощь сторонников Елизаветы в России, шведы объявили, что их король намеревается «избавить достойную русскую нацию, для её же собственной безопасности, от тяжкого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании и предоставить ей свободное избрание законного и справедливого правительства». Под этими сочувственными для России фразами, написанными по внушению Франции, скрывалось действительное желание последней способствовать как вступлению на престол Елизаветы Петровны, так и преобладанию в правительстве русской партии. А с усилением этой партии Франция надеялась, что двор переедет в Москву, как было при Петре II; флот, оставаясь в пренебрежении, придёт в окончательный упадок, и ослабевшая Россия, возвратившись к допетровским временам, перестанет возбуждать опасения Франции. Однако, пока шведы собирали армию, русские войска атаковали их и разбили.

Но вернусь к Семилетней войне. В этой войне Швеция выступила в союзе с Австрией, Францией, Испанией и Россией против Пруссии, Англии и Португалии. В итоге войны выигравшей страной оказалась Англия, а Россия и скандинавы ничего существенного не получили.

Скандинавские страны оказались вовлечёнными и в наполеоновские войны, в которых последний раз вступили в схватку за господство в Европе Англия и Франция. Но этому предшествовал короткий период, когда **не участвовавшие до 1805 года в англо-французской войне Швеция и Дания—Норвегия извлекали значительные выгоды, торгуя с обеими воевавшими сторонами.**

У каждой из двух сверхдержав объявились союзники на континенте. Так, в 1805 году к Англии примкнули Россия, Австрия, Швеция и Неаполь, причём Англия обязалась выплачивать своим союзникам денежные субсидии.

Правда, в ходе этих войн некоторые страны не раз меняли свою ориентацию, превращаясь из противника Наполеона в его союзника и обратно. Нам за примерами ходить недалеко: Павел I был ярким врагом революционной Франции и послал Суворова против наполеоновских генералов в Италии и Швейцарии. Но когда Наполеон стал первым консулом и укротил гидру революции, российский император не только прекратил военные действия против Франции, но и задумал совместный с войсками Наполеона поход в Индию, находившуюся под британским владычеством. А после убийства Павла, организованного англичанами, император Александр I сначала неудачно воевал против Наполеона в Европе, затем заключил с ним Тильзитский мир, а после вторжения Наполеона в Россию вынужден был объявить Отечественную войну до победного конца. Закончил он её взятием Парижа.

В кампании 1806 года Швеция была одним из наиболее упорных членов антифранцузской коалиции. Но, оставленная после Тильзитского мира союзниками, Швеция не в состоянии была защищать свои владения в северной Германии; и они были заняты французами. В 1808 г. Россия объявила Швеции войну и завоевала Финляндию. Во время войны государственный сейм Швеции избрал преемником бездетного короля наполеоновского маршала Бернадота, о котором ниже будет особый разговор. И Швеция примкнула к континентальной системе.

Дания думала держаться нейтралитета, но и Франция, и Англия были озабочены тем, будут ли английские корабли иметь свободный пропуск через пролив Зунд. Английский флот, желая предупредить противника, вошёл в Зунд, бом-

бардировал Копенгаген и завладел датским флотом и военными запасами. Тогда Дания объявила войну Англии и также вошла в сферу французского влияния.

Но военные авантюры Наполеона плохо кончились и для него самого, и для Франции, и для её союзников. По решению Венского конгресса, Дания, как бывшая союзница Франции, лишилась Норвегии, которая была передана Швеции. (Это была компенсация шведам за потерю Финляндии.) Пруссия, в числе прочих земель, приобрела и шведскую Померанию, с островом Рюгеном, Дания получила небольшое герцогство Лауэнбург в юго-восточной части Шлезвиг-Гольштейна. Оно тоже было компенсацией отвергнутых датских претензий на вошедшую в состав Пруссии бывшую Шведскую Померанию. Но и этим герцогством Дания владела недолго. В 1848—1850 и 1864 годах Пруссия совместно с Германским союзом вела успешные войны против Дании за обладание герцогствами Шлезвиг и Гольштейн, в 1864 году Пруссия оккупировала и Лауэнбург.

Самое, пожалуй, удивительное последствие наполеоновских войн для скандинавов заключалось в том, что королём Швеции оказался... маршал Наполеона Бернадот. Наполеон принудил Бернадота присоединиться к континентальной системе и объявить войну Англии. А Бернадот позднее официально провозгласил нейтралитет Швеции. (Однако втайне и за спиной у сейма он заключил с Александром договор о наступательном союзе против Франции, в котором было также оговорено присоединение Норвегии к Швеции.)

Объявление Наполеоном войны России сделало Бернадота на время вершителем судеб Европы. Наполеон предложил ему, при условии, что он нападет на Россию с 40 000 шведских войск, Финляндию и ряд земель на севере Германии. Бернадот мог бы решить исход кампании и занять Петербург раньше, чем Наполеон достиг бы Москвы. Ведь две русские армии — Баркляя-де-Толли и Багратиона — на момент начала войны находились на западной границе и затем вынуждены были отступать к Москве, оставив для защиты Петербурга 1-й корпус Витгенштейна. Но этот корпус стоял в районе Полоцка и подвергался атакам со стороны корпусов маршалов Удино, Сен-Сира и Виктора. А сам Петербург оставался совершенно беззащитным от нападения со стороны Финляндии.

Но Бернадот уже сделал ставку на Россию, преследуя свои честолюбивые планы. Он был обманут лстивыми уверениями Александра, что «однажды императорская корона Франции, упавшая с головы Наполеона, может оказаться на его голове», потому рассматривал уже Швецию как владение на самый худой конец.

Побудив султана ратифицировать Бухарестский мир, Бернадот этим дал возможность русскому адмиралу Чичагову увести свои войска с берегов Дуная и действовать на фланге французской армии. Он был также посредником при заключении в Эрбру мира между Англией, с одной стороны, и Россией и Швецией — с другой.

Тут важен ещё и историко-психологический момент. Александр, напуганный первыми успехами Наполеона, пригласил Карла-Иоанна на свидание и в то же время предложил ему пост главнокомандующего русскими армиями (кандидатура Кутузова его мало устраивала). Оказавшись достаточно благого разумным, чтобы отклонить второе предложение, он 27 августа прибыл в Або, где застал Александра в крайне подавленном состоянии и весьма склонного просить мира. Сам Карл-Иоанн зашел слишком далеко, чтобы отступить, и он вдохнул мужество в колеблющегося царя, указав ему на то, что кажущиеся успехи Наполеона должны привести к его гибели. Результатом встречи явился так называемый Абоский договор, в итоге которого Карл-Иоанн не получил ничего, кроме обещаний, тогда как Россия, без малейших жертв, обеспечила себе неоценимый в тот момент союз с Швецией. В то время только от Бернадота зависело вернуть Швеции Финляндию; однако он не ударил для этого палец о палец. После отступления французов из Москвы Бернадот прервал дипломатические отношения с Францией, а когда договором 1813 года Англия гарантировала ему Норвегию, вступил в коалицию. Получив английскую субсидию, он высадился в Штральзунде с шведской армией в 25 000 человек. Будучи главнокомандующим Северной армии, состоявшей из войск всех стран коалиции, он поддерживал связи и с французской армией, основываясь на предположении, что французы предложат ему корону после падения Наполеона. В соответствии с этим он мешал подчиненным ему генералам переходить в наступление. И только угроза английского уполномоченного в его армии прекратить снабжение заставила его двинуться вперед. Когда союзники вступили во Францию, Бернадот задержал шведскую армию на её границах. Это сохранило жизнь многим шведским солдатам, а французам должно было показать, что он не принадлежит к числу тех, кто вторгся во Францию. После отречения Наполеона он отправился в Париж, чтобы напомнить Александру о данных ему обещаниях императорской короны. Но Талейран сразу же положил конец его ребяческим надеждам, заявив совету союзных государей, что «нет другого выбора, как только между Бонапартом и Бурбонами». Пришлось ему ограничиться тем, что Норвегия передавалась Швеции.

Когда в 1818 году Карл XIII умер, Бернадот, под именем Карла XIV Иоанна, был признан Европой королем Швеции и Норвегии. После французской революции 1830 года изменившийся облик Европы и прежде всего польское восстание внушили ему на момент мысль образовать союз против России. Не встретив поддержки со стороны Англии, он заключил в 1834 году с императором Николаем конвенцию о союзе, которая превратила его в вассала России. В Швеции он играл на соперничестве различных сословий, и движение либералов поставило его политику под угрозу краха; но в этот момент последовала его смерть.

Бернадот и его супруга не знали шведского языка. Но их сын Жозеф-Оскар, в отличие от родителей, хорошо овладел шведским языком. Ещё при жизни отца он играл заметную политическую роль (из-за болезни короля и языкового барьера между ним и министрами); был вице-королём Норвегии. К моменту вступления на престол (1844 год) под именем Оскара I он был очень популярен. Он старался подчёркивать равноправие шведского и норвежского королевств. Ему наследовали сын Карл XV, а затем внук Оскар II, правивший до 1907 года.

Шведы, датчане, норвежцы хорошо прочувствовали, чем обернулись для них войны, в которых они участвовали на протяжении двух столетий. Численность населения их стран сократилась, деньги были потрачены на военные нужды, а в итоге никаких новых территорий не приобрели. К дележу заокеанских колоний Швеция опоздала. Норвегия владела Исландией (которая поэтапно добилась полной независимости только в 1944 году), Гренландией и Фарерскими островами, но по унии 1397 года отошла вместе со своими колониями к Дании. (Норвегию, как уже говорилось, передали Швеции, а острова остались за Данией.) Дания приобрела также острова в Карибском бассейне.

Бернадот, посетив Францию после разгрома Наполеона армией союзников, тоже мог бы рассказать шведам, что на его родине к концу правления императора почти не осталось мужчин, способных стать солдатами. В общем, с 1814 года Швеция больше не участвовала в военных действиях. Дания заняла ту же позицию с 1864 года. Норвегия на протяжении всей своей истории как независимой страны сохраняла нейтралитет и не участвовала в войнах. Все эти три страны придерживались нейтралитета и во время I, и во время II Мировой войны (но это не спасло Данию и Норвегию от гитлеровской оккупации).

Так скандинавские германцы, на протяжении полутора тысяч лет бывшие крайне воинственными, вдруг стали ми-

ролюбивыми. Особенно вдохновил их опыт нескольких лет перед 1805 годом, когда, торгуя с обеими сверхдержавами, они получали большие прибыли. Но и миролюбие бывает разное.

Иногда миролюбивое государство остаётся бедным. Скандинавы же хотели быть миролюбивыми и богатыми. Для этого нужно умное (или хитроумное) миролюбие, которое может принести больше богатства, чем разбой, пиратство или война. А умное миролюбие было жизненно необходимо: в конце XIX века Швеция была самой бедной страной в Европе. Из-за голода из нее эмигрировала четвертая часть всех жителей. Но в Первую мировую войну, благодаря военным заказам воюющих стран, шведская экономика поднялась, страна вышла в мировые лидеры по производству на душу населения. Началось введение различных социальных гарантий — отнюдь не из-за заботы о народе. Шведы должны были жить хорошо, чтобы не разбежаться из страны, а работать ради прибыли владельцев промышленных предприятий.

Но пришла Великая депрессия. Шведы подтянули пояса и начали ждать новую войну. А когда она разгорелась, Швеция выполняла военные заказы для гитлеровской Германии. И в расчёте на душу населения она стала богатейшей страной в мире на фоне военной и послевоенной разрухи в других странах. Вот такой социализм и такой корпоративизм! **«Шведский социализм» как система — это использование чужих бед как основы жизни государства на долгий исторический период.**

Но одного миролюбия во внешнеполитическом плане для достижения такой цели мало. Нужно проявить миролюбие и во внутриполитической жизни, что подчас бывает много труднее (особенно если учесть характер германцев). Нужен был авторитетный государственный деятель, который возвёл бы миролюбие в ранг основы внешней и внутренней политики. И такой деятель нашёлся. Это был швед Пер Альбин Ханссон.

Строитель новой Швеции — «Народного дома»

Биография основоположника шведского социализма здесь изложена на основе статьи Дмитрия Травина «Пер Альбин Ханссон. Эра благоденствия».

После Первой мировой войны, породившей революции в России и ряде других стран, общество испытывало **потребность в идеологии классового мира и национального единства**. В этой ситуации появилось два политика, предложивших свои подходы к новому мироустройству. Одного звали Бенито Муссолини, другого — Пер Альбин Ханссон.

Итальянец Муссолини предложил фашистское государство, основанное на корпоративистской экономике, в которой капиталисты и рабочие сотрудничают ради возрождения национального величия, а агрессивность бедноты, не имеющая выхода в классовой борьбе, выплёскивается наружу через завоевания соседних земель. Муссолини порвал с социалистами, отверг демократию, сделал упор на авторитаризм и стал благодаря этому известен всему миру. Созданное же им государство не просуществовало и четверти века.

Швед Ханссон предложил теорию «Народного дома», согласно которой капиталисты и рабочие должны были сотрудничать примерно таким же образом, как в корпоративистской экономике, да и государство так же, как в системе Муссолини, брало на себя функции, невиданные по сравнению с временами либерализма XIX столетия.

Однако у социал-демократа Ханссона преобразование общества основывалось на принципах демократии, внутренний классовый мир не порождал внешней агрессивности, а его концепция не была тоталитарной идеологией. Хотя он практически бессменно занимал пост премьер-министра целых 14 лет до самой смерти, сегодня имя Пера Альбина не известно почти никому за пределами Швеции. Но шведский социализм, который он построил, оказался одной из наиболее прочных политико-экономических моделей XX века. И потому у себя на родине он единственный, кто известен просто по имени. Ханссонов много, но Пер Альбин один. Более того, фактически **именно со шведской социал-демократии берёт начало то, что ныне во всем мире принято называть государством всеобщего благосостояния (или благоденствия)**, и после Второй мировой войны было использовано во всех цивилизованных обществах.

Основы государственного патернализма в Европе закладывались ещё в XIX веке — сначала Наполеоном III во Франции, а затем Отто фон Бисмарком в Германии. Но там «благоденствия» изливались на народ сверху для того, чтобы тот не слишком напирал на элиту снизу. Примерно то же самое можно сказать и об английской социальной реформе начала XX века, осуществлённой либеральным правительством премьер-министра Герберта Асквита и канцлера казначейства Дэвида Ллойд Джорджа. Лейбористы тогда прошли в парламент и заставили либералов, в общем-то чуждых идеям социализма и уравнительности, действовать в новом для себя ключе.

Однако в полной мере заинтересованными в формировании государства всеобщего благосостояния могли быть только социал-демократы, представлявшие широкие народные

слои, но, в отличие от коммунистов, не мечтавшие о полном социальном переустройстве.

К власти социал-демократы стали приходиться сразу после Первой мировой войны, однако у этого поколения была задача, скорее, не созидательная, а охранительная. Требовалось удержать народ от радикальной революции и сохранить демократию. Тогда было не до масштабных преобразований.

Перед следующим же поколением социал-демократии, пришедшим к власти в 30-е годы на гребне Великой депрессии, стояли уже новые задачи.

Ханссон, родившийся в 1885 году, принадлежал именно к этому поколению. Кроме него, пожалуй, только Рузвельт в рамках своего «нового курса» успешно двигался в направлении государства всеобщего благосостояния. Но позднее, в 50—60-х годах американские масштабы продвижения оказались несопоставимы со шведскими. Ведь социал-демократии в США практически не имелось, а традиции индивидуализма были намного более крепкими, чем в Европе.

Хансон создал такую систему, в которой масштабы перераспределения от богатых к бедным не имели себе равных. Вплоть до конца столетия Швеция, в отличие от тэтчеровской Англии и рейгановских США, так и не породила сильной оппозиции идее государства всеобщего благосостояния.

Пер Альбин родился в Мальмё в рабочей семье и окончил четырехлетнюю школу, после чего трудился то мальчиком на побегушках, то складским служащим. А карьеру он сделал в социал-демократическом движении. Ханссон сначала участвовал в молодёжном движении, затем возглавил газету «Фрам» («Вперёд»). Он не воевал, не менял свою партию, не формировал отряды штурмовиков, с молодости был сторонником умеренного марксизма Карла Каутского и не склонялся к радикализму. Словом, Ханссон делал обычную бюрократическую карьеру и вёл внутрипартийные дискуссии, в которых приходилось давать отпор переходившим постепенно на коммунистические позиции соратникам. С либералами же он был в неплохих отношениях. Затем Ханссон переезжает в Стокгольм, где в 1914 году становится председателем городской парторганизации. В 1917 г. он стал редактором главной партийной газеты «Социал-демократ» и получил мандат депутата риксдага.

С 1920 года социал-демократы формируют правительство. Ханссон становится министром обороны. В отличие от «ястреба» Муссолини, использовавшего власть для наращивания вооружений своей страны, Ханссон стал «голубем», уже тогда поддержав сокращение военных расходов ради увеличения ассигнований на социальные нужды.

После смерти лидера социал-демократов Брантинга в 1925 году последовала внутривнутрипартийная борьба, и Пер Альбин только к 1928 году закрепил за собой лидерство.

В том же году на выборах социал-демократы потерпели поражение. Их программа была безликой, содержащей рецидивы неприемлемого для Швеции радикализма, и рабочие, на которых опиралась партия, отдали значительную часть своих голосов «ставленникам буржуазии». Понадобился пересмотр всего теоретического наследия, доставшегося партии от германской и австрийской социал-демократии, являвшейся для шведов образцом.

Уже в 1929 году Ханссон доказывает, что суть социал-демократического движения состоит не в битве с буржуазией, а в удовлетворении интересов общества в целом. Термин «народ» заступает теперь место марксистской категории «класс», понятие «сотрудничество» вытесняет всякие разговоры о классовой борьбе, идея об экспроприации экспроприаторов отвергается в пользу системы государственного регулирования экономики. Частная собственность перестаёт быть плохой сама по себе. Она теперь плоха лишь в том случае, когда излишне сконцентрирована в руках узкой группы лиц.

В ортодоксальном марксизме пролетариат, как известно, не имеет отечества. Ханссон же сделал патриотизм одной из составных частей своей концепции «Народного дома».

Маркс, наверное, перевернулся бы в гробу, узнай он о столь «творческом» развитии его учения. Однако практика, по Марксу, — критерий истины. Уже в 1932 году социал-демократы на основе своего нового внеклассового подхода добились успеха. И наследников марксизма перестали считать внесистемной силой, что повлекло за собой два важных последствия.

Во-первых, за них стали голосовать рабочие, не склонные к радикализму. Во-вторых, «буржуазные партии» и предприниматели увидели в социал-демократах нормальных партнёров, которым можно доверять власть (то есть прислужников буржуазии). Лидеры правых сами рекомендовали королю назначить социал-демократическое правительство, и Ханссон в 1932 году впервые стал премьер-министром, не обладая при этом даже абсолютным большинством голосов в риксдаге.

Насколько Пер Альбин попал в точку со своим политическим маневром, стало очевидно через два года, когда вышла в свет книга Альвы и Гуннара Мюрдалей «Проблемы кризиса народонаселения», произведшая в обществе настоящий фурор. Выяснилось, что рождаемость у шведов катастрофи-

чески падала, и во весь рост встал вопрос о спасении маленькой нации от грозящей ей деградации.

Классовое противостояние было идейно отвергнуто. Широкомасштабная социальная политика должна была теперь способствовать «расширенному воспроизводству племени», и социал-демократы благодаря этому оказались выразителями мыслей и чаяний буквально всей Швеции.

Народу надо было дать денег. Эрнст Вигфорс — министр финансов в правительстве Ханссона — считается первым в мире кейнсианцем, проводившим политику стимулирования экономики за счет расширения социальных расходов еще до того, как сам Джон Мейнард Кейнс опубликовал свой эпохальный труд, заложивший основы системы широкомасштабного государственного регулирования.

Впрочем, при проведении новой социальной политики Ханссон и Вигфорс были сравнительно умеренны. Неумеренные блага и неумеренное налогообложение стали результатом деятельности социал-демократов уже в послевоенный период. Главным же толчком к наметившемуся росту благосостояния стали отнюдь не социальная политика. Швеция преодолела кризис за счет девальвации, проведенной еще в 1931 году находившимися тогда у власти правыми. Ханссон воспользовался тем, что благодаря развитию экспортных производств страна вышла из Великой депрессии и создала тот продукт, который можно было перераспределять в целях «воспроизводства племени».

Отвергая принцип «разделяй и властвуй», Пер Альбин строил альянсы как внутри партии, так и на общенациональной арене, и они приносили ему успех. Обществу давался наглядный пример строительства «Народного дома» на основе классового мира. Зажатая между схлестнувшимися в чудовищной схватке монстрами, маленькая Швеция продемонстрировала уникальный пример внутренней солидарности.

Дипломатические отношения с Германией Ханссон подерживал до 7 мая 1945 года. Шведские железные дороги перевозили немецкие войска и грузы от норвежской границы к финской, а шведская промышленность работала для нужд рейха. Примерно четверть всей германской железной руды, столь необходимой для производства оружия, поставлялась из Швеции. Лишь в середине 1943 года, когда ветер явно задул в иную сторону, поставки начали переориентироваться на Англию и США.

Швеция строила свой «Народный дом» в том числе и за счет того металла, которое обрушивала Люфтваффе на советские города. При этом в отношениях с Советским Союзом

Ханссон был крайне осмотрителен, и Швеция не стала вмешиваться в конфликт между СССР и Финляндией, хотя тысячи шведов требовали поддержать соседа.

Политика нейтралитета Швеции представляла собой на практике политику объединения с сильным. А Пер Альбин к 1946 году фактически был уже отцом народа. Его уважала вся страна. Но 6 октября 1946 года он скончался от сердечного приступа прямо в трамвае, на котором обычно добирался с работы домой.

А в это время в Швеции уже начиналась невиданная по европейским меркам эра благоденствия. Пролетариат, тот самый, которому нечего терять, кроме своих цепей, о чём Маркс и Энгельс сто лет назад говорили в «Манифесте», обживался в новых комфортабельных квартирах, начинал пользоваться услугами бесплатной системы здравоохранения и готовился провести старость с пенсиями, обеспечивающими такой уровень благосостояния, который раньше не снился даже высокооплачиваемым рабочим. Высокие налоги на прибыль позволяли изъять «излишки» её у богатых и направить бедным. В Швеции предприниматель и рабочий могут жить в одном доме, в одинаковых квартирах, иметь автомобили одной марки и отдыхать рядом на престижных зарубежных курортах.

Впрочем, через четверть века выяснилось, что привыкшая к равенству и благоденствию Швеция попала в ловушку. Государство поглощало всё больший объем ресурсов, передаваемых от богатых к бедным в «дырявом ведре». Через дырки значительная часть благ утекала на содержание все разраставшегося государственного аппарата. Экономика теряла свою эффективность, но общество уже не хотело кардинальным образом менять систему, созданную Ханссоном.

Изъятие большей части прибыли у богатых не помешало тому, что экономике страны свойственна высокая степень концентрации производства и капитала. В ведущих отраслях промышленности, судоходстве, банковском деле преобладают крупные концерны. Эти и многие другие фирмы находятся в тесной связи с крупными банками. Монополизация экономики очень высока. Особенностью является и сосредоточение крупных капиталов в руках отдельных семейств. Например, семейство Валленбергов контролирует треть акционерного капитала всех зарегистрированных на бирже фирм.

Основная форма собственности в Швеции — акционерные общества, при этом две трети этой собственности находятся у 3 процентов владельцев. 90 процентов всех компаний — част-

ные, остальные — кооперативные и государственные, функционирующие в условиях открытого рынка. В руках государства находятся железные дороги, почта и телевидение, электроэнергетика. Последовательно сокращая налоги на капитал и имущество, государство стимулирует развитие малого и среднего бизнеса. А вот в сфере шоу-бизнеса налог самый высокий — более 70 процентов. Поэтому некоторые шведские коллективы приезжают на родину лишь с гастролями и в отпуска, а живут за рубежом и деньги держат в зарубежных банках.

Идеолог шведского социализма

Но теоретиком шведской модели социализма стал ученый, лауреат Нобелевской премии Гуннар Мюрдаль, который назвал её сочетанием «джефферсоновского либерализма и шведской крестьянской демократии».

Молодой юрист и экономист Мюрдаль прибыл в Соединенные Штаты за день до биржевого краха 1929 года. Чтобы выйти из экономического и социального кризиса, Мюрдаль предложил активизировать фискальную политику для преодоления депрессии, став «кейнсианцем до Кейнса», до того, как вышла в свет книга Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег».

Мюрдаль и его жена Альве выдвинули своего рода Новый курс в демографической политике Швеции, предлагая интенсивное жилищное строительство и выплату субсидий многодетным семьям. Помимо мер, поощряющих супружеские пары создавать большие семьи, авторы выступали за всеобщее половое воспитание старшеклассников с целью сокращения нежелательных беременностей. В 1944 году Мюрдаль опубликовал книгу «Предупреждение против послевоенного оптимизма», в которой предсказывал наступление серьезных экономических трудностей после окончания войны, особенно в США, подчеркивал опасности застоя и несбалансированности на мировых рынках. Принимая во внимание несбалансированность промышленной структуры Швеции, он рекомендовал ввести систему правительственного планирования. Он также предрекал большую стабильность в плановой экономике Восточного блока и ратовал за расширение торговли с ним. В книге «Против течения: критические очерки по экономике» Мюрдаль критиковал ведущих экономистов за ослабление внимания к моральной основе экономической теории. Он не соглашался с теоретиками-экономистами, формулировавшими общие положения как имеющие силу для любого периода и любой страны.

Книга Мюрдала «Азиатская драма: исследование бедности народов» опровергала господствовавшую в то время теорию модернизации развивающихся стран в рамках концепции «вестернизации», основанной на идее универсальности западного либерализма, полагавшего, что все страны и народы в своем развитии проходят одни и те же «стадии роста» по мере увеличения ВВП, совокупного дохода и накоплений.

Многочисленные и тяжелые провалы курсов на «вестернизацию» в странах Азии и Африки, острая реакция общества на её пагубные последствия заставили пересмотреть саму идею модернизации. Впрочем, это сделано только серьезной наукой, а в публицистике по-прежнему бытуют призывы «войти в мировую цивилизацию», под которой подразумевается прежде всего американский образ жизни. Мюрдаль доказывал, что международные экономические отношения изначально были сформированы индустриально более развитыми странами и, следовательно, отражают в первую очередь их интересы, т.е. экономические интересы «Севера».

Мюрдаль клеймил «вызывающее потребление» Запада, которое усиливает нищету «третьего мира». Он осудил математическую сложность работ многих теоретиков экономики. Мюрдаль опровергал ортодоксальную экономическую теорию по широкому диапазону вопросов. Хотя Мюрдаль стал лауреатом Нобелевской премии в области экономики (совместно с Ф.Хайеком), он высказывался неодобрительно в адрес самой идеи таких премий за работы в этой отрасли знания.

Мюрдаль подвергал критике чисто экономический подход к проблемам благосостояния, при котором не указываются политические цели. Экономистов должен вдохновлять не только научный интерес, но и стремление к совершенствованию общества.

Все нобелевские лауреаты были удостоены премии за результаты исследований в области экономики «богатства». Мюрдаль был первым, кто получил Нобелевскую премию за изучение экономики «нищеты». В то же время этот теоретик шведской модели социализма выступал за стерилизацию неполноценных людей — как необходимый элемент «великого социального процесса приспособления» человека к современному городскому и индустриальному обществу. Но это тогда был в северных странах пункт всеобщего помешательства.

Мюрдаль стал основоположником теории государства благоденствия. Она возникла в 50-е годы — в период экономического подъема в странах Западной Европы и США, за-

нимала промежуточное положение между позициями неолибералов и социал-демократов и выражала идеологию средних классов и демократически настроенной интеллигенции.

В книге «За пределы государства благоденствия» Мюрдаль утверждал, что всеобщее благоденствие уже достигнуто в индустриальных странах Запада. Остальные страны рано или поздно встанут на тот же путь. И надо мирно и без революции — а фактически взамен революции — проводить в капиталистическом государстве политику, которая постепенно привела бы экономику страны в соответствие с интересами большинства граждан.

Государства благоденствия, согласно его концепции, обладают рядом общих признаков. Богатейшие страны Запада имеют смешанную экономику, т.е. рыночные отношения сочетаются в них с государственным планированием. Возражая фон Хайеку и его последователям, Мюрдаль доказывал, что планирование в современном капиталистическом обществе вызвано объективными причинами и прежде всего образованием монополий. Индустриально развитые страны Запада «бесконечно далеки от либеральной модели свободного рынка». Государственное вмешательство необходимо для поддержания равновесия и стабильного роста экономики. Планирование призвано урегулировать деятельность крупных экономических объединений и не затрагивает, следовательно, индивидуальной свободы.

Для государств социального благоденствия характерна также тенденция к демократизации политической жизни. В них надо переходить к децентрализации государства и передавать часть функций правительства органам местного самоуправления и добровольным объединениям граждан. В отличие от государств прошлого, современная западная демократия предполагает удовлетворение интересов всех слоев общества, их участие в распределении социальных благ. Политический процесс в наиболее развитых государствах благоденствия (к ним Мюрдаль относил Швецию и Великобританию) поставлен под «расширяющийся народный контроль», и это обеспечивает состояние гармонии и преодоления идеологических разногласий.

Мюрдаль призывал выйти за пределы организации благоденствия в национальных масштабах и положить идеи социальной политики в основу межгосударственных отношений. Будущее представлялось ему в виде мирового порядка социального благоденствия. В некоторых концепциях эти идеи были соединены с представлениями о конвергенции социализма и капитализма.

Мюрдаль критически отнёсся к идее полной либерализации движения товаров, капитала и рабочей силы в интегрируемом пространстве, считая, что свободное функционирование рыночного механизма может привести к диспропорциям в развитии и размещении производства, углублению неравенства в доходах. Надо, чтобы интеграция стран привела к возникновению более совершенного хозяйственного организма. По его мнению, полюсами развития интеграции являются крупные фирмы, промышленные компании, целые отрасли промышленности. Но подъем экономики невозможен без создания «нового» или «современного» человека.

Экономический кризис 70-х гг. и последовавшие за ним события опровергли многие положения, содержащиеся в теории государства благоденствия.

Кризис шведского социализма

Со времён Ханссона и Мюрдаля на Западе общепризнанным мировым лидером в достижении социального равенства является Швеция. Социал-демократическая рабочая партия Швеции добивалась:

— чтобы всему общественному устройству и человеческим взаимоотношениям были присущи идеалы демократии, что дало бы каждому возможность жить богатой и осмысленной жизнью;

— чтобы право распоряжаться производством и распределением находилось в руках всего народа, чтобы граждане были освобождены от зависимости от всякого рода неподконтрольных им властных групп.

Девиз партии — свобода, равенство и солидарность. Нужно, **чтобы каждый вносил в общественную и трудовую жизнь вклад по своим возможностям и был обеспечен в соответствии со своими потребностями.** Прямо-таки формула коммунизма, но СДРПШ сурово осуждает опыт стран, где правят компартии, — за отсутствие демократических свобод, бюрократическое централизованное управление, возникновение нового привилегированного слоя на месте свергнутого старого, слишком большую разницу в доходах и т.д. А общий вывод таков: ленинизм мёртв, ни капитализм, ни коммунизм не смогли дать людям справедливость и социальные гарантии. В обеих системах экономические ресурсы распределяются неравномерно и без народного контроля.

Зато в Швеции трудящиеся добились для себя экономического стандарта, невиданного до того ни в истории страны, ни во всём мире. Государство и коммуны несут ответ-

ственность за заботу о детях и престарелых, образование, культуру, медицинское обслуживание» и пр., причём социальные блага распределяются не по капиталу, а по потребностям. В стране нет голодных и бездомных, ликвидирована безработица, созданы идеальные условия для получения образования. Поставлена цель — снизить продолжительность рабочего дня до 6 часов.

СДРПШ не отвергает частную собственность на средства производства, а стремится выравнять жизненные стандарты всех слоёв населения, создать общество, в котором всем хорошо жить, сплотить людей вокруг идеи общенародного дома. Ни плановое, ни рыночное хозяйство в чистом виде не может в одиночку удовлетворить все требования общества — нужно сочетание общественного управления с рыночным хозяйствованием. Идеологи СДРПШ особое внимание уделяют «человеческому капиталу». Потому что общественная экономика не может укрепляться, если самый важный ресурс общества — человек — измотан и ослаблен.

В Швеции работникам гарантируется право принятия решений на рабочих местах и на предприятиях. Именно право распоряжаться производством и распределением его результатов, а не право собственности, является центральным. Гарантируются также право профсоюза на информацию о руководстве предприятием и влияние на него. Банки также поставлены под общественный надзор.

О чём это говорит? О том, что **в Швеции, по сути, было создано некорпоративное государство, где место классовой борьбы заняло сотрудничество работодателей и работников.** То, что в 20—30-е годы XX века создавалось в Италии, Испании и Португалии под нажимом «сверху», а порой и через гражданскую войну, в Швеции осуществлено мирным путём, через развитие демократии. Поскольку СДРПШ стояла на антикоммунистических и антисоветских позициях, социалистическую Швецию называют не «красной», а «розовой».

Можно приветствовать стремление партии к тому, чтобы общественному устройству и человеческим взаимоотношениям были присущи идеалы демократии, но разве из этого следует, что это дало бы каждому возможность жить богатой и осмысленной жизнью? Напротив, опыт показывает, что в демократических странах, как правило, воцаряется общество самодовольных мещан, жизнь которых крайне далека от осмысленности.

В трудах некоторых российских учёных утверждается, что будь Швеция равновелика Германии по экономической мощи и народонаселению, можно было бы говорить о действитель-

но «всемирно-историческом значении» её опыта построения общества социальной демократии, особенно на фоне коллапса «реального социализма». Для бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова шведский социализм — это «символ веры». По его мнению, основное соревнование в мире шло не между капитализмом и социализмом, а между двумя моделями социализма — советской и шведской, и шведская победила.

Пока в мире шло противостояние капитализма и социализма, Запад выставлял напоказ опыт Швеции: дескать, и у нас есть пример общества всеобщего благосостояния и социальной справедливости. А после распада СССР, хотя в Швеции ничего не изменилось, о её опыте на Западе особых разговоров не слышно.

Шведская модель социализма всё-таки оказалась подходящей лишь для стадии индустриального общества. Уже появление информационных технологий вызвало к жизни новое социальное расслоение, занятые в этих областях имеют гораздо более высокие заработки, чем работники традиционных отраслей экономики. Слишком высокие налоги, необходимые для функционирования системы социального обеспечения, не стимулируют ни предпринимателей, ни менеджмент совершенствовать технологию и организацию производства, и в конкуренции на мировых рынках Швеция начинает проигрывать. Снижается её рейтинг и по ВВП на душу населения, и по уровню жизни, вырос её государственный долг. Швеция встала перед необходимостью либерализации своей экономики, а это должно многое поменять и в образе жизни её населения.

«Шведская модель социализма» была построена в условиях, когда национальное государство в основном сохраняло независимость и держало в своих руках нити управления макроэкономическими процессами. И социал-демократы выступали в качестве критиков Общего рынка, ибо ограничение суверенитета при вступлении в ЕС привело бы к утрате свободы действий правительства, которое в этих условиях уже не смогло бы проводить прогрессивную экономическую и социальную политику.

Однако уже в 60-е годы в Европе и мире наблюдался рост зависимости национальных государств от международных рынков, «глобализация экономики». В новых условиях значительно возросла мобильность капитала и производства. Рост издержек, связанных с наймом работников (будь то зарплата или отчисления во всевозможные фонды) или с уплатой налогов немедленно вызывает отток капитала из страны и, следовательно, снижение темпов роста и числа занятых.

Сталкиваясь с такой ситуацией, правительства вынуждены конкурировать друг с другом в создании «режима наибольшего благоприятствования» для международного капитала. Но это приводит лишь к перманентным бюджетным проблемам и свёртыванию социальных программ.

Далее, теперь человек чувствует себя не только и, может быть, не столько гражданином страны, сколько сотрудником компании, которая включена в мировой рынок. Национальное государство, всё ещё оставаясь формально суверенным, на деле находится в глубоком кризисе и не способно разрешить проблемы, волнующие его граждан.

Шведские социал-демократы уверяют, что борются за освобождение граждан от зависимости от властных группировок, не подверженных контролю с их стороны. А ныне, какое бы правительство ни находилось у власти, граждане утрачивают возможность влиять через выборы на развитие ситуации в своей стране и оказываются в зависимости от безличных финансовых рынков. Политическая власть транснациональных корпораций в современном мире намного превосходит власть слабеющего национального государства.

Ныне представители левого фланга шведской (и не только шведской) социал-демократии склоняются к тому, что эффективность демократического контроля над собственной судьбой разрушается на национальном уровне, но, возможно, может быть восстановлена на европейском уровне. А потому надо использовать позитивный потенциал глобализации и экономической интеграции в Европе, которые создают дополнительные возможности для каждого человека и для общества в целом. Но это наивные расчёты.

Социал-демократы полностью восприняли неолиберальную программу и мало чем отличались от своих правых оппонентов по многим экономическим вопросам. А правые требуют урезания расходов на социальные нужды. Главный оппонент социал-демократов (хотя партий в Швеции много — на момент последних выборов их насчитывалось 768) — Умеренная коалиционная партия. Она ранее выступала в роли неолиберальной партии, которая отстаивала интересы прежде всего богатых слоев, но теперь ратует за более мягкую социально ориентированную политику реформ и охотно называет себя «новой рабочей партией».

В 2010 году в Швеции прошли выборы в риксдаг. На первое место вышли «Умеренные». Их лидер, действующий премьер-министр Фредрик Райнфельдт стал первым консервативным лидером, переизбранным на второй срок. В итоге политический ландшафт полностью изменился. **В шведской**

политике произошли необратимые изменения. Социал-демократии вряд ли удастся вернуть себе былую гегемонию. Левые пошли направо, а правые сдвинулись еще правее. В итоге Швеция правет — вместе с Европой. Прошедшие выборы — это конец эпохи. И ещё: впервые в состав парламента вошли ультраправые Шведские демократы, которые объявили иммиграцию из мусульманских стран величайшей угрозой национальной безопасности Швеции со времён Второй мировой войны. Они требуют сокращения потока иммигрантов — как по политическим мотивам, так и по мотиву воссоединения семей — на 90 процентов. И правые, и левые обвиняют Шведских демократов в популистской безответственности и ксенофобии.

А почему ультраправые добиваются успехов? Потому что даже на фоне общего помешательства европейцев на толерантности или мультикультурализме шведские лидеры особенно отличились на ниве геноцида собственного народа.

Швецию захлестнула волна иммиграции, в основном выходящая из мусульманских стран. 12 процентов населения составляют иммигранты в первом или втором поколении. Рождаемость среди иммигрантов из мусульманских стран значительно выше, чем у шведов. Так, 40 процентов новорожденных в стране — дети эмигрантов! А у шведов — один из самых низких уровней рождаемости в мире. Численность населения страны если и растёт (очень низкими темпами), то исключительно за счет притока иммигрантов, а численность самих шведов ежегодно сокращается. Это вызывает опасения у многих, в особенности у мелкобуржуазных слоев, что толерантная лютеранская, протестантская шведская культура окажется поглощённой исламской культурой прибывающих иммигрантов. К тому же полубесплатное жильё и другая социальная помощь для мигрантов стоят 250 000 000 долларов в год.

Принятый в 1997 году Закон об интеграции провозгласил Швецию «мультикультурным обществом». В нём указывалось: «Поскольку значительная группа нашего населения имеет иностранное происхождение, граждане Швеции лишены общей истории. Связь со Швецией и опора на фундаментальные ценности общества важнее с точки зрения интеграции, чем общая история». А в 2005 году в Швеции вышла книга под названием «Прощай, «народный дом» — крах модели общества», где утверждается, что члены шведской элиты видят себя в первую очередь гражданами вселенной и всячески поощряют культурное разнообразие в ущерб всему национальному. А противников такого подхода они клеймят как

расистов, им затыкают рты, внедряется тоталитарная идеология борьбы с национальным аспектом национального государства. Этническая группа, именуемая шведами, заведомо считается проникнутой духом национализма и в силу этого рассматривается как сонмище расистов. Значит, коренное население Швеции зачислили в разряд рядовой этнической группы, имеющей не больше прав, чем курды или арабы, приехавшие поселиться на шведской земле. Политические власти страны перечеркнули историю и культуру своего собственного народа.

Социализм по-норвежски

Норвегия долго была под игом Дании, почти сто лет принадлежала Швеции и как независимое государство существует чуть больше века. Своего Ханссона она не воспитала, а потому при строительстве своего социализма воспользовалась опытом шведов.

Древненорвежское общество состояло из двух сословий: князей и свободных поселян или крестьян. В строгой подвластности им находились рабы (по большей части пленники). Все наиболее важные дела решались самим народом, крестьянами на общем собрании. Звание крестьянина считалось почётным. Поступление на службу к королю считалось позорным для крестьян. Обезземелить крестьян и, сосредоточив в своих руках земельную собственность, создать себе первенствующее положение в государстве норвежской аристократии не удалось, и Норвегия осталась страной крестьян — мелких землевладельцев. Она была едва ли не единственным государством Западной Европы, которая не знала крепостного права.

Норвегия — страна гор и фиордов, на сельскохозяйственные угодья приходится только 3 процента всей территории, и они пространственно разбросаны, поэтому крестьяне живут на небольших хуторах. Вследствие этого общинное владение не развилось в ней; земли составляли частную собственность владельца. Земля обыкновенно передавалась по наследству старшему сыну; младшие получали свою долю деньгами, а затем отправлялись искать себе счастья на чужбине. Это положение дел, в связи со скудностью почвы, с жадной славой и обогащения, увеличивало страсть к экспедициям в чужие земли, так что уже в VIII веке норвежцы начали наводить ужас на соседние страны своими набегами.

Занятиями викингов были война, грабительские набеги, военные упражнения и охота. Они устраивали пиры, на ко-

торых присутствовали и женщины, любили веселиться, но в то же время жаждали славы, желая умереть геройской смертью. Вера в судьбу, которой не может избежать никто, возвышала отвагу норвежцев. Они верили, что победу решает бог Один, и потому смело шли в бой. Они любили, однако, поэзию. Короли морских разбойников часто ходили в бой, окруженные скальдами, которых награждали золотом. Позднее норвежцы, с древности знакомые с морем, издавна занимались международной торговлей.

Гордые потомки викингов не мирились с оккупацией их страны ни в Средние века, ни в Новое время. Уния трёх скандинавских государств мало принесла пользы их народам; они были вовлечены в политику завоеваний, которой придерживалась царствующая династия и которая причинила им много вреда. Норвегия должна была несколько десятилетий приносить жертвы для целей, ей совершенно неизвестных, платить громадные налоги для расходов на войны, чуждые её интересам. Короля норвежцы никогда не видели, а его чиновники угнетали народ.

Утрата политической самостоятельности подействовала угнетающим образом на развитие Норвегии. Она как бы застыла на месте, в особенности после введения Реформации, которая была водворена в Норвегии насильственными путями, как и христианство. Торговля Норвегии была уничтожена всемогущей Ганзой; промышленность не развивалась. Как финансы страны, так и её население страдали от постоянных войн Дании со Швецией, солдаты которой опустошали её пограничные области. В умственной жизни водворился полный застой

В 1814 году Швеция, пользуясь поддержкой великих держав, принудила Норвегию пойти на унию под руководством шведского короля, но с широкой внутренней автономией. Началась борьба Норвегии за свою самостоятельность. Ведь неловкий шаг Швеции во внешней политике мог грозить опасностью для политического и национального существования Норвегии. Внешняя политика представляла особенно важное значение для Норвегии как страны преимущественно торговой, живущей почти исключительно мореходством и торговлей, в противоположность Швеции, страны в основном земледельческой.

В 1905 году норвежский стортинг расторг унию со Швецией, а на референдуме была сохранена монархия, королём (под именем Хокон VII) был избран датский принц Карл.

В первые годы независимости в условиях отсутствия внутренних свободных капиталов индустриализация была воз-

можно лишь с привлечением иностранного капитала. Норвегия обладала огромным количеством водопадов, которые позволяли на построенных на них гидроэлектростанциях получать много дешёвой электроэнергии, что, в свою очередь, позволяло развивать энергоёмкие производства. Иностранный капитал был готов вкладывать средства при условии получения в собственность водных артерий и получения эксклюзивных прав на строительство новых предприятий. В Норвегии опасались, что природные ресурсы Норвегии будут скуплены иностранцами. Помимо того, что это препятствовало построению национальной экономики, в долгосрочной перспективе это могло бы подорвать недавно обретенную независимость страны.

В 1906 году был принят закон о временном запрете на продажу норвежских водоёмов, рудников и лесов иностранным гражданам и компаниям, где иностранцам принадлежал контрольный пакет акций. В 1908 году этот запрет был снят, но концессии становились срочными, срок устанавливался в 60—80 лет, по истечении которого права на водные артерии вновь переходили к государству (безвозмездно). Этот закон нарушал принципы частной собственности, но консерваторы так и не смогли заставить правительство пересмотреть его.

После начала Второй мировой войны Норвегия провозгласила нейтралитет, однако 9 апреля 1940 г. подверглась вероломному нападению нацистской Германии, которой при помощи норвежского министра обороны Квислинга и его сторонников удалось захватить страну. Король и правительство эмигрировало в Лондон. Во время нацистской оккупации норвежский «министр-президент» Квислинг намеревался установить фашистское корпоративное государство, вытрав преподавателей в качестве первой «корпорации». Для этого он создал новую организацию преподавателей с принудительным членством. Было создано также принудительное фашистское юношеское движение. Подполье призвало преподавателей к сопротивлению, и затея провалилась. Начало освобождению Норвегии положила Советская Армия в октябре 1944 года.

Ныне Норвегия — это неокорпоративное государство с развитой промышленностью, успешно внедряющей инновации. В стране работают свыше 300 научно-исследовательских институтов, 300 лабораторий промышленных и торговых фирм и около 40 научных обществ; свыше 150 НИИ специализируются в сфере естественных наук. Страна добилась высокой эффективности в сфере НИОКР, более половины годового прироста её промышленной продукции достигает

ся за счёт нововведений. В сельском хозяйстве занято менее 2,5 процента общего числа занятых, но уровень самообеспеченности сельхозпродуктами составляет почти 50 процентов (75—80 процентов — зерновыми и почти полностью продукцией животноводства).

Специфическому социально-классовому согласию соответствовала двухполюсная партийно-политическая система (хотя партий в Норвегии много). На одном полюсе находятся социал-реформистская Норвежская рабочая партия и левые социалисты, на другом — все правоцентристские буржуазные партии. Между правоцентристскими партиями в целом и социал-демократами фактически не было непримиримых противоречий. На деле же функционирует корпоративная система принятия решений, причем роль координатора в этой структуре (государство — профсоюзы — предприниматели) взяли на себя представители властей, которые проводят курс «социального партнерства»: заключение коллективных договоров о заработной плате и других условиях труда, деятельности трудовых судов, улаживании трудовых конфликтов. Ведущими звеньями системы партнерства являются, с одной стороны, объединения предпринимателей, а с другой — Центральное объединение профсоюзов Норвегии.

Процессы глобализации и региональной интеграции подвергают норвежскую модель социально-экономического развития серьезным испытаниям. Государство уже не может, как прежде, субсидировать социально значимые предприятия без риска санкций со стороны ЕС или ВТО.

Норвегия превратилась в одну из самых богатых и социально справедливых стран мира, где средняя заработная плата равна 4 тысячам долларов США в месяц, а минимальная пенсия никогда и нигде не работавшей домохозяйки — 1400 долларов. (Правда, пенсионный возраст у мужчин и женщин наступает поздно — в 67 лет, зато и живут норвежцы долго.) В ежегодном докладе ООН, представленном в 2009 году, Норвегия признана самой благополучной страной для проживания в мире.

Вот типичные впечатления о Норвегии туриста из России:

«Норвегия — не просто государство с высоким уровнем жизни, это какой-то рай на земле. Во всяком случае, здешние порядки — точно воплощение справедливости.

Во-первых, уровень жизни в городе и в деревне — одинаковый».

Или ещё. «Пока мы занимались революциями и контрреволюциями, в Норвегии примерно к 80-му году построили если не коммунизм, то уж точно развитый социализм. По го-

родам встречаются бронзовые статуи рыбаков и лесорубов. Средняя зарплата — 4000 долларов, минимальная пенсия (не работавшей домохозяйки) — от 1000 долларов. Образование и медицина — бесплатные. Отпуск пять недель, больничный — со стопроцентной оплатой.

С другой стороны, как и любой иной, норвежский социализм — это уравниловка и перекачка денег: очень высоки налоги. Здесь нет олигархов, но нет и бедных. Электрические сети пронизывают всю страну, даже в самых недоступных местах.

Как при настоящем социализме — все равны: профессор получает всего на треть больше, чем фабричный рабочий. Перераспределение доходов касается не только богатых: платят все на всех стадиях потребления: в стоимости билета на метро или на пригородном автобусе, шарика мороженого заложены высокие налоги.

При высоком уровне благосостояния норвежцы на всём экономят. Цены на продукты питания в Норвегии намного выше, чем в любой соседней стране. Для норвежцев обычное дело — сесть за руль своей машины, пересечь границу и, проехав ещё 100—150 км до ближайшего заграничного магазина, загрузить багажник доверху всем, что можно хранить в холодильнике, вернуться домой и подсчитать, сколько денег сэкономлено благодаря этой поездке. Как это далеко от идеала «осмысленной жизни»!

Вот примечательное высказывание председателя Счётной палаты РФ Сергея Степашина: **«Норвегия — страна победившего развитого социализма. Начиная с политической системы и заканчивая экономикой и социальной сферой. Хотя норвежцы об этом не догадываются».** («Труд», 07.02.06).

Норвежцы противопоставляют свою модель «жесточкой англосаксонской»: средний доход на душу населения у них примерно одинаковый со США, но в Америке в пять раз больше бедных. В Норвегии беднейшие слои населения в два раза богаче американского плебса, а норвежские олигархи в двадцать раз беднее представителей бизнес-элиты США. В норвежском обществоведении нет понятия «лузер».

Благодаря стабильному росту цен на нефть и растущему экспорту энергоресурсов правительству страны удалось сформировать устойчивый профицит бюджета и создать Нефтяной фонд, который решено сохранить для последующих поколений, когда нефтяные месторождения будут исчерпаны.

Туристы из России отмечают два минуса Норвегии. Во-первых, здесь слишком много законов. Каждый аспект жизни подчиняется какому-нибудь своему закону. Например,

свиноводство. Норвежские свинки, все как одна, обязаны весить не больше 70 килограмм, для этого каждой свинье на ферме вживляется под кожу чип. На кормежку они запускаются в отдельные будки, компьютер считывает данные о весе и отмеряет строго определённую порцию еды. А коровам запрещено толпиться в загонах, — за такое непростительное нарушение правил с хозяина сдерут порядочный штраф.

Во-вторых, — это монополия на продажу спиртных напитков. Алкоголь можно купить только в одном на целый район магазине, а по выходным и во время выборов толпиться у его закрытых дверей — вообще пустое дело.

В Норвегии, если есть долг за жильё за 3 месяца, то квартиру должника продают с аукциона. А муниципалитет обязан найти человеку другое жильё, например, съёмное.

40 процентов депутатов парламента — женщины, первая в Европе женщина премьер-министр — норвежка. В футбол играют девочки, в лошадиные клубы ходят они же.

Норвежские женщины очень красивые, но это их преимущество с нашествием мигрантов превратилось в источник опасности. Город Осло переходит под контроль безработных, но хорошо обеспеченных иммигрантов и превращается неизвестно во что. Криминальная обстановка с каждым годом ухудшается. В некоторые районы полиция уже даже не заглядывает. Волна изнасилований норвежских женщин захлестнула Осло... Количество изнасилований сегодня здесь в шесть раз выше в процентном отношении, чем в Нью-Йорке, ранее считавшемся рекордсменом по числу такого рода преступлений. А представители власти заявляют, что «норвежские женщины должны ответственно подойти к вопросу превращения в мультикультуральную страну и адаптироваться к меняющейся ситуации».

В норвежском обществе детей традиционно стараются отселить как можно раньше. Это принято, и это нормально, что дети при первой же возможности начинают вести самостоятельную жизнь. Главную свою задачу родители видят не в том, чтобы обеспечить ребенка (жильём, деньгами, наследством), а в том, чтобы обеспечить таким образованием, навыками и здоровьем, которые позволят ему в самом юном возрасте обеспечивать себя самому.

Из-за того, что детей отселяют как можно раньше, а ведь родители тоже чьи-то дети, то бабушки всегда живут отдельно от внуков. В Норвегии не принято, что бабушки должны заниматься внуками. У них много своих забот, интересов, своя жизнь. В гости они, конечно, ходят друг к другу, но нянчить внуков вместо родителей не принято. И если это делает-

ся, то за отдельную плату, а в таких условиях часто лучше нанять просто няню, а не бабушке нянчиться с внуками. Отношения остаются неотягощенными, никто никому ничего не должен.

По итогам парламентских выборов в Норвегии в сентябре 2009 г. власти в стране остается правящая левоцентристская коалиция, ядро которой составляют социал-демократы во главе с премьером Йенсом Столтенбергом. Таким образом, Норвегия остается единственной скандинавской страной с левым правительством у власти.

В ходе предвыборной гонки левоцентристы подчеркивали свои успехи в смягчении социальных последствий финансового кризиса и в поддержании безработицы на уровне 3 процентов. Главным соперником социал-демократов на выборах была правая оппозиция во главе с лидером Партии прогресса Сив Йенсен. Она известна как «норвежская Маргарет Тэтчер» и один из наиболее решительных и жестких политиков в стране. Накануне выборов она выступала с резкой критикой норвежской модели «социального государства», обещая гражданам снизить налоги и ужесточить иммиграционное законодательство.

Социализм и корпоративизм по-датски

В отдалённые времена на территории нынешней Дании обитали готские племена, а также германское племя англов. Около 450 года англосаксы переселились в Британию, и на их земли пришло готское племя ютов. От него осталось название Ютландского полуострова. А около 500 года в Ютландию пришли даны, давшие название этой стране, сохраняющееся до наших дней. Южнее находились уже чисто германские, главным образом саксонские поселения. Около 800 года у данов произошли разложение родового строя и переход к феодалным отношениям. Начались их полуторговые-полуразбойничьи экспедиции викингов, совершавших, особенно в VIII и IX веках, набеги на разные местности западноевропейского побережья. Базой викингов Дания оставалась в течение нескольких столетий. Около 850 года даны завоевали Северо-Восточную Англию, около 900 года участвовали в норманнском завоевании Северной Франции. И мало-помалу население Дании становилось оседлым, земледельческим. Впоследствии Дания также несколько веков была могущественной североευропейской державой.

Среди государств скандинавского Севера Дания, в связи с отличительными чертами своего исторического развития,

заняла особое место, резко отличающее её от Норвегии и Швеции. Ближе, чем эти страны, находилась она к континенту, теснее была её связь с населением южного побережья Балтийского моря, а особенно с княжествами, входившими в Священную Римскую империю германской нации.

Ныне Дания, эта самая маленькая скандинавская страна, не раз признавалась самой счастливой и благополучной страной мира, порой деля это место с Норвегией. Её признают самой инновационной (с высокой долей высоких технологий и интернет-услуг) и самой экологической страной мира. ВВП на душу её населения составляет весьма приличные 37 000 долларов в год. Дания обладает развитой промышленностью, доля которой в национальном доходе страны составляет более 40 процентов. Она входит в число немногих европейских стран, которые сохранили судостроение, более того, имеет один из крупнейших мировых торговых флотов. На её долю приходится 12 процентов (!) мирового объёма морских грузоперевозок. Дания занимает 3-е место в Западной Европе (после Норвегии и Шотландии) по добыче природного газа и нефти. Она заявила о своём подключении к битве между Россией, США и Канадой за обладание арктическим шельфом с его громадными предполагаемыми запасами природных ресурсов.

У неё высокотехнологичное сельское хозяйство, прежде всего мясомолочное животноводство. 5,5-миллионная Дания трудом 5 процентов населения, занятых в сельском хозяйстве и полностью охваченных разными видами кооперации, способна прокормить по европейским стандартам 30 миллионов человек. Но кооперация охватывает также и промышленность, банковское и страховое дело, а также жилищное строительство. В целом экономика Дании ориентирована на экспорт.

В социальной сфере Дания представляет собой типичный пример скандинавской модели «государства всеобщего благоденствия». Это — высокая степень перераспределения доходов и развитая система социального обеспечения. Условия труда и заработной платы определяются коллективными договорами между профсоюзами и предпринимателями. Страхование по безработице является обязательным для всех членов профсоюза и осуществляется за счет взносов рабочих, предпринимателей и государства. Пособия по безработице выплачиваются в течение трёх лет в размере 90 процентов от среднемесячной зарплаты, но не более определенной суммы. Право на социальные пособия имеют все граждане. Размер социальных пособий регулируется в соответствии с

индексом прожиточного минимума. Пенсии по старости («на-родные пенсии») выплачиваются всем лицам, достигшим пенсионного возраста — 65 лет, независимо от трудового стажа. (По новому закону предусмотрено постепенное повышение пенсионного возраста до 67 лет.) Выплачиваются также дополнительные пенсии из специального пенсионного фонда, создаваемого за счет личных взносов трудящихся (одна треть) и предпринимателей (две трети), их размер зависит от стажа работы. Членство в больничных кассах даёт право на получение бесплатной медицинской помощи. Население облагается подоходным налогом в пользу государства, региона и коммуны, имуществом и церковным налогами.

Построение общества всеобщего благосостояния — заслуга социал-демократической партии, хотя в последнее время она сдвигается вправо. Если в программе 1977 года конечной целью провозглашалось осуществление общей собственности на средства производства и построение социализма путем достижения солидарности и общности интересов, то в программе 1992 года «Новый прогресс» термин «социализм» упоминается лишь в нескольких местах, а словосочетание «общая собственность» исключено вовсе. Зато в программе говорится о социально ориентированной рыночной экономике. Партия считает, что для удовлетворения потребностей человека необходим контроль за действием рыночных сил, и по-прежнему уповает на действенность модели государства благоденствия, если повысить эффективность работы общественного сектора. В идеологическом отношении партия придерживается теории демократического социализма. Общество всеобщего благоденствия возможно лишь в условиях эффективной капиталистической экономики — уверены датские политики, которые обнародовали свой план по спасению Евросоюза. Несмотря на растущие антикапиталистические настроения в европейских странах, правительство Дании предложило Старому континенту вернуться к полноценной рыночной экономике и либерализовать рынок труда. Дания призывает Европу не повторять ошибок «скандинавского социализма» 80-х, который обернулся для региона экономической катастрофой (так тут оценивают последствия снижения конкурентоспособности экономик скандинавских стран).

Левая коалиция из социал-демократов, народных социалистов, красно-зелёных и социал-либералов победила на парламентских выборах 15 сентября 2011 года. И лидер социал-демократов Хелле Торнинг-Шмитт стала новым премьер-министром Дании. Впервые премьером страны стала женщина.

Россияне, поработавшие в Дании, утверждают, что в Дании нет капитализма, а есть что-то среднее между коммунизмом и первобытно-общинным строем, и эта система оказалась очень эффективной. Всего сто лет назад Дания была самой бедной страной Европы, а стала одной из самых богатых благодаря датскому социализму.

Финны догоняют шведов

Первые прибывшие с юга племена заселили территорию современной Финляндии около 9000 года до н.э. В первое тысячелетие н.э. сюда прибыли угро-финские племена, пришедшие с Урала. Потомки этих племён — современные финны. Эти племена вытеснили коренное население — саамов на север в Лапландию.

В VII—VIII веках началось развитие торговли, которой не смогли помешать даже викинги. Около 750 года заложен город Ладога и начинается торговля с варягами. С XI века в Финляндию начинает проникать христианство (католицизм). Но скоро Швеция присоединила Финляндию к себе. Неоднократно и Московское княжество пыталось пробиться к Балтийскому морю через Финляндию. России это удалось только после Северной войны в начале XVIII века. В 1527 году Финляндия без кровопролития перешла от католицизма к лютеранству.

В 1809 году Финляндия была передана от Швеции (под властью которой находилась примерно 600 лет) к России. Она успешно развивалась, пользуясь своими правами широкой автономии и более либеральными условиями, чем в остальной части Российской империи.

В декабре 1917 года Ленин своим декретом признал независимость Финляндии от России, но это не обеспечило ей мирное развитие. Левые силы организовали отряды Красной гвардии и в январе 1918 года провозгласили Финляндию социалистической рабочей республикой. 28 января 1918 года финская Красная гвардия практически без боя заняла правительственные учреждения в Хельсинки и в промышленных центрах южной Финляндии. В Хельсинки было сформировано правительство — Совет Народных Уполномоченных и верховный орган власти — Главный рабочий совет. 29 января СНУ опубликовал программу демократических реформ. Она предусматривала ликвидацию кабальной зависимости крестьян-арендаторов от землевладельцев, улучшение трудового законодательства, установление государственного контроля над частными банками и крупными предпри-

ятиями. Правительство Финляндии бежало на север, где лидер консерваторов барон Маннергейм сформировал отряды Белой гвардии (шюцкор), чтобы помешать распространению революционного движения.

23 февраля красными был опубликован проект демократической Конституции, а 1 марта заключен советско-финляндский договор о дружбе и братстве. Но предприятия и банки не были национализированы, не решался вопрос о наделении землёй крестьян, не было ликвидировано контрреволюционное подполье.

Финская контрреволюция начала наступление из северных регионов. В кровопролитных боях героически оборонявшиеся основные силы 80-тысячной Красной гвардии были разгромлены. В спину красным финнам ударили германские интервенты. Прилежавшую к советской границе карельскую территорию заняла «добровольческая бригада» шведских интервентов. К началу мая всё было кончено, началась расправа над участниками революции и членами их семей: до 90 тысяч человек было заключено в тюрьмы и концлагеря, свыше 8 тысяч казнено. Но помимо красных финнов геноциду подверглось русское население. В Хельсинки и других местах расквартирования бывших императорских русских войск были расстреляны сотни русских солдат и офицеров. Они сочувствовали Белому движению, но были уничтожены только за то, что были русскими. События советско-финской войны 1939 — 1940 годов, а также Великой Отечественной войны слишком хорошо известны, чтобы о них напоминать.

После войны главным экономическим партнёром Финляндии стал СССР. Двусторонние торговые соглашения с Советским Союзом были очень выгодны для финской экономики, что сделало возможным превращение Финляндии в неокорпоративную страну с развитой системой социального обеспечения.

После объединения Германии и распада СССР Финляндия стала проводить политику сближения с Западной Европой, чему в прошлом препятствовали соглашения, заключённые с СССР. Однако после 1991 года в Финляндии начался затяжной экономический кризис. Безработица выросла до 18 процентов. Вот тут и выявились причины «процветания» Финляндии (как и трёх стран Балтии).

Страны Запада в 20-е годы подвергли СССР экономической блокаде. Они не продавали нашей стране (до того, как грянула Великая депрессия) оборудование и другие необходимые нам товары, как и не покупали предметы нашего экспорта. Но в мире капитала всегда найдутся дельцы, которые

ради высоких прибылей пойдут на то, чтобы обойти любой запрет. Финляндия и страны Балтии закупали на Западе не-обходимое для СССР по мировым ценам, а нам продавали втридорога. Точно так же продавались на Запад и советские товары. Это называлось «реэкспорт». Последний раз с таким «реэкспортом» мы столкнулись в горбачёвскую эпоху, когда Эстония, не имеющая никаких месторождений полезных ископаемых (кроме сланца), вдруг вышла на одно из первых мест в мире по экспорту... цветных металлов. Российское жульё, скупавшее дешёвые (потому что дотировались из госбюджета) товары народного потребления из цветных металлов, превращали их в слитки и продавали на Запад через указанные страны-посредники.

Ситуация в Финляндии изменилась лишь в конце 90-х, когда эта страна вступила в Евросоюз.

Ныне, по оценкам авторитетных рейтинговых агентств, Финляндия занимает первое место в мире по конкурентоспособности (а США — лишь второе место).

Но как за 10 лет Финляндия стала наиболее конкурентоспособной страной и лидером в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), добилась того, что сектор ИКТ стал движущей силой экономического роста, столпом экономики наряду с машиностроением и лесопромышленным комплексом? Ведь Финляндия скудна полезными ископаемыми и природными ресурсами, а по населению (5,4 миллиона человек) является одной из самых маленьких стран ЕС. Выращивание сельскохозяйственных культур и разведение скота в скалистых ландшафтах с многочисленными озёрами и болотами в условиях сурового климата можно приравнять к подвигу. И, несмотря на это, в последние десятилетия Финляндия пережила бурный экономический подъём.

Финляндия, не задерживаясь на индустриальной стадии, оказалась в постиндустриальном пространстве, в котором более двух третей экономики страны составляет не промышленность, а сфера коммерческих услуг, то есть коммуникации, торговля, туризм. И Финляндия движется к созданию информационного общества, ставя во главу угла информатизацию и компьютеризацию всех сфер общественной жизни, выделяя значительные бюджетные средства на науку, образование, исследования.

С 1993 года, когда был отменён закон, запрещающий иностранным физическим и юридическим лицам иметь собственность на территории страны, начался приток в Финляндию иностранного капитала. Быстро увеличивалось число промышленных предприятий, находящихся в иностран-

ной собственности. Интенсивно шёл процесс, когда иностранная фирма поглощала финскую компанию и продавала финские товары под своей собственной торговой маркой.

Но и у финских предприятий появилась собственность в различных странах мира; они наладили производство своих товаров в других странах. В результате размещения большой доли финских инвестиций за рубежом, количество наёмных работников, занятых в крупнейших финских компаниях за рубежом, превышает численность работающих на предприятиях на территории Финляндии.

Что всё это означает? Во-первых, многие предприятия, находящиеся на территории Финляндии, на деле принадлежат иностранному капиталу. Во-вторых, финские компании, организуя производство своих товаров на зарубежных предприятиях, создают рабочие места не для финских работников, а для работников «стран пребывания». А в целом это означает включение финского производственного потенциала в систему глобального капитализма, где настоящим хозяином окажется тот, у кого больший капитал. И финны скоро почувствуют последствия этого процесса.

Далее, до конца 1980-х годов многие промышленные предприятия Финляндии представляли собой многоотраслевые конгломераты. Потом эти предприятия сократили ассортимент выпускаемых товаров. Типичным примером всех вышеописанных перемен является самая знаменитая финская компания «Nokia».

В начале 1990-х годов «Nokia» была на грани банкротства и представляла собой многоотраслевую компанию, которая производила продукцию электроники, резиновые изделия, кабели, продукцию лесной промышленности, а также некоторые виды телекоммуникационного оборудования. Руководство компании решило перейти к производству только телекоммуникационных товаров. Это позволило «Nokia» извлечь пользу из всемирного телекоммуникационного бума. Фирма стала лидером в области телекоммуникаций, и в настоящее время её доля на рынке сотовых телефонов составляет 40 процентов. Наибольшая доля акционерного капитала компании принадлежит иностранным акционерам. Компания активно инвестировала свой капитал за рубежом. Лишь некоторые функции компании были оставлены в Финляндии.

Финские компании специализируются на производстве товаров с высокой добавленной стоимостью, которые требуют высококвалифицированной рабочей силы и высоких технологий. Производство товаров с низкой добавленной стоимостью нерентабельно для Финляндии.

Развитие в секторе ИКТ не могло быть успешным без наличия необходимой для этого инфраструктуры. Государственный сектор должен создать благоприятную социальную инфраструктуру и высокий уровень образования в государственных учебных заведениях. Международная конкурентоспособность Финляндии основана на социальном капитале, на том, что образование в Финляндии качественное и бесплатное, обеспечивает достаточно высокий уровень знаний, навыков и просвещённости всего населения, в том числе условия для пожизненной учебы. Возможность учиться новому в любом возрасте обеспечена на всех ступенях образования — от начального до высшего.

В итоге всего за два десятилетия финская экономика переориентировалась с природных ресурсов на наукоёмкое производство. И Финляндия стала «страной победившего хайтека».

Когда-то финны, как и норвежцы, и датчане учились у шведов строительству социального государства и внедрению новейших технологий. Ныне ученики догнали, а кое в чём и обогнали своего учителя. Их соревнование продолжается. Но далеко все они, видимо, не уйдут.

Скандинавы и Россия

Скандинавские страны отличает в общем негативное отношение к России. Тут сыграли свою роль исторические обстоятельства. Именно Россия положила конец великодержавию Швеции и отняла у неё Финляндию. С Финляндией у нас были, не считая более мелких конфликтов, две войны, которые долго не забудутся. С Норвегией у нас тоже бывали конфликты.

В 1920—1924 годах в территориальных водах Советского государства развернулась так называемая «Тюленья война» — вторжение сотен норвежских промысловых судов во внутренние воды РСФСР от Мурманска до Архангельска. Советские органы ограничивались нотами протеста, не обладая военноморскими силами сдерживания. А в ответ норвежские суда пришли в акваторию Белого моря в таком количестве, что местное население не смогло выйти на промысел.

В 1923 году для защиты рыболовецких судов Норвегия выслала броненосец, что было отмечено Советами как беспрецедентный случай: вход военного судна в территориальные воды без объявления войны. Лишь в 1924 году был подписан договор о норвежской концессии в СССР на ведение зверобойного промысла по государственным квотам СССР.

Возобновление «войны» было отмечено в 1928 году. Норвегия пригрозила СССР обращением за военной поддержкой к английскому военно-морскому флоту в случае преследования её судов. Нарушения территориальных вод продолжались до 1936 года, когда была ликвидирована последняя норвежская концессия. Но главным аргументом послужило строительство в СССР Беломорско-Балтийского канала, по которому в наши северные воды были доставлены эсминцы и другие военные корабли.

Разграничение континентального шельфа в Баренцевом море (очень перспективного района по запасам нефтегазоконденсатного сырья) было завершено после встречи Дмитрия Медведева с руководителями Норвегии. Многие в России считают условия этого акта крайне для нас невыгодными.

И всё же есть у неприязни скандинавов к России более глубокая причина. Эти здоровые мужчины и женщины замкнулись на благосостоянии и комфорте, утратив всякое стремление к каким-либо высоким целям, выходящим за пределы личного, семейного или национального благополучия. И их раздражают русские, которые, даже находясь в нынешнем трудном положении, тем не менее думают о каких-то идеалах всемирной справедливости, о философии общего дела, о космическом призвании человечества и т.п. И с этой причиной неприязни им, видимо, справиться будет очень непросто.

Продолжение следует

РАССКАЗЫ

ОСТРОВ НЕВОЛЬНИКОВ

Сергею уже за сорок. Он по-прежнему крутоплеч, силен и, чтобы поддерживать форму, два раза в неделю ходит в тренажерный зал.

Среди бизнесменов средней руки он в авторитете — два магазина запчастей для иномарок дают неплохой доход. Братки, его ровесники, кто уцелел в разборках, помнят Серегу, знают, что тот в завязке, и ни на какое дело не пойдет. Да и зачем ему? Вполне уважаемый господин, отчетность — по нулям, налоги — в срок. Хозяин он крепкий, да и семья: жена, пацанка девяти лет. Средний класс. Отдыхают на Кипре, Канарах, зимой — в Швейцарии. Одеваются в модных бутиках. Извини-подвинься, не хуже других.

И только раз в году, когда морпехи отмечают свой праздник, Серега преображается. Уже с утра его бьет колотун от нетерпения. Сам, не доверяя жене, гладит суконку, брюки и, выпив сто пятьдесят коньяку, ка-

ПРОЗА

тит на метро к Парку культуры имени Горького. У Сереги «Ауди» последней модели. Без машины ни шагу, и потому в метро он испытывает особый подъем, молодеет, и все мужики в черной форме морпехов его братья, каждого он готов обнять и расцеловать. И с презрением глядит он на молодежку, особенно на студентов, — хилая пошла пацанва, пальцем перешибешь. Сплошные дистрофики, педики, да еще ширяются, нюхают всякую гадость. И основная мечта у них, как бы ловчее отмазаться от призыва, уж лучше горшки с дерьмом из-под больных стариков таскать, чем тянуть срочную. И не понимают, дурачье, что в университетах да академиях только специальности обучат, а жизненных школ всего две: зона да армия.

Зона засосет и с концами, а вот армия поможет уяснить главное: «Сильный всегда прав». Серега-то понял, заставили понять.

Весной восемьдесят седьмого взяли валютчиков, затем фарцовщиков, кто покрупнее. Крепко помели. Сергей в корнях не ходил, но и в шестерках не числился. Если бы не повесточка из военкомата, его вполне могли повязать и в торбу сунуть. Так что на призывной пункт Серега попал с праздничным настроением.

По физическим данным и подготовке светило ему загреметь в ВДВ или на флот. Внутренние войска не колебали: мандатную комиссию не прошел бы, в уголковке на него уж точно что-то есть, не может быть, чтобы совсем уж не засветился.

Повезло, попал в команду, куда отобрали будущих морских пехотинцев. И с местом службы повезло — Тихоокеанский флот. Хоть белый свет посмотрит. Когда бы еще собрался? И от столичных ментов подальше.

В дивизии морской пехоты Серега сразу сориентировался: здесь не шелупонь, крутые ребята, он своим черным поясом и пятым даном никого не удивит, каждый из «годков» умел то, что умел Сергей, да еще и сверх того. Поражали цель навскидку из любого вида стрелкового оружия, снайперски бросали ножи и могли голыми руками, без каратистского кхеканья, по-тихому устранить противника. Пехотинцы лихо водили автомобили всех систем и марок, могли управлять танком, бэтээром, могли в акваланге поднырнуть под судно и прилепить к его борту мину, умели и многое другое.

Парнишечки подобрались один к одному, все под два метра и весом едва ли не в центнер. «Дедовщины», о которой гудят по ящику, в дивизии не было, а вот «деды» были. И какие! Над младшими никто не издевался, но и представить было невоз-

можно, чтобы салажонок попер на «деда». Особенно ценились умение, ловкость, сила. Тренировочные схватки мало чем отличались от боевых, и если кто-нибудь попадал в лазарет, ему не сочувствовали — не расслабляйся. Морской пехотинец, оказавшись на необорудованном побережье, иными словами, в тундре, джунглях или пустыне, обязан был не только выжить, но и решить поставленную задачу.

За такую выучку, как у морпехов, нынче бабки платят. После дембеля он, Серега, будет стоять втрое дороже. Отошли те времена, когда он «утюжил» у гостиницы «Космос». Можно найти дело посерьезнее.

Душой разведзвода был прапорщик Григорий Вакуленко по прозвищу Гриша-Ша, кареглазый бодрячок под сорок, успевший сходить боцманом в загранку на торгаше, но все же вернувшийся в морскую пехоту. Вакуленко говорил на полу-блатном жаргоне, стрелял из пистолета с обеих рук не целясь, мог сутками не есть, не спать и притом не терял юмора.

— Ша, имею до вас вопрос, — Вакуленко с усмешкой оглядывал пехотинцев. — Што должен уметь морской десантник? Ну-ка ты, москаль!

Сергей поднимался.

— Всё! Бегать, прыгать, плавать в шмотках и с оружием, владеть приемами нападения и обороны, основами альпинизма, водолазного дела, Ничего не бояться...

Сергей лямку тянул без надрыва, в отличниках не ходил. Крепкий середнячок, в авторитете. Вакуленко был им доволен, звал остаться на сверхсрочную, инструктором, но Сергея тянуло к иной жизни.

Конец января 1988 года. Личный состав и технику погрузили на большой десантный корабль «Комсомолец Приамурья». Залив Золотой Рог во льду, мокрый снег, тающий в серой мгле город, белые башни многоэтажек на сопках, как свечи. На подволоке и переборках твиндека, где на растяжках замерли танки и бэтээры, осел иней. В свободном углу натянута тросы, палуба прикрыта матами — ринг, рядом деревянная платформа с «железом»: штанги, гири. Тренировки каждый день, морской пехотинец обязан сохранять форму. И еще культ гигиены. У десантника не должно быть никаких потертостей, прыщей, опрелостей — посему, несмотря на погоду, ежедневное обмывание забортной водой.

Моряки из команды корабля с усмешкой наблюдали за десантниками. Отношения ровные. У команды свои территория и законы, у десантников — свои.

В океане потеплело, косматые тучи задевали за мачты, ветер срывал с гребней волн пену и швырял на палубу. В Южно-

Китайском море ветер опал. Круглые сутки молотил тропический дождь, но стоило выглянуть солнцу, как палуба обсыхала, воздух сгушался и становилось трудно дышать. Из брезента соорудили что-то вроде бассейна и закачивали туда заборную воду. Есть свободное время — иди отмокай. Как-то вечером на третьей неделе похода Сергей у бассейна узрел тощего парня в комбинезоне, в каких иногда на божий свет появляются трюмные из БЧ-5. У парня были белесые поросычки ресницы, черные печальные глаза и невероятных размеров нос.

— Шнобель, ты? — удивился Сергей, с трудом узнавая одноклассника Толю Антоновича. Кажется, в классе восьмом сидел с ним на одной парте.

Антонович неловко улыбнулся:

— Я ведь давно тебя заметил, Сергей, да все не решался подойти.

— Ты даешь!

Толян Антонович был чудак. Он охотно откликнулся на прозвище Шнобель и никогда ни на кого не обижался. Единственный, кто до десятого класса носил школьную форму: форма стоила дешевле. У Толяна отец умер, мать — инвалид какой-то там группы, толстая, с рачьими глазами тетка. Она числилась дворником, но работал сын. Вставал в пять утра, подметал двор, зимой скалывал лед, посыпал дорожки песком. Вывозил мусор и мыл лестницы попеременно в пяти подъездах.

Толян не стеснялся того, что работает дворником, и боготворил мать. Учился хорошо, не хуже Сергея болтал по-английски.

Сергей как-то ему предложил:

— Что ты уродуешься, мостовые скребешь за гроши? Хочешь, я тебя в дело возьму? И шмотье у тебя будет, и бабки, и телок сколько хочешь, на выбор.

— Не-е, — Толян покачал головой. — Мамка узнает, что я фарцию, сразу помрет. Спасибо, Серега, не по мне.

— Эх ты, «мамка»! — Сергей презрительно сплюнул и в тот же день пересел на другую парту.

Мать у Сергея не вызывала никаких чувств, кроме жалости и раздражения. И еще — он стеснялся матери. Рыхлая, сюсюкающая, часто нетрезвая, в последний перед призывом год она торговала в ларьке на Усачевском рынке, а нередко и с лотка прямо на улице, растрепанная, в грязном халате, с красным лоснящимся лицом. И эти ее хахали, сброд какой-то, фуфло. Сколько раз ему приходилось ночевать на раскладушке у деда Ивана, а утром выставлять подвыпивших

любовников, принимающихся скандалить, а мать при этом, как девочка, шмыгала носом, и на ее раскисшем лице плавала пьяная, полубезумная улыбка. И эта ее слабость к вину, и то, что она, считай, старуха, неделю не могла прожить без мужика, вызывали у него отвращение.

Поход еще не перевалил за половину, а десантники стали уставать. Чаше по утрам вспыхивали короткие ссоры, и уже трудно было включиться в изнурительные ежедневные тренировки — Вакуленко по-прежнему не давал спуску, но и на него ворчали.

Заходили в Камрань, пополнили запасы воды. Неделю простояли у острова Сокотра. Жара — не передать. Бассейн уже не спасал. В океан не сунешься — акулы. Однажды Сергей видел гигантского ската — манту, это рогатое многотонное чудовище выбросилось из воды и, взбив пенный каскад, тяжело рухнуло, разбив пополам темный косяк рыбы. А как-то вечером рядом с бортом проплыл кашалот величиной с подлодку.

На стоянках моряки ловили рыбу. Иногда на тройной крючок, на который нанизывали красный лоскут, попадались небольшие кальмары.

Сергей и Антонович обычно выбирали укромное местечко на верхней палубе, где прохладней, — сидели, беседовали. Говорил обычно Антонович, Сергей слушал, поражаясь, сколько тот знает всякой чепухи. Узкое, асимметричное лицо Антоновича преображалось, движения становились размашистыми.

На гражданке Антонович работал слесарем в домоуправлении и учился на вечернем отделении историко-филологического факультета педагогического института.

— Ну и сколько ты будешь получать, когда окончишь институт? — лениво спрашивал Сергей.

Тот называл сумму — столько Сергей мог без особого напряжения заработать за день, а при особом фарте и за несколько минут.

— Ну, ты молоток, — усмехался он. — Шесть лет корячиться. А за что?

Чудак он и есть чудак. Сергей привязался к Антоновичу, скучал, когда тот был на вахте. Как-то — было это уже в Красном море — Толян пропадал три дня. Сергей забеспокоился. Матросик-трюмный, совсем пацан, пряча глаза, сказал: «Приболел Анатолий». Ответ не понравился Сергею. Что-то «маслопуп» скрывал. Большой десантный корабль стоял на внешнем рейде Массауа и утром должен был уйти на Дохлак. Время позднее, после отбоя, поэтому на поиски Антоновича

Сергей отправился в плавках и кроссовках — наткнется на дежурного, скажет: в гальюн шел и заблудился спросонок. Гудели вентиляторы, перегоня охлажденный воздух. Сергей полого ориентировался на корабле, только раз был в кубрике, где жил Толян, и теперь боялся на самом деле заблудиться. Можно было дожидаться завтрашнего дня, официально поинтересоваться состоянием здоровья матроса Антоновича, но тревога, неведомая ранее Сергею, подталкивала его. Чутье подсказывало, что-то здесь не так: уклончивый ответ матроса, его испуганный взгляд.

Кубрик был освещен синим плафоном. Дневальный ошарашенно выкатил на Сергея глаза, видно, принял за офицера или прапорщика десантников, на вопрос, спит ли Антонович, мотнул башкой в сторону коридора: «У гальюне...»

Мягко ступая кроссовками по коридору, Сергей скользнул в его зыбкую глубину и едва не налетел на могучую спину, из-за которой и увидел Толю Антоновича. Тот стоял, прижавшись к переборке, лицо его было иссиня-бледным, глаза полузакрыты. А обнаженная грудь — у Сергея даже затылок похолодел — пестрела от кровоподтеков.

Губы у Толяна дрогнули, и он едва слышно прошептал:
— Сволочи... фашисты.

Измученные его глаза натолкнулись на Сергея и удивленно расширились.

Сергея заметил не только он. Крупный, хорошо накачанный, стриженный наголо парень отделился от переборки и, широко улыбнувшись, сказал:

— Плянь-ка, а у нас гость. Весь сам из себя. А кроссовки — фирма! В кроссовках фирмы «Адидас» тебе любая девка даст. А ну вали отсюда, пехота. И забудь, что видел. Наше дело, разберемся. Не то больно тебе сделаем, ох, больно.

В голосе его послышались надрывные нотки.

«Из блатных», — определил Сергей, прикидывая, что к чему. Свет в глубине коридора был специально вырублен — там смутно проглядывал тупик, а может, и тамбур, из которого дверь ведет наверх, на палубу. Парней трое. Крепкие ребята, по возрасту «годки», из старшин.

— А мне-то что, разбирайтесь, — Сергей улыбнулся, стараясь придать голосу заискивающие нотки. Узковат был коридор, не развернешься, да и «годки» стояли, прикрывая друг друга. И все же медлить было нельзя. — Заблудился. В гальюн шел и заблудился.

— Ничего, я тебе укажу дорожку, — стриженный наголо шагнул к нему, развернул корпус и тем самым допустил оплошность — подставился. Сергей ребром ладони секанул здоровяч-

ка, стоящего к нему спиной, по бычьей шее, а стриженного в прыжке достал ногой в живот — успел сконцентрироваться, поэтому удар получился сильный, — развернулся на опорной ноге и врзал прямо перед собой, пытаясь поразить третьего, но промахнулся. Тот умело ушел от удара и хлестнул Сергея правой с шагом в сторону. Серега, падая, все же успел ухватить его за ремень, рвануть на себя, «годок» приложился головой о переборку и затих, только ноги заскребли по палубе. Выбраться из-под него не успел, кто-то навалился сверху, сильные цепкие руки нащупывали горло, пахло табаком. Сергей прижал подбородок к груди, боковым зрением отметив нависшую над ним квадратную физиономию, ширнул тренированными пальцами, норовя угодить в глаз противнику, и попал. Вопль завис в коридоре. А по трапу уже гремели шаги, и командный голос хрипло произнес: «Прекратите! Применю оружие!»

Сергей выскользнул из-под неподвижного тела, огляделся. Антонович сидел на корточках, закрыл глаза руками, стриженный лежал, согнувшись, а тот, кто пытался душиить, мотал башкой, подвывая. Уходит некуда, путь наверх преграждал дежурный по кораблю. Вид у него был испуганный, он торопливо расстегивал кобуру и все не мог расстегнуть.

— Видите, товарищ лейтенант, — ухмыльнулся Сергей, — шел к тете, а ее, оказывается, дома нет.

— Какая тетья? — изумленно спросил дежурный. — Что происходит?

— «Деды» разбушевались, а вы, извиняюсь, мышек не ловите. Морьяка давили. Видите, на корточках сидит? И меня чуть не придушили.

— Десантник?

— В самую точку. Братцы, неужели я «годка» замочил?

Да, крепко его тогда, после драки на большом десантном, достали. Хуже некуда. Главное — несправедливость. «Дедов» этих, что над Антоновичем издевались, списали на госпитальное судно — уделал их Сергей круто. Малость превысил меры самообороны. А что, ждате, когда тебя уделают?

Сидел взаперти в старшинской каюте, теплилась надежда: разберутся. Разбираловка шла вяло, чувствовалось: дело хотят прикрыть. И прикрыли — все свалили на него, Сергея. Тем более что единственный свидетель и потерпевший Толя Антонович исчез. Видно, срочно перевели его на другой корабль, и с концами. Нет свидетеля, нет и «дедовщины». Разговоров с дознавателями было много — тягомотина. И лишь один разговор с прапорщиком Вакуленко был по делу.

— Ты, Серега, боженьке должен молиться, что концы в воду прятут. Начальству не с руки о новом чэпэ наверх доклады-

вать, своих полные штаны. А так пыхтеть бы тебе, корефан, в штрафбате, а то и в зоне. Усек? И не рыпайся. Отслужи на этой каменной кочке и вертайся домой живой и здоровый. А теперь держи «пять».

На Нокре особенно не рыпнешься, Сергей это сразу ухватил: голый остров, три чахлах дерева у коттеджей, где живут семьи офицеров и мичманов, а вокруг распрекрасное Красное море с акулами и муренами, не сбежишь, служи, как пионер-комсомолец, и не вякай.

На Нокру Сергей попал в конце сезона дождей. Кое-где сохранились очажки скудной растительности. Слева от пирса, примерно в двух кабельтовых, чернел прямоугольник плавдока, справа — угрюмые, перестроенные из бывшей итальянской тюрьмы склады. Дальше — техзона с выкрашенными серебристой краской цистернами для топлива, еще дальше — казармы, жилой городок, отсеченный от пустыни колючей проволокой, по периметру зенитные самоходки. Вот и все. Если к этому добавить испепеляющий зной и тонкий, рвущий душу звон (вокруг мелкий, как пыль, «поющий» песок), настроение Сергея можно понять. И опять-таки выходило: виноват всегда слабый. Распустил сопли, сиди теперь на кочке. Что толку в том, что он заступился за Антоновича? Влез не в свое дело и получил. Кто знает, что тот натворил? Может, стукач...

Командование пункта снабжения кораблей, по-видимому, знало о Сергее правду, так как к переводу его отнеслось спокойно. Серега вступил на «остров Невольников», как называли Нокру местные острословы, озлобленным, не вняв поначалу словам прапора Вакуленко, думал, и тот с отцами-командирами заодно.

Остров Нокра для нервных очень полезен. Сергей уже на второй день успокоился и стал думать, как выжить, — главное для морского десантника. Вариантов немного, вся колода без козырей. Плонешь на ветерке, и плевок тут же тебе в рожу и воротится.

Караульную службу на наружных постах нес Сергей месяца три исправно, без замечаний, чаще ночью, с полным боекоплектом. Сепараты уже пошаливали: то вертолет обстреляют, то ночью подойдут на катере и шибанут из базуки. Хочешь жить — гляди в оба, как в Афгане. К Сергею присматривались и вскоре определили в подразделение специального назначения — это уже было дело. И ребятки в спецназе были что надо, подводные диверсанты, подготовочка — люкс, поучиться есть чему. Сергей риск любил, и год, что отбухал на Нокре, был, как он теперь понимал, едва ли не самым ярким в жизни.

По утрам залив был рыж, к обеду выцветал, сливался с небом, и лодки рыбаков как бы зависали в пустоте. Ближе к вечеру наползали тучи, ухал гром, и гул долго клубился над заливом, то отдаляясь, то приближаясь.

Так повторялось каждый день. На все эти явления природы Зрачков сумрачно взирал с балкона, потягивая пиво. Когда пиво кончалось, он брал спортивную сумку и шел в магазин.

Продавщица иногда просила его помочь разгрузить машину с товаром и, глядя, как он играючи швыряет тяжелые ящики, восхищенно повторяла:

— Ну, мужик! Ну, дает!

Завтракать Зрачков не ходил, часов до десяти валялся на койке в своем «люксе», обедал и ужинал позже всех, когда официантки уже собирали посуду, а отдыхающие разбредались по пляжу.

«Люкс» ему достался «на халяву». Когда его оформляли в приемном отделении, он сказал худой задерганной женщине в мятом белом халате:

— Ты меня отдельно сели, я храпа не переносу и курю ночью.

Женщина удивленно приподняла брови:

— Но мы не можем всех обеспечить отдельными комнатами, впрочем, — она коротко взглянула на Зрачкова, — могу вас временно поселить в «люксе». Он пока пустует. Но если кто из начальства...

— Вот, вот, — ухмыльнулся Зрачков, — считай, что я и есть начальство. — Взял ключ и, не поблагодарив, вышел.

Инцидент с официанткой укрепил неприязненное к нему отношение персонала и отдыхающих.

Крикливая, с прокуренным голосом официантка поставила перед Зрачковым тарелку со щами и хотела уйти, но он остановил ее:

— Иди-ка сюда.

Та изумленно обернулась:

— Чего еще?

— Ложку смени, грязная.

— Какая еще грязная! — заорала официантка и так грохнула стулом, что старички, сидевшие за столом напротив Зрачкова, вздрогнули.

— Кому сказано, бикса? — тихо и вроде бы даже доброжелательно сказал Зрачков. — Ну-у!

Легко, двумя пальцами согнул литую мельхиоровую ложку и выбросил ее в окно.

В столовой стало тихо.

Официантка молча принесла ложку, сменила скатерть и с той поры заискивала перед Зрачковым. А старички попросили, чтобы их пересажали за соседний стол.

Другие отдыхающие тоже сторонились Зрачкова. Рослый, крупноплечий, с черной разбойничьей бородой и жесткими, немигающими глазами, он производил неприятное впечатление. Но Зрачков и не стремился к знакомству.

Май стоял необычайно душный, напористо, жадно цвела сирень, и волны резкого, напоминающего дешевый одеколон запаха затекали в окна. Духота, белые ночи тяготили Зрачкова. Он плохо спал, часто просыпался, выходил на балкон, курил и глядел на Финский залив.

Только на третий день он разыскал дом, где раньше был ресторан «Северная Ривьера». Нынче здесь расположился какой-то пансионат. Повсюду валялись коробки из-под сигарет, пустые бутылки, сосны пожелтели, обуглились, и трудно было поверить, что когда-то здесь на клумбах росли цветы и к высокому крыльцу подкатывали автомобили.

А ведь в те давние времена он не раз бывал в Зеленогорске. Курсантам-старшекурсникам полюбился уютный ресторанчик — он стоял на отшибе, довольно далеко от станции, в лесу, и туда редко навевывались патрули.

Чаще всего курсанты приезжали в «Северную Ривьеру» осенью или зимой. И только раз Зрачков побывал там ранним летом с девушкой со странным именем Ляка. Не Леля, не Лина, а Ляка.

Боже мой, как он был тогда глуп и самонадеян. Ему все удавалось, он шел на золотую медаль, а это означало свободный выбор флота. Курсант последнего курса, точнее, уже не курсант, а мичман, с тяжелым палахом у левого бедра, с правом увольняться на ночь, коротко подстриженными усиками и насмешливыми глазами.

Он не был красив, но высок ростом, крепок, с жестким, как говорили его друзья, «командирским» лицом и нравился девушкам. На танцевальных вечерах ему не приходилось стоять в толпе неудачников.

С Лякой он познакомился в клубе имени Капранова. Он уже не помнил теперь, почему его туда занесло, — курсанты высших военно-морских училищ предпочитали «Мраморный зал» на Васильевском острове или Дом культуры связи, что неподалеку от Поцелуева моста и флотского экипажа.

Девушка пригласила его на «белый» танец. И, розовея от смущения, вдруг сказала, что терпеть не может танцев.

— Зачем же ты сюда пришла? — удивился Зрачков.

Та, еще больше смутившись, стала говорить, что виновата подруга, что она ее затащила, а сама куда-то делась, и что-то еще в этом роде.

Зрачков с усмешкой разглядывал ее детское личико. Особенно поразили чулки в рубчик, какие носят школьницы младших классов.

И вся она была чистая, розовая, с ямочками на щеках. Под его взглядом совершенно растерялась, на глаза ее навернулись слезы.

— Послушай, как тебя зовут?

— Почему вы мне говорите «ты»?

— Так удобнее. Ну?

— Ляка, — пролепетала она.

— Как? — Зрачков даже остановился. — А человеческое имя у тебя есть?

— Ляка, — повторила она и отчаянно глянула ему в глаза.

— Ну, Ляка так Ляка, — усмехнулся Зрачков. Девушка его стала забавлять.

Он станцевал с ней еще два танца. Потом отправился провозжать. И конец вышел неблизкий: девчонка жила в мрачном доме на углу Клинского проспекта и Бронницкой. Все время моросил дождь. Зрачков промочил ноги в своих хромовых ботиночках «первого срока» и все же шел, удивляясь сам себе и с удивлением слушая девчонку со странным, похожим на кличку именем.

А девчонка смело шлепала по лужам и свежим детским голоском болтала всякую чепуху.

«Детский сад», — думал Зрачков.

Когда подошли к дому, Ляка преувеличенно громко сказала:

— А знаете что, Игорь, приходите ко мне в гости.

— В гости?

— Ага. Я живу с бабушкой. У нас все запросто, а вы вроде как побываете в домашней обстановке. Вам ведь казарма надоела, не так ли?

— Да как сказать... Привык. И что мы будем делать?

Даже в тусклом свете уличного фонаря было видно, как она покраснела.

— Пить чай, общаться... Вам нравится Экзюпери?

— Кто это?

— Французский писатель... И летчик. Он говорил...

— Короче, давай телефон. Брякну, если настроение будет. У бабушки небось и дедушка есть?

— Нет, мы вдвоем.

— Пока.

Зрачков не мог теперь без стыда вспомнить, что произошло в тот вечер, когда он все же отправился в гости к Ляке. Шел он, испытывая странное желание унижить эту дурочку, преподать ей урок жизни, но, конечно, не трогать — этого еще не хватало: связался черт с младенцем. Да и зачем? Брось монетку в телефон-автомат, позвони Вике или Валюше — и каждая будет рада. И предков спровадят, и все устроят, а главное — не будут тарашить, как эта девчонка, наивные, рождающие смутное беспокойство глаза.

Женщин Зрачков не уважал. Вырос он в Москве на Якиманке, среди дворовой шпаны. Отец — инвалид войны — колотил мать, та с криком выбегала на коммунальную кухню, рвала на себе волосы, а часом позже покорно шла в магазин за водкой. Из того сквюзного двора, где стоял Игорек Зрачков с заточкой в кармане — ножичком, сделанным из напильника, вела прямая дорога в Бутырку. Но тут подошел срок идти в армию, он попал на флот, уже в учебке его заметили, сделали командиром отделения, потом помкомвзвода, а через два года он поступил в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Да, Игорь Зрачков хорошо знал, что такое жизнь, не то, что эта наивная дурочка. Надо же, в гости пригласила... Кутенок. И от нелепости того, что делает, — вечер можно было убить куда интереснее, — Зрачков вконец обозлился.

В магазине на углу Загородного и Бронницкой купил бутылку водки, сунул ее горлышком вниз в карман бушлата и в таком виде завалился к новой знакомой, насвистывая сквозь зубы популярную песенку: «Встретились мы в баре ресторана, как мне знакомы твои черты...»

Зрачков сам рос не в роскоши и, что называется, повидал виды, но и его поразила полуподвальная комнатуха, где жила Ляка с бабушкой-дворничихой, поразила своей бедностью. С бедностью тут упорно боролись, чистили, штопали, подкрашивали, и все равно перла она из каждого угла. И это была какая-то горестная, вдовья бедность.

А Ляка совсем не стеснялась своей бедности, не стеснялась ни бабки, скрюченной и страшной, как Баба Яга, ни скудного стола: бутылка дрянного портвейна, отварная картошка с селедкой, винегрет и немного самой дешевой колбасы. У Зрачкова аж в горле перехватило, когда Ляка торжественным голосом сказала:

— Игорь, пожалуйста к столу.

Зрачков, отстегнув палаш, поставил его в угол, сел, и, хотя пил он редко и презирал пьяниц, ему вдруг захотелось надраться. От портвейна он отказался, достал водку, отметив,

как жадно блеснули желтые, будто форменные пуговицы, глаза старухи, подумал со злой усмешкой: «А бабуля-то, видеть, потребляет...» — и разлил водку по стаканам.

— Бабушка, тебе бы не надо, — тихо попросила Ляка, но Зрачков не дал ей кончить.

— Со свиданьем! — рявкнул он, предвкушая потеху, понимая, что совершает подлость, но другое сильное ощущение должно было перебить чувство расслабляющей жалости к этой чистой девочке с доверчивыми глазами.

И потеха началась. Зрачков еще разок смотался за водкой, и старая ведьма, окончательно окосев, стала плясать посреди комнаты, выкрикивая похабные частушки.

Это был настоящий шабаш.

Позже он узнал, что полное имя Ляки — Элеонора, она ненавидит его, родители ее погибли в блокаду, а дворничиха спасла, выходила двухлетнего ребенка и у них нет больше никого на свете. Ну и что? Какое ему дело до всего этого? Жгла одна мысль: перебить горечь, что накопилась внутри. Через час Зрачков уже изображал из себя святого, а старуха, грохнувшись на колени, кланялась ему и бормотала молитвы. Ляка, не притронувшись к вину, сидела бледная, а когда Зрачков совсем разошелся, подошла к нему вплотную, тихо, но твердо сказала:

— Убирайтесь!

— Да перестань ты, — Зрачков пьяно ухмыльнулся.

И тогда она вlepила ему пощечину, увесистую и звонкую. И громко, как ребенок, зарыдала.

Он ушел, едва не забыв палаш, ушел с таким чувством, будто только что совершил убийство. И несколько дней прожил с неведомым ему ощущением потери, а в субботу вечером, оправляясь в увольнение, у памятника Крузенштерну увидел хрупкую фигуру Ляки. Видно, она ждала давно, совершенно замерзла, стояла, ссутулившись, спрятав руки в рукава пальто. Но, увидев его, смело пошла навстречу и, подойдя, сказала:

— Я пришла извиниться... За пощечину. Хотя... хотя вы ее вполне заслужили.

И у Зраčkова вдруг сладко поплыло в голове. Он взял ее руки в свои, подышал на них и сказал:

— Конечно, заслужил. Ты прости меня. Ладно?

— Пойдемте, — строго сказала Ляка, и они пошли, взявшись за руки, как ходят парами дети. Высокий, с жестким, «командирским» лицом мичман и девочка в резиновых ботинках, подростковым пальтишке, гордая, непреклонная и испуганная.

Где только не побывал в то удивительное время Зрачков. Ляка водила его в Кунсткамеру, Русский музей, в филармонию на вечера органной музыки, а однажды они даже побывали в музее-квартире поэта Некрасова. Зрачков глядел на старые вещи, на фотографии, и ему было грустно.

Ляка училась на первом курсе пединститута, собиралась стать учительницей русского языка и литературы, голосок у нее был то твердый, то срывающийся. Зрачкову нравилось подчиняться этой девочке, вкусно накормить ее в каком-нибудь кафе. Он любил смотреть, как Ляка ест, бережно, неторопливо, с уважением к еде. На матово-бледном лице проступал легкий румянец. В этот момент он испытывал к ней такую нежность, какую никогда и ни к кому не испытывал.

Одна незадача — он не мог представить Ляку женщиной и, когда она с напускной беспечностью сказала, что бабушка уехала на три дня к подруге в Ломоносов, он, мичман, которого побаивались курсанты младших курсов, привыкший думать и говорить о женщинах грубо и цинично, смутился.

— Я так хочу, — твердо сказала Ляка, и нижняя губа ее дрогнула. Потом, когда они лежали на скрипучей кровати среди накрахмаленных, тщательно заштопанных простыней, Зрачков, потрясенный случившимся, растерянно сказал:

— Дурочка, что же ты меня не предупредила... Да я бы... Да я ни за что! — Он даже заскрипел зубами.

Ляка погладила его по голове и с материнской нежностью сказала:

— Глупый... Такой большой и глупый. Я же тебя люблю.

Почему, почему он не женился на ней? Видно, уже тогда дьявол тщеславия оседлал его, а что могла ему дать эта девочка? Только мешать — так казалось ему. Начиналась сессия, за ней последняя стажировка, и все пошло наперекосяк.

За несколько дней до отъезда Зрачков предложил Ляке:

— Давай катнем в Зеленогорск. Там прекрасный ресторанчик. И патрули туда не суются.

— Поедем, — согласилась Ляка. — Я стипендию получила. Мы — богачи...

Все забыл, все вытравил из памяти о прошлой жизни Зрачков, ан нет, оказывается, жив тот вечер, жив в подробностях — так и стоит перед глазами.

...С самого начала взял тогда он, мичман Игорь Зрачков, легкий, игривый тон, весело травил Ляке флотские байки, был с ней предупредителен, ласков, пытаясь заглушить в себе тоскливое, сосущее чувство вины. А на них благожелательно поглядывали дачники — чистенькие старички и старушки с

аккуратными сумочками. А Ляка была тиха, все держала Зрачкова за руку, и в ясных ее глазах, на самом доньшке, застыло недоумение — вроде глядела она на Зрачкова и не узнавала.

Зрачков отворачивался, косился в окно, где в загустившихся сумерках, будто стражники, стояли сосны. Белые ночи вошли в силу, свет в электричке не зажигали, оттого на лица пассажиров легли синие тени.

Зрачков старался думать о веселом: об офицерской форме, что заканчивали шить портные, о стажировке, за которой долгожданный отпуск. Но весело ему не было, — мешала Ляка, и временами на него накатывало раздражение, и он думал с ожесточением: «Зачем поехал, зачем нужна эта канитель?»

До ресторана «Северная Ривьера» добрались в начале девятого — небо начало светлеть, где-то рядом взбулькивал ручей, от сосен тянуло дневным теплом. Окна ресторана были тускло освещены, и Зрачков с облегчением подумал, что ресторан закрыт. Потоптался в нерешительности на крыльце, сказал Ляке почему-то шепотом:

— Официант здесь забавный, папаша Август. Старик финн. Нас, курсачей, уважает, сын у него моряк... Был.

Дверь подалась, в проем потянуло запахом дерева, каких-то пряностей. В фойе мягко светились бра, и виден был пустой зал — ни одного посетителя.

— Похоже, не работает... санитарный день, — промямлил Зрачков. Но навстречу ему вышел старичок в белой крахмаленной куртке и галстук-бабочке под дряблым подбородком.

Старик с достоинством поклонился, показав высокий пятиный лоб с залысинами. Редкие седые волосы были зачесаны на аккуратный пробор.

— Рад вас приветствовать, молодые люди, — с сильным акцентом сказал он. — Мы сегодня закрываемся раньше, но я вас покормлю. Садитесь.

Он посадил их за столик у окна, поправил скатерть. Накрахмаленная куртка на нем похрустывала, и весь он был чистенький, тщательно выбритый.

— Рекомендую фирменный салат и киевские котлетки.

— Папаша Август, нам бы шампанозы, — развязно сказал Зрачков.

— Не рекомендую, имеется только сладкое, — строго сказал старик и даже прикрыл глаза с темными перепончатыми веками. — Для друзей имеется таллинский ликер, но лишь к кофе и совсем немного. Молодому человеку надобно в учи-

лише, нельзя рисковать перед производством в офицеры. Великий миг! — Он поднял вверх бледный, похожий на свечу палец.

— А, гори оно, — начал было Зрачков, но, глянув на Ляку, осекая, пораженный: в бледном свете, что затекал в окно, она словно мгновенно повзрослела, расцвела. Чудо-женщина сидела перед ним, красавица! Портили ее только глаза, ставшие черными, с горькой дымчатой глубиной. Лет женщине было около тридцати, самый расцвет. А брови-то, брови! Смекнул мичман, что такой станет Ляка лет через семь-восемь, и похолодело у него под тельняшкой, но ненадолго, опять он закуролесил, зарезвился, этакий удалец. Заказал все-таки шампанское, лихо хлопнул пробкой, смахнув салфеткой с горлышка сизый дымок.

Ляка пила и кушала без интереса, ковыряла вилкой киевскую котлетку, и на лице ее застыла отрешенная улыбка. А Зрачков незаметно подкладывал ей кусочки получше, будто кормил ребенка перед тем, как обманом спроводить его в сиротский приют, и оттого на душе у него было мерзко. А Ляка улыбалась. Эта улыбка смущала Зрачкова. Строго поглядывал на них папаша Август, вдруг посуровевший, и в его взгляде прочитал Зрачков осуждение.

Все, что молот в тот вечер Зрачков, что говорила Ляка, не запомнилось, словно действие происходило в немом кино. А потом они шли по песчаной дорожке к заливу, Зрачков шагал широко, вонзая казенные каблуки в песок, а Ляка неслышно брела сзади, как тень, как сгусток белой тревожной ночи. Вдруг в глубине леса родился напряженный, медленный звук. Он был тяжел, грузен, напоминал гул приближающегося наводнения. И только когда звук настиг их, Зрачков понял его происхождение — на Ленинград шел товарняк.

Тропинка кончилась, затерялась среди темного низкорослого ельничка, расставившего свои когтистые, цепкие лапы. Впереди рассерженно шипел залив, а здесь было темно, пахло погребом. И тогда, взъярясь, Зрачков выхватил палаш и с гиканьем стал рубить ельник, в каждый удар вкладывая необъяснимую злость. На кого?

Черные лапы с шорохом оседали, отваливались, ложась во влажную тьму...

Залив начинался метрах в пятидесяти от корпуса, где жил Зрачков, но казалось, что всплескивает он прямо под балконом.

С узкого песчаного пляжа до глубокой ночи слышались приглушенный смех, разговоры, иногда играли на гитаре — там собиралась молодежь. Зрачков сидел на балконе, поло-

жив подбородок на перила. Жара спала, тучи ушли на запад. Теперь залив был молочного цвета, слегка курился у горизонта, словно молоко закипало. Он давно уже обо всем передумал, давно ни о чем не жалел, и все же было ему беспокойно.

Рядом с балконом росла старая сосна, кривая и скрипучая. С нее осыпались жесткие и длинные, как вязальные спицы, иглы. Иногда с сосны на перила балкона соскакивала худенькая, с ошипанным хвостом белка, она доверчиво подбегала к Зрачкову и брала из его рук орехи, прикасаясь к ладони прохладными лапками. За орехами он специально ездил на рынок.

Зрачков глядел на крохотное создание, и в его обугленной душе загорался и тлел уголек.

Гудел лес, гудела в отдалении электричка, и временами Зрачкову, давно не ведавшему страха, было страшно. Он впервые за долгие годы думал о будущем: у него было чувство, что он только вчера вышел на свободу. Но в тот далекий день он испытывал злость, обиду на людей, а сейчас он никого не винил, только себя. Это было новое чувство.

Тогда, на берегу залива, Ляка тихо сказала:

— Я знаю, что ты уезжаешь. Знаю — насовсем. И все равно, все равно — спасибо тебе. — Она подняла на него глаза. Они были темные и глубокие. — Об одном прошу, позволь проводить. Я буду стоять в стороне. Пожалуйста...

— Да-да, конечно, — пробормотал он, назвал номер поезда, вагон, но в суете совершенно забыл о ней. И только когда вагон дернулся, хрустнул суставами, он вспомнил, глянул в окно и увидел Ляку. Перрон покачнулся, поплыл вправо, а она так и осталась стоять, зажав рот белыми пальцами.

На этом, пожалуй, можно и закончить эту обычную житейскую историю, каких тысячи. А что же Зрачков? Жизнь его не удалась. Сначала все шло хорошо. Он удачно женился на дочери командира бригады противолодочных кораблей, куда его направили после училища. Служба у него пошла быстро, можно сказать, стремительно, точно по программе: два года — командир боевой части, еще год — помощник командира корабля, командирские классы. Что и говорить, он был лихим моряком, тесть, ставший к тому времени контр-адмиралом, лишь слегка подправлял его службу. В двадцать девять лет Зрачков принял командование сторожевым кораблем нового проекта. На его швартовки прибегали смотреть молодые лейтенанты. Одно касание, и корабль замирал у пирса. Но теперь-то он понимал, что его лихость шла от бездумья, точнее, думать-то он думал, но только о себе. Все было

подчинено одной задаче: вырваться вперед. Люди его не интересовали, с командой был груб, но не замечал этого — на бригаде поддерживался культ жесткой требовательности — и удивлялся, позже узнав, что офицеры и матросы не любят его. Ну и что? Он не баба, он командир. Служба есть служба. В конечном счете важен результат. А результаты были: приз главкома за стрельбы, слава лучшего противолодочника флота. Известный честолюбец однажды с горечью сказал: «От великого до смешного один шаг». Одним июльским днем жизнь Зрачкова развалилась на части, как от прямого попадания ракеты. В мутной воде еще некоторое время кружились обломки, но вот и они затерялись среди серых барашков, пошли на дно...

Самонадеянность и лихачество подвели его. Во время учений Зрачков опасно маневрировал, протаранил подводную лодку, были жертвы, суд, тюрьма. Жена навестила его только раз, когда закончилось следствие и разрешили свидания. Вскоре она уехала в Ленинград и подала на развод. Детей у них, к счастью, не было. Зрачков дважды пытался покончить с собой — отхаживали. Его побаивались даже матерые уголовники. Он был очень силен и в ярости беспощаден. В одной из драк он так изувечил местного авторитета, бугра, что ему добавили два года и направили в колонию строгого режима.

На свободу Зрачков вышел в возрасте тридцати семи лет, облысел, заматерел, отрастил бороду, узнать его теперь было трудно. Родители его к тому времени умерли, в прописке в Москве ему, бывшему зеку, отказали, предложили поехать в поселок в ста двадцати километрах от столицы, уже в Тверской области. Он поехал, устроился подсобным рабочим на механический завод, потом слесарем, а два года спустя, подучившись у местных мастеров, сам стал уникальным мастером, без кого не может обойтись ни одно серьезное предприятие.

Жил бобылем. Его уважали, но не любили и побаивались. Многие в поселке знали о лагерном прошлом Зрачкова, но никто не знал, что когда-то давным-давно он был военным моряком и даже командовал кораблем.

Нынешней весной в профкоме оказалась горящая путевка в Зеленогорский дом отдыха с заездом в начале мая, ехать никто не захотел, и все очень удивились, когда путевку попросил Зрачков. Вид у него при этом был растерянный...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

А ПОБЕДУ МЫ ДОБУДЕМ

Компания тем летом собралась хотя и случайная, но сплоченная: Владимир Дугин, мой приятель, художник, человек весьма серьезный в деле, но в обыденной обстановке легкий и веселый; я — человек не злой от природы и к тому же любитель не чопорного общения; Ирина и Наташа, добродушные медсестры из Калуги.

Володя и я поселились в старом бревенчатом доме на берегу Оки — даче моего двоюродного брата Валентина, подруги жили по соседству в кирпичном особнячке, который был сооружен недавно мужем Натальи, кажется, главврачом больницы.

Сосуществовали мы нешумно, неспешно и вполне пристойно. Женщины — полненькая золотозубая Наталья, ласково прозванная Володей белокурой бестией, и Ирина, коротко стриженная худенькая шатенка, — по известному русскому добросердечию взяли нас под свое крыло, в смысле приготовления пищи. Продуктов у нас в доме было вдо-

ПРОЗА

воль, но корпеть над приготовлением борща, окрошки и прочей серьезной еды — удел редких мужчин. К их числу ни Володи, ни я, увы, не принадлежали.

Деньков через пять-шесть после нашего житья в Анненках и начала соседской дружбы в нашу компанию неожиданно, но совершенно естественно влился пятый.

Как-то солнечным утром, когда Володя и я, робкий его ученик, переносили акварелью на свои листы реку, подернутую туманцем, заречные холмы и прочие местные красоты, у садовой калитки появился он, наш будущий пятый. Мужчина неопределенного возраста перегнулся через калитку, ловко открыл запор и уверенным шагом направился к нам. Отложив в сторону мокрые кисточки, мы с удивлением рассматривали неожиданного гостя. Высок. Худошав. Короткие седые волосы чуть взлохмачены. Одет в черный или темно-синий линялый костюм. Брюки заправлены в запыленные кирзовые сапоги. Лет семидесяти. Чуть выцветшие голубые с зеленой глаза. Ввалившиеся небритые щеки. Загорелое лицо, загорелые руки.

— Вы чьи будете? — Ни «здравствуйте», ни хотя бы приветственного кивка или жеста. А сразу вот так, по-хозяйски: — Вы чьи будете?

Я встал.

— Это — Дугин Владимир. Художник. А я — Иван Звонцов. Тоже немножко рисую. Я — брат двоюродный Валентина.

— Иван?.. А я — Иван Алексеевич. Значит, мы тезки... Валентина я знаю. А живу вон там, — старик махнул рукой в сторону Заполя, деревеньки, окруженной пышными ракетами. — Живу со своей старухой и сыном. Тоже, как его, художника, Володькой зовут. А что рисуете?..

Глянул на наши листы. Сначала — на дугинский, потом — на мой. На утреннюю реку с туманцем, на зеленые холмы.

— Нравятся, значит, наши места?

— Нравятся, — встал Дугин. — Очень, Иван Алексеевич, нравятся.

Старик улыбнулся мягко, по-детски, беззубым ртом.

— Значит, вы — наши. Русские.

Иван Алексеевич еще раз бегло сверил дугинскую акварель с натурой и сказал: — Ну, я пойду.

И, так же ловко закрыв калитку, уверенно зашагал через неширокое поле в сторону леса.

Вновь появился он в саду к началу обеденного застолья. Будто поглядывал в нашу сторону из леса через окуляры бинокля. Поставил черный полиэтиленовый пакет на траву и пояснил:

— Грибы.

Все встали и, любопытствуя, заглянули по очереди в пакет. Десятка два крепконогих подосиновиков ало посвечивали своими шляпками.

— Вот это да!

Вчера мы были в лесу, и добыча наша оказалась невелика: две чернушки да несколько сыроежек.

Оценив наше неподдельное удивление, Иван Алексеевич пояснил:

— Места знаю. Сколько годов тут живу...

Женщины пригласили его к столу. Назвали по имени-отчеству. Видимо, хорошо знали. Тарелка борща и стопка холодной водки привели Ивана Алексеевича в состояние блаженства. Это было видно по его лицу, глазам — они заголубели ярко, по-молодому. Он положил пачку «Примы» на стол и неторопливо закурил. Я предложил ему «Мальборо», старик вяло отмахнулся.

— Курил я трофейные немецкие. Такие же... Не забирают...

Когда гость дожевал неторопливо куриную котлету, Ирина спросила, понравился ли ему обед.

Иван Алексеевич вытер мятым платочком губы и ответил коротко:

— Очень отлично!

Это «очень отлично» мы с Володей потом частенько будем вспоминать в Москве.

Вот так в нашей компании появился пятый участник.

Когда бывал по утрам, то сразу и запросто спрашивал:

— Что у вас на завтрак?

— Овсяная каша.

— Очень отлично!

— Клубника со сметаной.

— Очень отлично!

И никогда не приходил с пустыми руками. Бутылка водки или самогона. Сумка огурцов. А пакет грибов — ясное дело, из леса. Нас с собой на грибную охоту не брал. «Все ноги со мной стопчете. Я-то привычный». Раз-другой приглашали с собой на купание в Оке. Махал рукой, куда, мол, мне с вами, женщин перепугаю своей худобой: кожа да кости.

Как-то пришел смущенный чем-то и опечаленный.

— Что-то случилось?

— Вчера пенсию получил, а сын отнял. Мне, говорит, деньги нужнее. А потом напился пьяный и на мать с кулаками полез. И отдубасил меня. Откормил бугая на свою шею. Был бы щуплее, может, не так бы... Да и годы... Иди, говорит, сено для коровы косить! И чтоб стог, говорит, был — во! Ты сам без дела болтаешься, отвечаю, молодой ты, не то, что я, старик. Он опять кулаки в ход. Вот домой и нет пути.

Видимо, заметив мой взгляд, смахнул ладонью сухие травинки с седой головы.

— Ночевал под террасой... Там вон бывший начальник милиции дом строит. Спросил у него, он разрешил. Натаскал я туда сенца, укрылся пинжаком — милое дело! Сухо, тепло. Опять же — воздух чистый. А то, случилось, прошлым летом в лесу спал.

— А не страшно, Иван Алексеевич? — спросил Володя. — Зверье всякое бродит...

— Не. Я перед сном прочитаю молитву мамину и сплю как у Христа за пазухой. Вижу, там вон лось прошел, там — кабан. А мене оне не трогают.

— Какая же это молитва?

— А слушайте: «Спать ложусь, крестом крещусь, молитвой одеваюсь. Крест над нами, крест перед нами, вся сила Божественная с нами. Ангелы в окошке, Иисус Христос — в дверях — держит распятие в руках»... Прочитаю ее — и вся недолга. Я думаю, и на фронте спасала она меня. Живой вернусь.

О фронте рассказывал обычно по вечерам, когда мы после ужина усаживались на длинных и широких ступенях деревянного крыльца нашего дома. Сидим-посиживаем под живым навесом старой черемухи, глядим на Оку, на закат, на заречное село Свечурино, а Иван Алексеевич неспешно толкует нам о военном житье-бытье...

Потом предлагает:

— А хотите, я вам спою военную песню?

— Мы подпоем!

Старик гасит о камушек сигарету.

— Не получится.

— Почему? — удивляются женщины.

— А песня эта — наша, ротная. Сами ребята придумали. А из роты в живых остались я да еще один, в Сибири живет. Ну, слушайте... «Эх, окопное наше житьишко...»

Голос у Ивана Алексеевича слабый, с хрипотцой, но приятный. Наверняка в молодые годы хорошо пел. Умел петь.

Иван Алексеевич поет, а мы глядим в закатную сторонку, туда, куда ушли миллионы и миллионы...

Наталья идет к себе домой — я сейчас! — и вот уже несет поднос, уставленный бокалами с красным вином. Угощение певцу и нам всем заодно.

— За тебя, дядя Ваня, и за Победу! — говорит Ирина.

— ...и за Победу! — подхватывают остальные. Душевно и тепло нам на крыльчке под старой черемухой.

А полгода назад Володе позвонила одна из наших милых

соседок — то ли Ирина, то ли Наталя — не помню, и среди прочих местных известий сообщила печальное: умер Иван Алексеевич. Эх, тезка, тезка... Не сидеть нам более полным составом в ночном саду под густыми кронами яблонь со свечой на столе, не вечерничать на теплом деревянном крыльце... Эх, тезка!

Стали с Володей вспоминать его военную песню, но у меня осталась в памяти только первая ее строка: *«Эх, окопное наше житьишко...»* А Володя усвоил лишь коротенький припев: *«Есть не будем, пить не будем, а победу мы добудем!»*

ВЕЩУНЯ

Седая косичка, схваченная зеленой девчоночьей резинкой, темная потертая куртка на невысокой фигурке, тяжелые мужские ботинки на ногах — всё это, немного, говорило о неуютности ее быта и одиночестве, пускай и в большом, густо населенном людьми городе...

В такие апрельские дни, когда в мире заметно прибавляется света, когда день как-то сам собой становится долог и очень хочется жить, когда деревья и кусты во дворах и скверах усыпаны щебетом почти незаметных глазу птиц, когда неодолимо тянет бродить по окрестности и смотреть вверх, вокруг, под ноги, с тихой радостью замечая явные признаки новой поры — игриво вылепленное воздушным потоком облачко.

Вот она, весна: первые травинки жесткие профили домов смягченные щедрым солнцем, женщины, легко расставшиеся с зимней одеждой, теплый затишок у станции метро, где примостились на распластанных картонных коробках небритые низкорослые люди без своего угла. Они щурятся, неловко улыбаются. Перезимовали...

Она остановилась у круглого серого куста боярышника на краю просторной лужайки, утыканной редкими зелеными иголками травы, и плавно повела рукой в воздухе, будто бы давая знак невидимому оркестру. Но музыканты не откликнулись и она начала свою речь.

— Что, что случилось? Почему не явились сюда светлые головы? Почему, когда тяжело... Оправдания не принимаю!.. Нечисть корчит рожи, хохочет, пляшет, полунагая, разжигает похоть, кричит: «Дай-дай-дай!» Посмотрите телевизор!.. Почему никто не учит добру и скромности? Оправдания не принимаю!.. Почему не лелеют отцов и матерей... бабушек и дедушек... детей? Ваши возражения смешны!..

Редкие прохожие. Привычный шум проспекта за станцией метро.

Просторное голубое небо.

— И неправда! А чтобы «дай-дай» вам дали. Нужно пойти и умереть другим. Вы боитесь вида своей крови. Вы не хотите брать в руки оружие! Вы хотите, чтобы другие добывали вам «дай-дай»! Вы хотите погубить леса и реки, изрыть мать-землю! Вам мало куска хлеба, вам много всякого «дай-дай». Игрушек всяких дай-дай! Такой жор, такой жор! Вы сожжете будущее! Все остряки, все остряки!.. А за остротами — мелкие, жалкие, жадные жабыныши. Да-да! Жабыныши! Светские львы! Светские львицы! Живых львов, живое губите, а хотите сами быть львами... Ваши возражения смешны! Вы боитесь жить как люди и умирать как люди! Где светлые головы? Где лица?.. Рожи, нечисть!..

Мощённая серой брусчаткой дорожка, помалу закругляясь, вела меня обратно, к входу-выходу, прогулка заканчивалась.

«Странно, — думал я, — неужели звонко тинькающие синицы и прочие посвистывающие птахи напрочь забывают карканье ворон? Вроде маячат там и сям на деревьях, а не слышно их. Или заморозило их пустынное и веселое щебетанье?»

На проспекте вправо-влево лихо летели машины, сновали люди, сияло солнце, бурлил пропахший выхлопами ветерок... Апрель господствовал!

«Странно, — думал я, уходя в глубь знакомых дворов, — очень странно устроен человек. Возьмем, к примеру, такой аспект, как обращение «вы». Помню, как-то на пешеходном переходе девушка обозвала идущих ей навстречу мужчин козлами, в том числе и меня. Крикнула зло: «Все вы — козлы!..» Может быть, кто-то задел ее плечо, а может, просто — по настроению. И теперь вот нет-нет, то утром ясным, то перед сном да зазвенит из ниоткуда: «Все вы...» Мог бы мысленно отмахнуться: не мне это адресовано, при чем тут я, да никак не удастся. Или вот сегодняшняя вещунья... К кому она обращалась, стоя у пустынной поляны? К серому колючему кусту? К дальним случайным прохожим? Ко всему миру?.. Но ее горячечную речь слышал, похоже, только я. Теперь наверняка приму ее обращение «вы» на себя, и, следовательно, все обвинения, все догадки о сути моего современника и прочее, приму... Понимаю: возможно, весна, апрель, обострение болезни... И все же... Хорошо еще, что не обернулся, проходя мимо нее, не увидел ее лица, ее взгляда, а только — седую прядь...»

— Зачем же... — слабым голосом спросил он. — Зачем ты приехал? Работа же... Семья... И отпуск, наверное, не скоро?..

— А как я мог не приехать, отец? Ты же приболел, голова — дело серьезное...

Отец тихонько вздохнул:

— Да, если умная голова. Да, если на крепких плечах...

«Поправится, — понял Александр, — коль сумел пошутить».

Отец лежал на диване, бледные исхудалые руки покоились поверх одеяла. В его серых потускневших глазах не было привычного веселого огонька, а только мерцала, пожалуй, тихая тоска да еще, пожалуй, некая безнадежность.

Побелевшие губы отца слабо шевельнулись:

— Иди, сынок, на кухню, пускай сестренка покормит, ты же с поезда... А где Алеша и Нина? Ты говоришь, что они тоже приехали...

— У твоего врача они, пошли разузнать, что да как...

Отец шевельнул рукой, мол, иди, иди...

Рита поставила перед братом тарелку с горячим омлетом и села напротив.

— Потерялся, дорогой мой братик, наш папа в этом мире...

— В смысле?..

— Да вот говорю ему сегодня, говорю, что дети твои все приехали тебя проведать. А он: какие дети? Это же взрослые дяди да тетя... У них уже свои дети. Дети, говорит, дома живут, папу-маму слушаются, кашку едят. А это хоть и родные, но дяди и тети. Потерялся папа, потерялся...

— А как всё случилось?

— А Юлечка вошла в квартиру... Я ее каждый день посылаю проведать дедушку.. Вошла, а он лежит в прихожей без сознания.

— Врач что-то сказал?

— Пятьдесят на пятьдесят, говорит. Сосуды уже хрупкие...
Годы...

Отец умер через шесть лет после первого инсульта. Шесть лет жил так, как живут в преклонные годы: готовил себе завтрак и ужин (обед приносили дочь или взрослая внучка Юлечка), слушал радио, гулял в своем и соседних дворах тихого городка, где его привечали мирной беседой добрые знакомцы, сидел на скамейке у подъезда, любуясь стоящей против дома липовой рощицей.

Всякий раз Александр, когда удавалось на два-три дня приехать к отцу и подышать с ним одним воздухом, вместе вспом-

нить маму, погулять с ним по его привычным местам, всякий раз сестра вздыхала:

— Не тот наш папа, уже не тот... Вот, говорю, скоро придут твои дети, братья мои и сестры... А он свое: какие дети? Дети живут с родителями...

Когда вернулись с кладбища в пустую отцовскую квартиру, Рита вдруг зарыдала. Она, упав лицом на стол, била и била по нему загорелым кулачком и глухо кричала:

— Какой же папочка наш благородный!.. Видно, благородство въелось в каждую клеточку его тела! Человек ведь простой!.. Лежал, глаз не открывал!.. А муж мой, Коля, бреет его, бессознательного, а папа шепчет: «Спасибо...» Что же это такое, Саша!..

ТАЛАЯ ВОДА

Обогнув край сырого апрельского поля, он спустился по косо́й тропинке в низинку просторного лога и остановился. Да, судя по названным отцом приметам, отсюда и начинал отец свой привольный путь — «путь детских открытий», как он однажды выразился.

Полая вода натащила из верховья языки песка и глины. И хотя можно было податься в сторонку и пройти краешком косо́гора, он все же продолжал двигаться по рыжему киселю, наверное, потому, что отец вряд ли упустил бы такую редкую возможность... Там и сям на склонах лога белел в ложбинках снег; высоко над головой звенели невидимые жаворонки — вестники раздольной весны...

Так он шел и шел, бросая взгляды по сторонам, пока не увидел, что лог раздвоился: один рукав предлагал пологий подъем к горизонту, другой же переходил помалу в ветвящийся глубокий овраг. Саша почти не колебался: отец выбрал бы второй путь — во влажные теснины, дышащие маревом.

Отец давным-давно, в семидесятые еще годы, окончил летное техническое училище, и потом все годы долгой службы в авиации (в Забайкалье, Средней Азии, Германии и Эстонии) занимался обслуживанием военных самолетов или, как он частенько выражался, «здоровьем летающих машин». «Ум мой — инженерный, дотошный, — говорил он, посмеиваясь, жене и сыну, — а душа — легкая, весенняя! Вот так и живу в двух мирах одновременно и при таких разностях в себе не мучаюсь, однако... Слеплен, видимо, так».

Отец любил и хорошо знал родной угол — не только окрестности Каменки, но и те, что поодаль. Карта черноземной

области всегда висела в их жилье — будь их семья на Востоке, на Юге или Западе. Отец мог почти наугад ткнуть пальцем в карту и что-то рассказать занимательное о том или ином городке, о реке или речке...

У отца была малая родина, место, к которому приросла его душа с первых дней жизни на земле. А у него, у Саши?.. Родился в одном пространстве, в школу пошел в другом, а оканчивал ее в третьем... Учебу же в институте одолевал уже в четвертом, на Урале.

Какой же магнит притягивал отца к его деревне Каменке? Каждый год весной, летом или осенью он приезжал сюда на неделю, чтобы обнять оставшихся в живых немногих родных людей. С этого отец начинал отпуск.

— Ну и как?.. — спрашивала Сашина мама. — Набегался по своим холмам да перелескам?

— Набегался! — смеялся отец. — Зарядил батарейку на целый год!

Саша миновал остробокий земляной утес, будто нарочно раскрашенный в продольную полосу (верхняя — чернозем, ниже — серый подзол, еще ниже — коричневая глина, а еще, еще ниже — желтая с крупным песком, ну а подножие — светлые пузыри известняка), и повернул налево, туда, куда его вел сужающийся овраг. За поворотом он едва не наткнулся на заостренное матовое бревнышко. Ха! Да это он и есть, «бивень мамонта», о котором ему рассказывал отец. Саша тут же ухватился за конец «бивня» и попробовал его немного раскачать... Да куда там! Многометровая земляная толща намертво держала ей принадлежащее. Обрыв — срез истории этой земли, тут не то что века слежались — тысячелетия...

Да, похоже, не одни только радости и восторги наполняли ребяческую душу его будущего отца, он уже тогда, надо думать, начал постигать время, услышал его неумолимый ход и не зря, видимо, приезжал сюда, ходил-бродил и наверняка стоял у этой многослойной, неказистой на вид, нерукотворной стены... Касался рукой матового «бивня»... Смотрел в небо... А потом брел дальше, срывая с зацепившегося на уступчике земляничного кустика спелую ягоду и клал ее в рот...

...Овраг стал попросторнее, и синева над головой открылась пошире. Под ногами прибавилось луж — больших и маленьких. Овраг кончался невысоким обрывом, а за ним тянулся длинный ложок, уходящий, как говорил отец, к невидимому отсюда возвышенному полю, прозванному в Каменке Стрелецким. Сваленная горкой дернина — след буйства весенних вод, мчавшихся недавно в овраг, — послужила

бы сейчас Саше мягкими ступенями, ведущими вверх, но он остановился, вслушиваясь в тихое журчание воды...

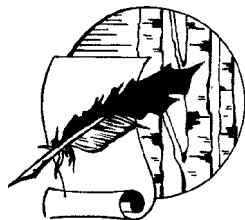
Из боковой ложбинки, набитой крупитчатым снегом, бежала, серебрясь на свету, талая вода. Ее широкий и мелкий ток скользил по выцветшей прошлогодней траве и, сузившись у обрыва, стекал журчащими струйками по двум косицам безвольных стебельков вниз. Струйки пузырили крохотное озерцо у ног, позванивали, посверкивали...

Саша вспомнил, как отец с удовольствием рассказывал ему, мальчишке еще, что он с ребятами пил из таких вот ручейков талую воду. Нет, поправил себя Саша, отец говорил по-другому: сладкую водицу!

Саша встал над озерцом и наклонился к стройной струйке... Пахнувшая снегом и прошлогодней травой талая вода была и на самом деле сладкой. Он вытер мокрой ладонью лицо. И замер. Ему показалось, что в шаге от него стоял отец, и он тоже ловил ртом искрящуюся струйку и блаженно щурился. Отец когда-то говорил, что, когда он, Сашка, вырастет, они обязательно станут друзьями, и что у них со временем будет что-то объединяющее, как у всех настоящих друзей, может быть, хорошая светлая тайна...

Как ни старался отец, талая вода обрызгала ему щеку и две-три капли упали с подбородка в озерцо... Как будто слезы упали, подумал Саша. Но какие могут быть слезы в такой сияющий день?.. Ведь они стоят сейчас вместе под просторным небом, слушают журчание весенней воды и высокие звонны невидимых жаворонков.

Это же счастье. Так ведь?

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Сергей ПАНФЕРОВ, г. Рязань

УЙДУ В ЛУГА

* * *

В цветах алтайское предгорье —
Рассыпал яхонты июнь.
На барнаульское подворье
Спешит кудесница Катунь.

В плену темнеющих утесов,
Что молча клонятся к волне,
Река, спокойная на плесах,
Кипит в пороговом котле.

И одинокий ветхий ялик,
Потоком взбалмошным гоним,
Мечтает к берегу причалить
Плечом натруженным своим.

Камней промокших волчьи зубы
Ждут новой жертвы для богов.
Стучит волна в шаманский бубен —
Шершавый бубен берегов.

Но ловок лодочник бывалый,
Знаком ему стихий оскал.
И скулы стали, словно скалы,
Характер — даже круче скал.

В тумане черный чёлн растаял,
Как заблудившийся патруль.
До встречи, гордый сын Алтая,
И ты, строптивая Катунь!

КАРФАГЕН

Мир качает — влево, вправо —
Время жаждет перемен.
Где твоя бывшая слава,
Величавый Карфаген?

Скромно дремлешь, и отныне
Шум отверг, забвенью рад.
Тонут в омуте пустыни
Камни древних анфилад.

В прах стираешь вражьи лица...
Не тревожат твой покой
Гордых римлян колесницы,
Легионов грозный строй.

На судьбу свою не ропщешь,
Чашу полную испив.
Дряхлым старцем в тихой роще
Ловишь запахи олив.

Спишь под именем Туниса
В норах глиняных холмов.
Только толпы интуристов
Нарушают тайны снов.

Знай же, павшая держава,
Не одна ты пала в тлен...
Мир то влево мчит, то вправо,
Ищет громких перемен.

* * *

— А есть ли выбор на Руси?
Века иные — беды те же. —
Меня попутчик мой спросил,
Смоля окурок свой всё реже.

Он посмотрел куда-то вдаль,
Совсем не требуя ответа.

И на глазах его печаль
Застыла отблесками света.

Туманилась земная ширь,
И звезды на небе светились.
Ночной бордель и монастырь
Под этим небом уместились.

К ним — две дороги. Эта весть
Отозвалась в нас зябкой дрожью.
Так значит, все-таки он есть...
И мы пошли по бездорожью.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Часы слагаются минутами,
Столетия — зорями осенними,
И времена бывают смутные,
Сквозь сито времени просеяны.

И с высоты веков изъезженных,
Опять оглядываясь в прошлое,
Я вижу, что в России те же мы —
Есть и плохое и хорошее.

Я вижу слезы Одигитрии,
Когда российский трон заманчивой
Ее Борисы и Лжедмитрии,
Пытались в такт себе раскачивать.

Их много за века вылезало
Из всех щелей к кормушке царственной,
И воры тушинские разные
Пытались на куски растаскивать...

И по какому-то проклятию
Все смуты вырастали к осени.
Все споры между высшей братией,
Как сор меж спелыми колосьями.

В непрочный ствол России — клиньями
Со всех сторон врезались яростно...
Но шли Пожарские и Минины,
И били нехристей безжалостно.

* * *

Тропа трудна, когда шагаешь в гору,
А в сумерках идти еще страшней.
Обрывы, камни, ветры, ливни... Впору
Сойти с дороги и забыть о ней.

Но если взялся выводить незрячих,
То что твои усталости и страх?
Тебе желанный свет в дали маячит,
Им — луч надежды, что в твоих руках.

* * *

Мне не прожить века
И не спастись от тленья,
Но есть один рецепт —
Пройти сквозь толщу дней:
Я перекинул мост
К грядущим поколениям
Через своих детей,
Через своих детей.

Столетия пройдут —
Сотрут следы на тропах,
Которыми ходил.
И высохнет слеза.
И сменятся цари
На обветшалых тронах,
Но будут у детей
Гореть мои глаза...

* * *

На ветхий бок завалена,
Вкруг — вётлы, как опричники,
С неловкою подпалиной
Щербатые наличники...

Забьли бревна древние
Тепло руки хозяина.
Плетня сухими гребнями
Причесана проталина.

В краях, где ивы клонятся,
Мы — редкие паломники,
А где-то за околицей
Ушедших предков холмики.

* * *

Уйду в луга, в объятья разнотравья,
В притихший мир давно забытых грёз.
Здесь мой покой, мое самодержавье,
Пока никто не вышел на покос.

Спиной — к земле, а взглядом — к небу, к небу,
В нем — облаками души бывших здесь.
Рассказ про Рай — не знаю — былъ иль небыль,
Но греет сердце мне Благая Весть.

Надеюсь — легкой, белоснежной дымкой
И мой удел взлететь под небеса,
И вот такой же светлою картинкой
Кому-то сверху радовать глаза.

И подавать извечные надежды,
И отгонять нелепую тоску..
Сомкнулся неба океан безбрежный
И незабудка тянется к виску.

* * *

Ты пряди, резная прялка,
Из руна тугую нить,
Чтобы было людям жалко
Эту нить перерубить.

Чтоб вилась она до срока,
И была не коротка,
Чтобы радостью высокой
Жизни наполнилась река.

Чтоб была не бесполезной
В полотне моей страны,
Чтобы жала вражьих лезвий
Были в ней иступлены.

И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет,
 течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
 сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы в даль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжелый:
Все ближе звездные миры,
И неоглядней доли.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры, чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но здесь, в предоблачной тиши,
На гулком перевале

Вдруг ощущается легко:
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь — вечна...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Когда ты привычно бредешь от Невы
По линии Первой, взирая на крыши,
То видится — Ангел с церковной главы
Летит над Васильевским выше и выше.

Взмывает в блистанный надневский простор...
Но вдруг исчезает за башенкой старой —
Быть может, в кромешный спускается двор,
«Во образе тайном» идет по бульвару.

И если когда-нибудь встретишься с ним
На жизненной линии, сродной с окрестной, —
Поверишь, что город всечасно храним
Грядущим сквозь век Петербуржцем небесным.

* * *

Вот снова чьи-то дети вдалеке
Так по-библейски плещутся в реке,
И гольшом, на свежем ветерке,
Простосердечно бродят по мыску.
А время, уподобившись песку,
Заносит их следы на бережку.
И человек, похожий на Луку,
Им что-то пишет тростью на песке.

* * *

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только, вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Он стоит
 один
 среди
Шумных древ,
 как в поле бранном,
И краснеет
 свежей раной
Лист кленовый
 на груди.

В НОЧЬ НА ИЛЮ

Звездная высь утонула в дожде...
Но все гляжу за околицу, где
Мрак осеняют смятенный
Молнии — мысли Вселенной.

Долго гляжу — и как будто бы к ним
Вдруг подключаюсь сознанием своим:
Высь полыхнет — и сверкает уже
Огонь их в моей многогрешной душе.

И поражаюсь, всем телом дрожа:
Дальний тот мрак — не моя ли душа?

Александр БЫВШЕВ, г. Орёл

СРЕДЬ РОСНЫХ ТРАВ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

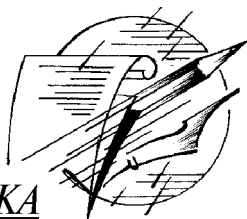
Поманила дорога-змея
Парня сельского в сказку-столицу.
Променил он родные края
На неоновую небылицу.

* * *

Солнце плавало в купели,
Тек ручей, капли пели,
Птиц заливи́стая трель,
Как волшебная свирель,
На округу всю звенела.
Кошка бок о солнце грела,
Дети бегали гурьбой,
Шла старушка за водой.
Древний дед глядел куда-то
Грустно и подслеповато.
Даль. Небес голубизна...
Сорок первый год. Весна.

ЕВГЕНИКА И МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

В 1912 году Лондон собрал на заседание элитарного клуба 500 членов Евгенического общества. Это был Первый интернациональный евгенический конгресс под председательством сына Чарлза Дарвина. На Конгрессе были приняты некоторые евгенические доктрины, в частности, было указано, что социалисты, провозглашающие идеи равенства, будут иметь жизненный успех, но сам социализм, по сути, противен законам природы, потому что «соперничество есть борьба за существование, благодаря которой только и происходит рост наций». Видные деятели с мировыми именами публично осмеяли гуманизм идеалистический и призвали мировое сообщество к гуманизму практическому. Современная массовая форма войны, по их мнению, приводит к тому, что в ней погибает наиболее активная и в евгеническом понимании наиболее ценная верхушка социума, что недопустимо, и поэтому пропаганда милитаризма была заклеена как вредная дисгеническая идеология. Но родилась доктрина войны без военных действий, как заметил вице-президент Евгенического конгресса, первый лорд

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Адмиралтейства Уинстон Черчилль: «Будущие империи будут империями сознания». Так оформилось как доктрина то, чем безусловно пользовались и ранее. При этом участники Евгенического Интернационала определили две отличительные черты такой войны: она должна будет стать антисоциалистической и вестись невоенными действиями. И через двадцать лет появилось «Британское бюро психологической войны». Еще через четверть века в небольшом американском городке Фултон всё тот же Уинстон Черчилль после консультаций с американскими коллегами произнес свою программную речь, послужившую спусковым механизмом антагонизма с бывшим союзником — СССР. А еще через год, во время дебатов в Конгрессе, устами советника президента США Бернарда Баруха этот антагонизм обрёл термин «холодная война».

«*Tabula Rasa*»

Современные историки обратили внимание на принципиальное различие в восприятии так называемой «холодной войны»: в СССР она воспринималась как соревнование, а в США речь шла не о соревновании, а о войне на действительное уничтожение, что отчасти подтверждается учреждением Конгрессом США воинской награды за участие в холодной войне. Примечательной деталью элемента этой войны стал 402-й закон, принятый Конгрессом США в 1948 году, обязывавший граждан США «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других народов». Шаг этот предшествовал даже созданию Северо-Атлантического Альянса и был сделан задолго до инструкций отечественным туристам быть способными разъяснить иностранцам внутреннюю и особенно внешнюю политику СССР.

Но если гражданам США в такой войне отводилась роль рядовых, то Тавистокский институт человеческих отношений, «Франкфуртская школа» Теодора Адорно и подобные организации играли роль штабов, разрабатывая свои «крупномасштабные наступления» и свои «диверсионные операции», выполненные мозговыми «штурмовиками» и мозговыми «истребителями». Будучи антисоциалистическим по своей натуре, характер «холодной войны» всегда носил классовый характер, так как советское государство воспринималось не как территория, а, в первую очередь, как другая социальная система, противоречащая социал-дарвинизму, необходимому для «роста наций». Под их контролем происходило преобразование протестных настроений поколения 60-х в безобидное движение «детей цветов» с побегом из «прогнив-

шего мира» в «мир грез» и сексуальной вседозволенности. Тавистокский институт человеческих отношений и Стэнфордский исследовательский центр создали искусственную субкультуру, которая вытеснила естественное культурное ядро: «битники» имели свой стиль в одежде, идеологию, музыку, им сочинили оригинальный молодёжный сленг. Как бы это ни казалось невероятным, но корни истории сконструированных языков, как элемента контроля над определённой социальной группой также лежат в Тавистокке, где в начале Второй мировой войны появился секретный лингвистический проект упрощенной версии английского языка («бейсик»), имеющего 850 базовых слов и упрощенную схему построения предложений.

6 сентября 1943 г. Уинстон Черчилль призвал собравшихся в Гарвардском университете отвергнуть английский язык и перейти на «бейсик». «Выдающийся джентльмен» уверял аудиторию, что собравшиеся находятся на стрежне мощного культурного процесса, ведущего к изменению мира, к оздоравливающему эффекту посредством контроля над языком и соответственно над людьми без насилия и уничтожения. Тогда проект не был поддержан Рузвельтом и сохранился в виде молодёжного слэнга «битников», пример которых демонстрирует социальную ориентированность «холодной войны», для ведения которой нет ничего невозможного в выборе изошренных методов, не ограниченных никакими конвенциями, ибо осуществляются они без видимого насилия над личностью.

Основной отличительной характеристикой войны Евгенического Интернационала является то, что она носит антисоциалистический характер и основной целью имеет сохранение и обслуживание дарвинистской социальной системы. Именно поэтому идеологическое давление на наше население с падением СССР не прекратилось, но даже усилилось, а список новоязов, начатый «бейсиком», продолжился интернетным языком «падонков», усугубляющих деградацию сознания через деградацию речи.

В данном случае носители культурного ядра выступают именно в роли класса и социума, что показывают т.н. «болотные революции», на которых водораздел противостояния проходил не по линии владения средствами производства, а между различными группами, выступающими носителями идей об определённом социальном порядке, базирующемся на основе их мировоззрения и культуры.

Трактовка класса как социокультурного феномена не противоречит, а более точно отражает представления К.Маркса и Ф.Энгельса, у которых она изначально проистекала из определения «реакционных» и «революционных» народов, т.е.

носило этнический, а значит, и культурный характер. «Современный человек», по определению профессора социальной антропологии Кембриджского университета Э. Геллиера, «...является в первую очередь подданным своей культуры». Культуры эти могут иметь абсолютно разные представления о базовых понятиях. Если, к примеру, протестантская этика оправдывает имущественное неравенство как справедливое через богоизбранность разбогатевшего, то это одно из культурных различий, обусловленных серьезной интеллектуальной работой идеологов эпохи реформации, которая нашу страну миновала, не оставив должного отпечатка. Более того, представления о справедливости и равенстве точно выразил идеолог русского анархизма князь П. А. Кропоткин, у которого «без равенства нет справедливости, без справедливости нет нравственности», что идёт вразрез с социал-дарвинистской теорией «выдающихся джентльменов».

И здесь важно отметить, что государственная гегемония в понимании основателя итальянской коммунистической партии Антонио Грамши также опирается на «культурное ядро» общества, объединённое общими представлениями о порядке мироустройства, а рушиться она вместе с разрушением общности таких представлений. Уже в 30-е годы политические партии перешли от борьбы за идеологическую гегемонию по отдельным вопросам к борьбе за гегемонию в общественном сознании в целом. А основной ударной силой в смене власти становились не классовые организации, как у К. Маркса, а «исторические блоки» — временные союзы внутренних и внешних сил, объединённые конкретной краткосрочной целью. Кроме того, он обратил внимание на то, что «молодые постоянно пребывают в состоянии бунта, вызванного непрерывно действующими глубинными причинами», по сути, являя собой естественный авангард любого протестного выступления, ныне умело канализируемого в своих целях экспертами «холодных войн».

По данным Левада-Центра, основной возрастной состав митингующих в декабре 2011 года — это как раз юноши немногим за двадцать. Именно их представления о порядке мироустройства оказываются под прицелом, именно им объясняют, что они «взрослый креативный класс», способный взять на себя ответственность за судьбу страны. Западные социологи вывели и вторую постоянную группу социального протеста — это интеллигенция, «белые воротнички», которые осознали, что могут продвинуться (или уже это сделали) по карьерной лестнице с должности менеджера до должности старшего менеджера. Но на этом наступает их персональный «конец истории» и полное неудовлетворение вместе

с осознанием, что никакая «демократия» не сделает их участниками истории. Тут снова можно оглянуться на историю СССР, к могильщикам которого примкнула подросшая интеллигенция, несмотря на то, что уровень жизни их был выше и комфортнее предыдущего послевоенного поколения. Осознание того, что никакая «оттепель» не пустит их во власть, заставило искать пути разрушения «тоталитарного государства». Но у причин поражения СССР в «холодной войне» есть и другие, чисто мировоззренческие соображения.

Холодную войну СССР как государственная система проиграл задолго до 1989 года. Интересное наблюдение поведал один из участников строительства АвтоВАЗа в составе студенческих отрядов. У отдельных студентов особым шиком считалось подобрать брошенную итальянскими участниками стройки пустую сигаретную пачку, набить её отечественными сигаретами и гордо носить в кармане рубашки. Происходило это в конце 60-х; когда эти студенты повзрослели, то сбежали от государства как подростки от престарелого и «ничего не понимающего» родителя на свободу — слишком уж разными оказались их представления о порядке мироустройства. В тот период идеологические институты СССР предпочли укрыться за железным занавесом, уповая на его непроницаемость. Но насколько он был железным? С 1945 по 1985 год в СССР было издано 7000 произведений американских авторов. В эти же годы в США вышло 500 произведений русских и советских писателей, что составляет разницу в 14 раз, по фильмам такое соотношение будет составлять 20 раз. При этом «замороженность» советской идеологии оказалась неспособной реагировать на идеологические вызовы, выработать приемы ходьбы, не ступая в «болото». Элита советских коммунистов, воспитанная на постулатах превосходства просвещения и прогресса, постулатах, укрепленных в их сознании победой в Великой Отечественной, не могла предположить глубину манипуляции сознанием элитой капиталистического лагеря, равно овладевшей инструментами регресса и одурманивания.

В принципе управлять желаниями подконтрольного населения умели еще древнеегипетские жрецы, например, используя режим автосинхронизации. Это выражается в том, что если 5—10 % особей некоего сообщества начинают делать что-то одновременно, то в этот режим автоматически переводится все сообщество, что было с успехом продемонстрировано племянником З.Фрейда Эдвардом Бернейсом, бывшим служащим британского подразделения психологической войны и пропаганды в Веллингтон Хаус, откуда родом такое понятие, как «промывание мозгов». Э.Бернейс в течение года сло-

мал табу на курение среди женщин в США демонстрацией курящих женщин на параде в Нью-Йорке. Но более интересно обратить внимание на бывшего президента Американской, Канадской и Всемирной психиатрической ассоциации Эвена Камерона. В 1945 году он был одним из трех американских психиатров, которых пригласили освидетельствовать на предмет психического здоровья Рудольфа Гесса на Нюрнбергском процессе. Но свою последующую работу сам Эвен Камерон рассматривал как вклад в сражения на фронтах холодной войны. Он поддерживал контакт с ЦРУ, где его проекты последовательно носили кодовые названия Chatter, Project Bluebird, затем Project Artichoke, а с 1953 года MKUltra. Суть их состояла в том, чтобы нарушить работу мозга, с помощью электрошока и психотропных веществ возвращая психику к младенческому состоянию, когда она была, по словам Аристотеля, «дощечкой для письма, на которой еще ничего не написано», т.е. «*tabula rasa*», после чего человека в буквальном смысле обучали заново ходить и говорить, создавая его с заново заданными параметрами.

Вне сомнений, впоследствии результаты этих исследований были спроецированы с индивидуума на общество, в котором пошагово разрушаются его составляющие. Демонтаж государства и семьи с использованием технологий манипуляции сознанием был начат франкфуртской школой психоанализа Теодора Адорно на почве развенчания третьего рейха и предания гласности его преступлений. В рамках программы денацификации «неофрейдисты» построили конструкцию, в которой объяснение возникновения фашизма проистекало из наличия авторитета отца в семье, подавляющего свободы своего ребёнка. Согласно этой схеме подросший юноша выплескивал подавленность и ненависть на «малые народы». Аналогичная схема рассуждений проецировалась на образ сильного государства как источник фашизма. Практику очернения семьи продолжила «основательница Лиги по контролю за рождаемостью» Маргарет Зангер, считавшая брак «дегенеративным институтом». Её идейный вдохновитель Элиас Хевлок, также идейно вдохновлявший сексуальную революцию, в своё время занимал почетное место в кресле заседателя на Интернациональном евгеническом конгрессе.

Еще один удар по семье был нанесён, когда в 70—80-х годах была реанимирована фрейдистская теория сексуального влечения детей и родителей к друг другу. В телевизионных шоу появлялись новые и новые «жертвы», которые после курса лечения «вспоминали», что подвергались соvrращению со стороны родителей, из чего вытекала острая необходимость

защитить детей от их отцов, усилив контроль государства, потому что «семья — место насилия». Именно под таким лозунгом не так давно в России началось введение ювенальных практик. В этом свете откровенно медийная фигура Павла Астахова в качестве борца с педофильским лобби выглядит скорее как элемент многоходовой конструкции по дальнейшему разрушению семьи, тем более что внедряемые им практики являются калькой иностранных ювенальных служб, курируемых всевозможными парамасонскими структурами. Основоположник науки о поведении животных Конрад Лоренц в своё время отмечал: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов». В этой фразе австрийский учёный точно подметил главную причину уничтожения института семьи как средства сохранения и передачи культурного ядра следующему поколению. При этом родители зачастую просто не в состоянии самостоятельно противостоять профессионалам «холодных войн», не обладая ни достаточными знаниями, ни ресурсами.

В противовес архаическому обществу, где понимание мироустройства и знание о социальных нормах поведения устно передавались из поколения в поколение, современный человек формирует себя через виртуальное медиа-поле. Процесс перехода от устной традиции к гиперинформационному человеку происходил постепенно, поначалу эту роль взяли на себя книги. Христос уподоблял слово упавшему семени, а политический деятель буржуазной революции в Англии Джон Мильтон сравнил книги с зубами «дракона, греческой мифологии», которые «будучи посеяны, дают всходы в виде поднявшейся из земли толпы вооружённых людей». В информационном обществе к книгам добавилось «важнейшее из искусств» кино, позднее телевидение и интернет. С развитием медиа-поля росла и его роль в формировании социальных норм и даже в миропонимании человеком самого себя, а медиа-средства прочно закрепили за собой понятие «Fourth Estate» (четвертая власть), окончательно вытеснив процесс воспитания поколения поколением через устную традицию. Теперь уже не родители или их родители, ни даже школьные учителя формируют поведенческие нормы, нормы морали или мировоззрение личности, в нынешнем гиперинформационном обществе человека формирует медиа-пространство. И у этого медиа-пространства есть одна особенность.

Действительность под действием прогресса изменяется так быстро, что человек не успевает сохранить понятие нормы и передать его следующему поколению, а существующее медиа-

пространство не только не помогает сохранить норму, а ускоренно модернизирует её, к сожалению, не в лучшую сторону, предлагая в качестве нормы полное «безнормие», т.е. всякое отсутствие нормы как таковой. Так, снятие табу на обнажение, пропагандируемое в Интернете, — это не только элемент «сексуальной революции», это элемент снятия табу в сознании человека. Мода на молодёжную одежду, как элемент постоянной трансформации, меняется каждый год, постепенно размывая половые различия. Калифорнийский губернатор Арнольд Шварценеггер отметил уход с поста подписанием закона, по которому разделение туалетов штата по половому признаку причисляется к гендерной дискриминации...

Холодная арт-война

Древняя восточная мудрость гласит — «хочешь победить врага — воспитай его детей». И в этом контексте примечательно, что Дж. Сорос и впоследствии Б.Ходорковский первым делом хватались за спонсирование образования. Другой «выдающийся английский джентльмен», в котором сочетались такие противоречия, как поддержка ядерного удара по СССР и призывы к полному разоружению всех стран, Бертран Рассел, кстати, Нобелевский лауреат по литературе, писал о достижении такого количественного различия в знаниях между «элитой» и «плебсом», которое перейдёт в качественное и станет наследственным, после чего «врождённые различия между правящим классом и простыми людьми будут расти, пока не достигнут кардинальных отличий родов. Восстание плебеев станет настолько же невероятным, как организация восстания овец против производителя баранины...» Осмелюсь предположить, что в этом и скрывалась настоящая цель евгеники.

Всё это как нельзя лучше накладывается на критику системы ЕГЭ, но и у ЕГЭ, как в чемодане фокусника, есть второе дно. Он не только отучает ребёнка приходить к ответу, думая и опираясь на знания, но и, самое главное, не позволяет учителю передавать ученику своё мировоззрение, теперь ему отведена роль скорее наблюдателя за порядком. Обладая набором инструментов, формирующих сознание через информационное поле, нетрудно за два-три поколения вырастить качественно другого человека. Процесс будет более быстрым, если при этом связь между поколениями будет минимальной, а то и вовсе будет отсутствовать. В школах с помощью ЕГЭ от этого процесса устранили учителей. А ведь учитель не только наполняет ученика набором знаний, он фор-

мирует личность. В этом плане введение ЕГЭ — это разрушение каналов передачи традиционных мировоззренческих норм. А ведь, по сути, в руках учителя находятся ключи к формированию образа будущего. По выражению Д.И. Менделеева, изучавшего систему образования в Англии, тамошние школы стремились воспитывать в первую очередь «англикан» и «англичан», а уже потом образованных специалистов в своем деле.

И здесь необходимо отвести особое место истории как дисциплине, не зря же её полностью удалили из школьной программы после Октябрьской революции, и вновь первый учебник по истории для 4-го класса появился только в 1934 году, т.е. практически целое поколение вошло в жизнь без исторической связи с предыдущим поколением. Манипуляция историей — вопрос очень древний, в качестве примера можно вспомнить корректировки различных религиозных текстов или работу лондонского публициста Джона Роберта Сили, изданную в 1883 году, «Экспансия Англии». По его мнению, становлению Англии способствовали два основных занятия, посредством которых англичане навязали всему миру свои нравы и систему ценностей: война и коммерция. Автор подчеркнул, что не последнюю роль в успехе сыграло и принципиальное изобретение идеологов «туманного Альбиона» массовой манипуляции историей в общественном сознании. Где приукрашивая, а где и откровенно фальсифицируя историю путем подгонки фактов или их интерпретации, англичане первыми в Новое время научились навязывать своим политическим оппонентам желаемый образ действительности. Джон Сили отмечал, что путь в будущее лежит через контроль прошлого — вот главный девиз английской гегемонии.

Владельцы исторических источников, таким образом, по силе и могуществу стали сопоставимы с командующими армиями и владельцами банковских счетов. Окончательный итог этому процессу подвёл голландский философ Йохан Хейзинг, сказав, что в XX веке история стала «орудием лжи на уровне государственной политики». Англию, кстати, Джон Сили считал находящейся в зените политического могущества, после которого последует спад и эстафету подхватит Россия, обладающая достаточным культурным потенциалом. Именно культурный потенциал представляет собой естественный «класс» или, по А. Грамши, «исторический блок», способный к противостоянию и экспансии. И именно культурный потенциал будет находиться под прицелом в «холодной войне».

Не так давно историки МГУ проанализировали 187 школьных учебников истории в 12 странах бывшего Советского

Союза. Цитата из казахского учебника: «Борьба казахского народа против российского колониализма длилась долго, охватив вторую половину XVIII в. до 90-х годов XX в.»; «Руководство советской страны, как и царское правительство, рассматривало Казахстан как источник сырья». Авторы исследования вынуждены констатировать: за исключением Белоруссии и Армении во всех остальных странах подрастающему поколению дают трактовку истории, в которой России отведена роль колонизатора.

Очень важно, кто и как формирует информационное поле культурного ядра. К примеру, академические историки РАН еще в 2000 году в полной мере разоблачили несостоятельность теории «новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, но всё равно к 2011 году издано более 100 их книг общим тиражом около 800 000 экземпляров, посвященных «новой хронологии». Сами основатели «новой хронологии» могут даже не догадываться, в чём состоит «заказ» их проекта в части манипуляции историей. К примеру, «новая хронология» уничтожает как несуществующий именно христианский период истории, а он естественно-историческая основа культурного ядра. Так или иначе, но современная историческая наука нуждается не в новой хронологии, а в изложении истории, помогающей создавать преемственность исторических времён, истории интеграционной, не позволяющей раздувать конфликт между преемниками исторических групп и периодов.

Есть и другие «способы иллюстрации науки»: в декабре 2011 года Общественное движение «Областническая альтернатива Сибири» — ОАС — провело семинар со студентами 5-го курса Сибирско-американского факультета Иркутского госуниверситета на тему: «Моделирование экономики государства Сибирь» в рамках учебного курса «Региональная экономика». Будущие выпускники САФа оценивали плюсы и минусы будущего Сибирского государства, риски его создания и существования. Что это, если не воспитание «англикан» и «англичан»?

Не лишним будет обратить внимание «партизанского маркетинга» на творчество в целом и на его отдельные компоненты, начав прямо с детских лет. Уже доказано, что сюрреалистические мультфильмы с гиперактивными героями снижают способность детей к обучению. Кроме того, никто никогда не пытался провести ревизию того, чему «учат», к примеру, компьютерные игры, какие идеалы прививают учебники в школах, кто их пишет, существует ли у нас своя историческая и экономическая школа в вузах. Заложив основы мировоззрения, информационное поле будет опекать сознание рядового гражданина по жизни.

Еще до начала Второй мировой войны Тавистокский институт в сотрудничестве с «Франкфуртской школой» выполнил разработку, именуемую «Проект исследования радио». В группу участников проекта под руководством П.Лазерсфельда входил Ф.Стантон — будущий президент «Rand Corporation». Теоретическое осмысление проекта было выполнено В.Беньямином и Т.Адорно, доказывавшим, что медиа могут быть использованы для наведения ментальных регрессивных состояний. Чему примером может стать депрессивное влияние доминирования плохих новостей, способных «довести до самоубийства» или до любого невроза любое государство.

О роли театра в разрушении культурного ядра социалистических стран в США сделаны диссертации. К примеру, была рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это — типичный пример явления, названного «анти-институциональный театр», то есть театр, подгрызающий общественные институты. И это не нововедение ЦРУ, о роли театра в 30-е годы упоминает историк А. Харендт: «...в Австрии сам театр превратился в фокус национальной жизни, стал институтом, общественное значение которого очевидно превосходило общественное значение парламента». Так же как и в образовании «невидимая рука рынка» и «независимые частные институты» задают тон в театральной деятельности, Лондонский Королевский театр регулярно проводит конкурс среди молодых российских драматургов, пьесы которых должны быть написаны на заданные темы: «Глобальное потепление», «Перенаселение планеты» т.п. Визуализация поведенческих моделей на сцене «учит» поведенческим моделям в жизни.

В популярной сегодня в России площадке «livejournal.com» работают десятки платных блоггеров, по необходимости подтасовываются рейтинги, контролируется общая директива дискурса «Живого журнала», который давно несет на себе роль альтернативных СМИ. Используя инструмент новояза, СМИ, к которым относятся и интернет-площадки, создают имитацию «общепринятого мнения». Немецкий политолог Элизабет Ноэль-Нойман ввела понятие «спираль умолчания»; суть его сводится к утверждению о том, что человек с меньшей вероятностью выскажет свое мнение на ту или иную тему, если чувствует, что находится в меньшинстве. Этот страх служит началом спирали и затем всё увеличивается, при этом несомненность «фактов» обеспечивается их «общеизвестностью», которая носит абсолютно искусственный характер. К примеру, всем известна судьба журналистки А. Политковской, в

честь которой в Германии поставлена пьеса «У Путина день рождения». При этом в самой Германии далеко не всем известна судьба немецкой судьи Кирстен Хайзиг, не желавшей мириться с наказными судами и манипуляциями с законом в Германии. Она написала книгу о состоянии немецкой преступности и правопорядка, её преследовала пресса, и, в конце концов, труп судьи нашли в лесу под Берлином в июле прошлого года, и не было никаких спектаклей о её судьбе.

И если уж говорить о журналистах, то нельзя не обратить внимание на весьма ангажированное освещение в прессе и на отдельных телеканалах митингов «за честные выборы». У этого шоу, как в ящике фокусника, есть второе дно. Очевидно, что организаторов не интересовала ни честность выборов, ни проявления коррупции во властных структурах. Насыщение подобными разговорами и событиями информационного поля преследует другую, далеко идущую цель. Это дискредитация государственной системы как таковой, которая должна быть априори нечестной, и образа государственного человека, который должен быть ассоциативно привязан к образу казнограда и коррупционера. «Целились в коммунизм — попали в Россию», и с образом госслужащего будет так же: «целились в чиновника — попали в государство». Просто «государства должно быть как можно меньше» — как заметил Дворкович, и сделано это будет всякими, даже такими, как может показаться, нетривиальными способами.

Государство — это социальный институт, а социализма должно быть как можно меньше, ведь он мешает проводить великий евристический эксперимент.

В книге «Сущность и категориальный аппарат современной концепции национальной безопасности» автор В.И. Митрохин писал о том, что «необходимо выработать общий реестр опасностей с их подробной характеристикой, включающей способы, интенсивность, результативность воздействия на человека, те или иные (...) системы», именно «с учетом долгосрочных эффектов». На какой эффект направлена ангажированная критика, десакрализация власти как таковой и высмеивание власти существующей, формирование в ней «образа врага»? Насколько опасны игры с воображением, обратил внимание Карл Густав Юнг: «Если некто вообразит, что я его смертельный враг, и убьет меня, то я стану жертвой простого воображения. Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными — и в равной степени столь же вредоносными и опасными». Также и государственные системы могут пасть жертвой простого воображения. Манипуляция сознанием позволяет отдельным

правительствам создавать видимость демократии и возрождения экономики при полном отсутствии таковых. Преступно путать «свободу слова» и манипуляцию сознанием. В своё время известный французский драматург Андре Жид говорил: «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий», и ответом ему могла бы служить фраза, которую Сталин произнёс в беседе с Лионом Фейхтвангером: «Надо различать критику деловую и критику, имеющую целью вести пропаганду...»

Не менее интересным является еще одна составляющая культурного ядра — искусство. В истории современного искусства примечательным фактом является то, что первым «двигателем» абстрактного искусства был один из Рокфеллеров, построивший «Museum of Modern Art». Членом Международной программы музея был Уильям Палей, президент вещания CBS и отец-основатель ЦРУ. Исполнительным секретарём музея был Том Браден, первый начальник подразделения международных организаций ЦРУ. Когда в 1947 году в поддержку нового американского искусства Госдепартамент организовал и оплатил тур международной выставки под названием «Advancing American Art», Трумен отозвался о ней не менее неполицорректно, чем Хрущев. В ЦРУ проект внедрения абстрактного искусства подавался как элемент «холодной войны» против СССР, без объяснения, почему первыми жертвами разрушения сознания с помощью искусства должны стать собственные граждане. Даже высокий франкмасонский градус посвящения Трумена не смог просветить его об истинных целях экспрессионизма.

Сколько можно «кошмарить» человека?

В своё время советский или «красный проект» отчасти предлагал решение для человека-атеиста, чья жизнь оканчивалась физической смертью. «Небесное Царствие» предлагалось строить здесь и сейчас. Советская доктрина стала ответом на противоречие общественных отношений из-за возросшей механизации ручного труда и предполагала полное освобождение от него человека, который бы жил за счёт обобщественного дохода, развиваясь духовно и наслаждаясь построенным земным раем. Концепция стала идеологической ловушкой в долгосрочной перспективе: капиталистический рай казался более ярким, более состоявшимся, так почему бы не начать строить именно его? А. Панарин подчеркнул еще и такой фактор: «С тех пор, как СССР стал соревноваться с Америкой, он неосознанно для себя начал мерить и себя,

и окружающий мир с позиций американского стандарта», что стало изначально проигрышной стратегией. Представители альтернативного «рая» по «американскому стандарту» брались обучить советскую элиту обустроить такой же вместе «красного» проекта. Уже в тот момент, когда студенты набивали подобранные иностранные пачки сигарет отечественными сигаретами, «советский проект» закончился.

Идеологически «миссия человека» должна выходить за рамки его существования, иначе он не сможет преодолеть идеологический вызов. Даже американская идеология базируется на построении демократии во всём мире, из которой личное благо, в виде стремления индивида к свободе вытекает скорее как следствие из общего и надчеловеческого. Европа расширялась, движимая идеями «католикоса», всеобъединения христиан, Россия собирала территории как «Третий Рим», а СССР как «государство всех рабочих и крестьян».

Артур Кларк предсказывал обретение человеком вечной жизни к 2050 году. Итак, впереди следующий идеологический вызов: предложение «вечного тела» как воплощения «вечной жизни» — трансгуманизм.

Гуманизмом эта идеология названа весьма лукаво. Английский профессор Кевин Уорвик заметил, что не будет удивлен, если к 2050 году человека будут показывать в зоопарке. Существующая мировоззренческая модель социал-дарвинизма, т.е. выживания более приспособленного к системе, мягко, но неуклонно принудит человека сливаться с машиной и менять свой облик в пользу того, чтобы стать более «эффективным». Особенно в условиях глобального мирового кризиса, когда эффективность будет помогать выплатить огромные государственные долги банковской системе в странах «развитой демократии». Американское агентство по научным исследованиям DARPA, весьма серьезное заведение, уже начало проект под названием «Биодизайн». Не исключено, что в данной гонке у человека, неспособного освоить все функции стиральной машины, вообще нет шансов на существование, никто не обязан подсуживать ему в конкурентной гонке с генетически-модифицированной машиной. Евгенический конгресс еще сто лет назад сделал выбор в сторону «гуманизма практического», таким же станет и его аналог — «практический трансгуманизм».

Эта крайне ущербная идеология является логическим завершением евгенических идей, в которых человек не представляет ценности сам по себе. Он ценен и эффективен только для чего-то или для кого-то. Такой подход предполагает, что в определенных обстоятельствах он может утратить свою нужность вообще и будет заменён.

Под человеком уже разверзлась бездна трансгуманизма, предполагающая уничтожение его и как образа, и как содержания. Уже началась его дискредитация: это и противопоставление расы «волшебников» и людей, презрительно называемых «маглами» в миллионных тиражах детской книги про Гарри Поттера, и посредством нашумевшего фильма «Аватар», где образ человека подаётся в негативном свете в целом и противопоставляется расе, исповедующей пантеистическую «экологическую религию гайя», кстати, пропагандируемую Збигневом Бжезинским. Это и термин «биологический материал» вместо «человек», «родитель №1» и «родитель №2» вместо матери и отца в некоторых нормативных документах. В словаре этого новояза школьное образование «биологического материала» — «бремя государства».

У нас почему-то, по Путину, нельзя «кошмарить» бизнес — «священную корову» современной идеологии, но совершенно нормальным считается «кошмарить» человека и его сознание. И на глобальный вызов «трансгуманизма» будет невозможно ответить с точки зрения безграничной «свободы рынка» и эффективности вписывания в него, а также при отсутствии ценности человека как такового. Нельзя ожидать битвы за идеалы, если достаточно долго уничтожалось всё идеальное. Идеология может сформироваться естественным образом в ответ на вызов времени, но должно произойти четкое осознание надвигающейся опасности.

Простая демонстрация всех «прелестей» Нового мирового порядка может дать больше, чем любая навязанная идеологическая конструкция. Перед внешним вызовом общество группируется естественным образом. Весь период достижений СССР — ответ на вызовы истории — индустриализация, ВОВ, битва за космос. Группируясь перед новым «Большим Вызовом», общество в конце концов потребует групповой стратегии, необходимой для его преодоления, а групповая стратегия потребует идеологии как её обоснования. Групповая стратегия определит групповую цель и осознание сопричастности к истории. У Ф.Ницше имеется фраза: «Если есть «зачем» жить, можно вынести почти любое «как». Современная идеология пытается поставить «как» в качестве ответа на вопрос «зачем», но подобное существование, по В. Франклу, «может подойти лишь животным, но никак не человеку», существование которого «принимает форму исторического бытия, которое — в отличие от жизни животных — всегда включено в историческое пространство», неотделимое от «системы законов и отношений, лежащих в основе этого пространства. И этой системой отношений всегда управляет смысл». Никакой гыгыкающий

телеканал ГНТ не сможет удовлетворить потребность человека в смысле, если, конечно, он не дойдёт до полностью животного существования, низведя смысл своего прозябания до комфортности среды обитания.

«Единственный способ оставаться удовлетворенным, это делать великую работу», — завещал новому поколению Стив Джобс. Наличие смысла порождает долг — гражданский, когда есть смысл у групповой стратегии, оформленной в государство граждан. В этом плане также интересно формирование идеологии индивидуализма. Слово «индивидуум» — это перевод греческого слова «атом», т.е. неделимый, высшая степень детерминации. Абсолютно индивидуализированные личности неспособны к групповой стратегии.

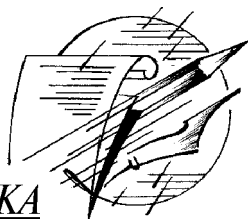
Возможно, что только Россия с её культурным потенциалом способна сформировать и воплотить идеологию, способную стать основой групповой стратегии для преодоления окончательного «закошмаривания» человека «лигой выдающихся джентльменов». И именно русский культурный код, синтезируя исторический опыт, способен к созданию своей мировоззренческой школы, позволяющей остаться человеку человеком, но задача эта не имеет ничего общего с политическими суррогатами, клонируемыми в лабораторных колбах политтехнологов. Настоящая же идеология строится на вековой культуре, охватывая и развивая свою историческую, социальную, экономическую и прочие школы.

Для восхода такой культуры есть своя почва, но взойти этой культуре мешают евгенические агрономы, считающие всякую грядку своей и вытаптывающие на ней всё, кроме своих генно-модифицированных сорняков, произрастающих из низменно-эгоистичных мотивов, которые они к тому же без меры заливают удобрениями.

«Истинная философия занимается только целым и хочет восстановить сознание в его целостности. Философ, сознающий свое призвание, — это врач, перевязывающий глубокие раны человеческого сознания и старающийся их осторожно, неторопливо залечить. Это, конечно, длительный процесс, который не может быть с легкостью совершен с помощью одного курса. Восстановление гораздо труднее, когда большинство вовсе не хочет излечиваться и, как злополучный больной, уже поднимает капризный крик...» (Фридрих Шеллинг, «Философия откровения»).

ОПАСНЫЙ «МИРНЫЙ АТОМ»

На нашей планете периодически происходят разные по масштабам техногенные катастрофы на территориях стран с атомными электростанциями. Крупнейшие из них: чернобыльская, фукусимская и авария на комбинате «Маяк» — нанесли гигантский ущерб биосфере и человеку. В результате ядерных катастроф подвергаются опасному радиационному загрязнению огромные площади территорий многих стран. Опыт цивилизованных стран, показывает, что всё-таки есть разумные пути восхождения в безопасный безъядерный мир. Техногенную катастрофу, случившуюся весной 2011 г. на японской АЭС Фукусима, с первых же дней сравнивали по своим гигантским разрушительным масштабам с чернобыльской аварией, произошедшей в 1986 г. Цена «мирного» атома Чернобыля оказалась немыслимо высокой. В 1988 г. было официально заявлено, что ущерб, нанесённый чернобыльской катастрофой, составляет 14,4 млрд. долл. Независимые эксперты подсчитали и пришли к выводу: за первое десятилетие после аварии нанесённый ущерб превысил 200 млрд. долл.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В эту сумму не входит стоимость строительства нового саркофага, которое потребует немыслимо больших затрат финансовых и материальных ресурсов.

До сих пор огромная территория вокруг Чернобыля заражена радионуклидами и ещё долго, в течение десятилетий и столетий, будет опасной для проживания. Оказалась заражённой не только 30-километровая зона вокруг Чернобыля, но и большие площади территорий Белоруссии и многих стран Западной и Восточной Европы, которые накрыло радиоактивное облако, уносимое ветром на большие расстояния — вплоть до 2000 км. По мнению учёных, чернобыльская зона останется радиационно загрязнённой сотни и даже тысячи лет. Например, возле самой станции после взрыва образовалось огромное пятно, насыщенное плутонием, период полураспада которого — около 40 тыс. лет.

После чернобыльской аварии специалисты долго выясняли её причины. Назывались технологические несовершенства системы ядерных энергоблоков типа РБМК (реакторов большой мощности канальных), нарушение регламентных работ, ошибка операторов и др. Были выявлены «виновные» и наказаны, как это нередко случалось и случается в нашем отечестве. Разработчикам новых модификаций ядерных энергоблоков была поставлена задача повысить надёжность их работы и обеспечить полную безопасность производства атомной энергии. Но все эти меры, какими бы они ни были действенными и эффективными, не могут вернуть Чернобыль в доаварийное состояние, даже с привлечением самых высококвалифицированных специалистов, даже с применением новейших технологий и тратя при этом гигантские материальные ресурсы и астрономические финансовые средства.

Чернобыль с Фукусимой начали сравнивать лишь в преддверии 25-й годовщины ядерной катастрофы. Хроника трагических событий, перевернувших сознание многих людей всего мира после рокового взрыва на четвёртом реакторе Чернобыльской АЭС, невольно наводит на мысль: как же коротка память человечества. Как бы ни сравнивали журналисты, учёные и разные специалисты эти два трагических события, очевидно одно: Фукусима по своим разрушительным масштабам и печальным последствиям, вне всякого сомнения, повторила Чернобыль. И это подтверждают независимые эксперты и специалисты разных стран: фукусимская катастрофа, как и чернобыльская, оценена в апреле 2011 г. по седьмому уровню Международной шкалы ядерных процессов.

Чернобыльская катастрофа была второй в Советском Союзе. Первая крупная ядерная катастрофа случилась 29 сен-

тября 1957 г. на комбинате «Маяк» в Челябинской области. Она оценена по шестому уровню Международной шкалы. Выброс радиации на «Маяке» оценивается 20 млн. Кюри (для сравнения: в Чернобыле — 50 млн. Кюри). Источники радиации разные: на «Маяке» — ёмкость с радиоактивными отходами, а в Чернобыле — ядерный реактор. Но трагические последствия обеих катастроф схожи — множество людей, подвергнувшихся радиационному переоблучению и заболевших тяжёлой неизлечимой болезнью, громадные площади заражённых территорий, опасных для жизни; страдания и бесконечное горе экологических беженцев. И при всем этом — героизм и отвага ликвидаторов, многие из которых заплатили своим здоровьем и жизнью.

Страшную катастрофу на «Маяке», прикрываясь секретностью, долгое время пытались скрыть. У ликвидаторов-солдат брали подписку о неразглашении «секретов» трагедии. Только после чернобыльской аварии, в начале 90-х годов, спустя более 30 лет, был опубликован отчёт со скудными сведениями о первой крупномасштабной ядерной катастрофе в СССР и в мире, произошедшей на «Маяке».

Следующая ядерная катастрофа (после аварии на «Маяке») случилась на атомной электростанции Три-Майл-Айленд в США в Пенсильвании в 1979 г. По своим разрушительным масштабам она оценена по пятому уровню Международной шкалы. Эту катастрофу американцы не пытались скрыть. Более того, она послужила активным толчком для дальнейших глубоких исследований ядерных процессов, результаты которых позволили сделать правильный вывод о будущем атомной энергетики: с 1979 г. в США не введён в эксплуатацию ни один новый ядерный реактор. В этой стране работают 104 ядерных реактора, построенных в предыдущие десятилетия. Для сравнения: всего в мире около 400 энергетических атомных реакторов. Все действующие в США ядерные реакторы готовятся к постепенному выводу из эксплуатации. Ядерная катастрофа на японской АЭС существенно затормозила тенденцию к возрождению атомной энергетики в этой стране, наметившуюся в последние годы, что подтверждают результаты последнего опроса, свидетельствующего о том, что общественное мнение изменилось не в пользу атомной энергетики.

Государственные программы по развитию атомной энергетики свернули многие страны. Так, Швейцария заморозила проекты по замене ядерных реакторов. В Австрии, Нидерландах, Польше и Испании запрещено строительство новых атомных электростанций. Новая Зеландия, провозгласив-

шая в 1987 г. свой статус безъядерной державы, ввела полный запрет на использование атомной энергии и на заход в свои порты и территориальные воды судов с ядерным оружием и атомными энергетическими установками на борту.

После крупнейшей аварии на трёх ядерных реакторах в Японии 11 марта 2011 г. возникла новая волна протестов против атомной энергетики. Но реакция на такие протесты в разных странах оказалась разной. Развитые страны, накопившие богатый практический опыт в ядерной энергетике, где отдается предпочтение результатам экспериментальных исследований, а не сиюминутной выгоде, и где умеют предотвращать неконтролируемые ядерные процессы, решили отказаться от атомной энергетики.

Европейцы, особенно немцы, а также американцы аннулируют или откладывают планы по строительству новых и модернизации работающих атомных электростанций. Они разрабатывают проекты по безопасному выводу всех АЭС. Однако развивающиеся страны, не имеющие достаточно практических навыков и опыта в обращении с ядерными объектами, заявляют о своих амбициозных проектах строительства новых атомных электростанций. Например, Китай и Индия в ближайшие 20 лет намерены построить 20 новых ядерных реакторов, и это не мало, если учесть, что во всём мире функционирует около 400 реакторов. И такие намерения не останавливают тревожные сообщения, которые до сих пор поступают из Японии о страшных последствиях ядерной катастрофы. Так, в ноябре 2011 г. министерство образования и науки Японии сообщило о том, что радиоактивный цезий Фукусимы покрыл всю территорию этой страны, включая и самые отдалённые населённые пункты, расположенные в 1700 км от аварийной станции.

После фукусимской трагедии в Японии на государственном уровне принято очень важное организационное решение: в августе 2011 г. японский кабинет министров перевел агентство по атомной энергии из министерства торговли в структуру министерства охраны окружающей среды. Этот решительный и вполне обоснованный шаг означает, что приоритетные задачи правительства должны быть направлены на защиту окружающей среды, а не на амбициозные проекты энергетических компаний. Этот организационный, выстраданный опыт полезен и для других стран, которые заявили о разработке проектов строительства новых атомных электростанций, в том числе и России.

Компании атомной энергетики некоторых стран и их обслуживающие организации и институты стремятся правдой

и неправдой свести к минимуму угрозы, которые исходят от самой опасной ядерной технологии из великого множества технологий, изобретённых человечеством за всю его историю. Они пытаются скрыть или лицемерно приуменьшить масштабы последствий ядерных катастроф и уверяют о том, что следующее поколение атомных электростанций обладает высокой надёжностью и застрахованы от каких бы то ни было сбоев даже при самой чрезвычайной ситуации, даже при самом сильном землетрясении. Многие надуманные гарантии безопасности «мирных» атомных станций не подтверждены экспериментом, который является критерием истины. Всех без исключения людей: рабочих, инженеров, исследователей и др., — вольно или невольно втянутых в огромную ядерную отрасль, по-человечески понять можно: работу терять никому не хочется.

Каким бы совершенным в технологическом исполнении ни был тот или иной ядерный объект, бездоказательно утверждать, что он полностью застрахован от аварии. Ядерная цепная реакция по своей физической природе представляет собой сложный случайный процесс, и поэтому любые малейшие внешние или внутренние отклонения могут привести к нарушениям его равновесия. Один из видов таких отклонений может возникнуть в результате изменения физических и прочностных свойств материалов конструкций объекта — со временем все материальное стареет, и, как известно, металл тоже. Другое отклонение может случиться в результате неправильного, непредвиденного действия оператора либо другого сотрудника, обслуживающего ядерный объект, — человеку свойственно ошибаться.

Любой ядерный объект представляет собой источник опасного радиоактивного загрязнения. Радиоактивные отходы, в отличие от промышленных и бытовых отходов, обладают необычным свойством: их нельзя безопасно сжечь или превратить каким-либо другим способом в радиационно безопасные вещества. Радиоактивность некоторых видов ядерных отходов сохранится в течение очень длительного времени — до 600 тыс. лет.

Производство электрической энергии на АЭС обходилось и обходится гораздо дороже, чем на тепловых электростанциях, работающих на угле или природном газе. Так, в 1987 г. атомные электростанции США вырабатывали электроэнергию в среднем по цене 13,5 цента за один киловатт-час, что эквивалентно стоимости нефти в 216 долл. за баррель (цена на нефть в то время была в несколько раз ниже указанной). Согласно оценке, произведённой в 2009 г. независимыми учё-

ными Массачусетского технологического института, стоимость выработки энергии на атомных станциях примерно на 30% выше, чем при использовании в качестве топлива угля или природного газа. В этой оценке учтены расходы на строительство атомной станции, техническое обслуживание и стоимость самого топлива, но не учтены затраты, которые потребуются рано или поздно на вывод из эксплуатации АЭС и на переработку, утилизацию и захоронение радиоактивных отходов. Если же ещё дополнительно учесть ущерб, нанесённый в результате возможной аварии (для чернобыльской катастрофы за 10 лет он составил более 200 млрд. долл., а «мирный» атом Фукусимы обойдется, по предварительным оценкам, в 245 млрд. долл.).

Оценка независимых экспертов показывает, что производство электроэнергии на атомных станциях не может предотвратить повышение концентрации диоксида углерода в воздушной среде, ведь сложнейшая технологическая система производства ядерного топлива, переработки и захоронения радиоактивных отходов вместе с сооружением гигантских промышленных комплексов и дальнейшие не менее простые операции по выводу АЭС из эксплуатации не обходятся без огромных затрат материальных и энергетических ресурсов, прямо или косвенно связанных с потреблением углеводородного сырья.

В результате объективной оценки преимуществ и недостатков атомной энергетики в Германии в июне 2011 г. был принят закон о постепенном (до конца 2022 г.) и полном отказе от производства атомной энергии. Здесь не пошли по пути модернизации и продления срока службы реакторов. Ведь всем известно, чем заканчивается продление срока службы изношенных самолётов в России — их падением и гибелью множества пассажиров и экипажей. Ради обеспечения безопасности в Германии не были введены в эксплуатацию несколько уже завершённых и частично построенных на её территории атомных электростанций, несмотря на то, что это принесло немалые убытки.

Принятию упомянутого федерального закона в Германии в значительной мере способствовала Ангела Меркель, федеральный канцлер с 2005 г. В отличие от многих руководителей государств Ангела Меркель — известный учёный, доктор естественных наук, имеет богатый опыт управления в государственных структурах, и, в частности, она занимала пост федерального министра по охране окружающей среды. Все это определило её мировоззрение и трудовую деятельность, основанную на научном анализе и направленную на спасение жизни

на Земле. И она, как никто другой, понимает, насколько важна эта благородная задача для всего человечества.

Государственный, научно обоснованный подход в обеспечении ядерной безопасности в Германии может служить примером для других государств при решении важнейшей проблемы всего человечества — создании безъядерного мира. Если же ядерная безопасность с высокой вероятностью будет обеспечена только в одной или в нескольких странах, то это вовсе не означает, что эти страны будут защищены от радиационного заражения в случае ядерной катастрофы, произошедшей в другой стране, — опасная радиоактивная пыль разносится ветром на тысячи километров от места аварии. В этой связи целесообразны и необходимы международные соглашения, которые ограничивали бы распространение опасных ядерных технологий на нашей планете и их применение не только для военных, но и для «мирных» целей, достижение которых рано или поздно приводит к радиационному заражению биосферы.

Вне зависимости от ядерной катастрофы, случившейся в Японии 2011 г., к настоящему времени во всём мире остановлены и находятся на разных стадиях вывода из эксплуатации 110 энергоблоков АЭС, не считая экспериментальных, промышленных, исследовательских и транспортных реакторов. Число таких атомных электростанций с каждым годом будет расти, так как истекает срок их эксплуатации. Вывод из эксплуатации АЭС производится обычно в два этапа. Первый включает выгрузку радиоактивного ядерного топлива, после которой исключается использование ядерного блока в качестве источника энергии. Второй этап — проведение комплекса сложнейших работ: демонтаж оборудования, очистку территории от радиоактивного хлама и последующее его захоронение. Такой хлам, как и радиоактивные отходы, нельзя уничтожить и превратить в безопасные ни при сжигании, ни при переплавке. Ему необходимо обеспечить длительное безопасное хранение под непрерывным контролем. Второй этап может длиться до 50 лет. Оба этапа вывода из эксплуатации АЭС, как показывает мировой опыт, требуют огромных финансовых и материальных затрат с привлечением высококвалифицированных специалистов. Во всех цивилизованных странах вывод из эксплуатации атомных электростанций планируется заранее, чтобы обслуживающий персонал не оказался безработным, и для этих целей предусматриваются определённые финансовые средства.

На 10 российских АЭС сейчас находится в эксплуатации 31 ядерный реактор. В 2002 г. остановлен реактор первой в мире Обнинской АЭС. Эта АЭС уже давно находилась на государ-

ственной дотации. Остановлены по два ядерных реактора на Нововоронежской и Белоярской атомных станциях. Из них выгружено отработавшее ядерное топливо. Однако второй этап вывода из эксплуатации этих станций отложен на неопределённый срок из-за отсутствия разработанной общей концепции и финансовых средств, а это означает, что нынешнее поколение атомных энергетиков не по своей воле оставляет опасное радиоактивное наследие своим потомкам.

Несмотря на то, что второй этап по выводу из эксплуатации российских АЭС не завершён, Росатом намерен в дальнейшем развивать атомную энергетику: планируется построить более 20 новых ядерных реакторов за период до 2020 г.

Не может не вызвать удивления ещё одна российская «инновация»: на межгосударственном уровне 25 ноября 2011 г. в Москве подписаны документы о предоставлении Беларуси российского кредита для строительства АЭС в размере 10 млрд. долл. Атомную электростанцию планируется построить в 18 км от городского посёлка Островец Гродненской области по российскому проекту АЭС-2006, разработанному институтом, входящим в состав Росатома. Ожидается, что первый ядерный энергоблок будет запущен в 2017 г., а второй — в 2018-м. В связи с таким амбициозным проектом возникают вполне логичные и обоснованные вопросы. Почему выделяется такая астрономическая сумма кредита 10 млрд., ведь проектная стоимость строительства АЭС — 9 млрд. долл., из которых 6 млрд. — на строительство самой АЭС, а 3 млрд. — на создание инфраструктуры? Неужели Россия настолько богатая страна, чтобы выделять такие немислимо большие деньги даже дружескому братскому народу из своих финансовых средств, которые прямо или косвенно происходят от продажи за рубеж ценнейшего российского углеводородного сырья, стоимость которого стремительно растёт с каждым днём? Неужели эти деньги не могли бы понадобиться для переоборудования российских тепловых электростанций, чтобы при том же потреблении топлива повысить почти в два раза их мощность при существенном снижении загрязнения окружающей среды? Неужели эти деньги оказались бы лишними для российских учёных, преподавателей, врачей или пенсионеров, пенсии которых едва хватает на пропитание и оплату коммунальных услуг? И ещё один вопрос, касающийся и российского, и белорусского народов: почему строительная площадка для АЭС выбрана именно в Беларуси, больше других стран пострадавшей от чернобыльской катастрофы и на значительной части территории которой до сих пор наблюдается чрезмерно высокий уровень радиационного фона?

Большинство белорусских граждан выступают против строительства АЭС на своей земле: согласно опросу белорусского канала ОНТ в мае 2010 г. 87% телезрителей заявили о том, что не верят в безопасность современных АЭС. Строительство АЭС на территории Беларуси не оправдано ни с экономической, ни с экологической, ни с политической точек зрения. Такой вывод сделала Комиссия общественной экологической экспертизы, куда вошли известные учёные и эксперты Беларуси, России и Украины. Не остались в стороне от этой проблемы и зарубежные страны. Например, в мае 2010 г. представители общественности и министерств федеральных земель Австрии высказались против строительства АЭС в Беларуси. Литва тоже не одобряет строительство этой станции, которая окажется в 55 км от Вильнюса — её столицы. Властным структурам разных уровней, начиная от самого низкого и кончая государственным, и инициаторам этого амбициозного проекта строительства АЭС на территории Беларуси следовало бы знать: во всех цивилизованных странах все решения на государственном уровне принимаются только с учётом общественного мнения, что закреплено национальными законами и международными соглашениями.

Представители «просвещённой» власти в оправдание своих единственно «верных» планов и решений часто с высокой трибуны заявляют о том, что для атомной энергии нет альтернативы и что необходимо как можно быстрее строить новые мощные атомные электростанции во избежание энергетического кризиса. Таким «радетелям» нашего отечества хотелось бы напомнить, что разработка энергетической стратегии во всех цивилизованных странах начинается вовсе не со строительства атомных или других электростанций, а с повышения эффективности использования уже существующего энергетического потенциала. В России, да и в Беларуси, он огромен.

Увеличение электроэнергии можно получить за счёт поэтапной модернизации промышленных предприятий, внедрения низкотемпературных тепловых двигателей, приводимых в действие промышленными тепловыми отходами или с помощью солнечных систем, строительства современных ветряных установок, парогазовых электростанций и эффективных солнечных батарей; широкомасштабное использование отработанного тепла — это также реальные пути решения проблемы энергоснабжения.

Один из таких эффективных способов производства электроэнергии и тепла постепенно внедряется во многих странах и, в частности, в России, где налажено промышленное

производство парогазовых установок (ПГУ). Так, в апреле 2011 г. введён в эксплуатацию парогазовый энергетический блок ПГУ-450 в южной ТЭЦ Санкт-Петербурга. Этот блок позволяет увеличить установленную электрическую мощность станции с 750 до 1200 МВт, а тепловую мощность — до 2531 Гкал/ч. По сравнению с другими источниками, производящими энергию и тепло, парогазовые установки обладают рядом преимуществ: КПД их — до 60% (для сравнения КПД тепловых станций, построенных в середине прошлого века, не превышает 30%); относительно низкая стоимость установки; ПГУ потребляет значительно меньше воды на единицу выработанной энергии; короткие сроки возведения — 9—12 мес.; компактные размеры ПГУ позволяют возводить их в непосредственной близости от потребителя; они экологически более чистые в сравнении с паротурбинными установками.

В России недооценивается огромный потенциал ветровой энергетики, которая быстрыми темпами развивается во всём мире: ежегодный рост мощности ветровых станций составляет свыше 10 000 МВт. При этом цена производимой ветровой энергии падает. Так, стоимость возведения ветровых станций за последние 30 лет уменьшилась с 5000 до 600 долл. за киловатт. Для сравнения: такой показатель для атомных электростанций — не менее 2000 долл. за киловатт. За 10 лет с 1995 г. суммарная установленная мощность ветровых электростанций в мире увеличилась более чем в 12 раз: с 4800 до 59 000 МВт, а с 2000 г. её среднегодовой прирост составляет около 30%. Таких высоких темпов роста не удавалось достичь ни одному из видов энергетики за всю историю её развития. Эти показатели ветровой энергетики говорят сами за себя и развеивают мифы о том, что ветроэнергетика не может достичь высокого уровня развития.

В нашей стране недооценивается ещё одна важнейшая отрасль энергетики — гелиоэнергетика, которая развивается очень быстрыми темпами во всём мире. В 2010 г. общая мировая мощность солнечной термальной электроэнергии достигла более 1 ГВт. В начальной стадии развития в России находится и биоэнергетика — сравнительно новая отрасль энергетики, основанная на использовании биотоплива. В всём мире биоэнергетика стремительно развивается: темпы роста производства различных видов биотоплива очень высокие — более 40% в год.

Всевозможные мифы о неэффективности экологически наиболее чистых источников производства энергии: ветроэнергетики, гелиоэнергетики и биоэнергетики — преднаме-

ренно и целенаправленно распространяются не ради спасения биосферы от антропогенного разрушающего воздействия, а ради проталкивания своих проектов и извлечения выгоды. И здесь впереди планеты всей оказалась российская компания по атомной энергетике, развернувшая крупномасштабное строительство ядерных энергетических блоков. Но где гарантия, что очередная катастрофа чернобыльских масштабов не повторится? Ведь строящиеся ядерные блоки пока не испытаны на практике.

Многие просвещённые люди знают, что атомные электростанции производят не только электроэнергию и тепло, но и огромное количество радиоактивных отходов даже при безаварийной работе и не меньшее количество твёрдых, радиационно опасных отходов при выводе АЭС из эксплуатации. И грядущие поколения вряд ли будут благодарны своим потомкам, оставившим после себя чудовищное радиоактивное наследство, опасное для биосферы и человека.

УПРАВЛЯЕМАЯ КАТАСТРОФА

Предлагаем вниманию читателей текст интервью с выдающимся философом Александром Зиновьевым, которое тот дал перед своим возвращением из Германии в Россию. Его беседа с журналистом Виктором Лупаном состоялась в Берлине и была опубликована французской газетой «Фигаро» 24 июля 1999 года.

Однако русскому читателю это интервью известно мало. Между тем спустя более чем десятилетие с момента публикации стали особенно очевидны и точность данных Зиновьевым оценок, и их пророческий характер.

Перевел интервью на русский язык Чингиз Шамшиев, доктор экономических наук Французской Республики. Сейчас он живет на родине, в Бишкеке, является директором Центра перспективных разработок Киргизии, ему 32 года. По его мнению, многие мысли, высказанные Александром Зиновьевым, с которым ему довелось встречаться и лично беседовать, представляют огромный интерес для русскоязычных читателей на всем постсоветском пространстве.

ВОПРОС. С какими чувствами Вы возвращаетесь на Родину после столь длительной ссылки?

ОТВЕТ. С чувством, что когда-то покинул сильную, уважаемую, даже внушающую страх державу, а вернувшись, обнаружил побежденную страну, всю в руинах. В отличие от других, я бы никогда не покинул СССР, если бы у меня был хоть какой-то выбор. Эмиграция стала для меня настоящим наказанием.

ВОПРОС. Тем не менее Вас приняли здесь, в Германии, с распростертыми объятиями!

ОТВЕТ. Это правда... Но несмотря на триумфальный прием и мировой успех моих книг, я всегда чувствовал себя здесь чужим.

ВОПРОС. После краха коммунизма основным предметом Ваших исследований стала западная система. Почему?

ОТВЕТ. Потому что произошло то, что я предсказывал: падение коммунизма превратилось в развал России.

ВОПРОС. Выходит, борьба с коммунизмом прикрывала желание уничтожить Россию?

ОТВЕТ. Совершенно верно. Я это говорю, потому что в свое время был невольным соучастником этого для меня постыдного действия. Российскую катастрофу хотели и запрограммировали здесь, на Западе. Я читал документы, участвовал в исследованиях, которые под видом идеологической борьбы на самом деле готовили гибель России. И это стало для меня настолько невыносимым, что я не смог больше находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ и мою страну. Запад мне не чужой, но я рассматриваю его как вражескую державу.

ВОПРОС. Вы стали патриотом?

ОТВЕТ. Патриотизм меня не касается. Я получил интернациональное воспитание и остаюсь ему верным. Я даже не могу сказать, люблю или нет русских и Россию. Однако я принадлежу этому народу и этой стране. Я являюсь их частью. Нынешние страдания моего народа так ужасны, что я не могу спокойно наблюдать за ними издали. Грубость глобализации выявляет недопустимые вещи.

ВОПРОС. Тем не менее сегодня многие бывшие советские диссиденты отзываются о своей прежней Родине как о стране прав человека и демократии. И теперь, когда эта точка зрения стала общепринятой на Западе, Вы ее пытаетесь опровергнуть. Нет ли здесь противоречия?

ОТВЕТ. Во время холодной войны демократия была оружием в борьбе против коммунистического тоталитаризма. Сегодня мы понимаем, что эпоха холодной войны была кульминационным моментом в истории Запада. В это время на

Западе было все: беспрецедентный рост благосостояния, подлинная свобода, невероятный социальный прогресс, колоссальные научные и технические открытия! Но в то же время Запад заметно менялся. Начатая в то время робкая интеграция развитых стран была, по сути, предтечей интернационализации экономики и глобализации власти, свидетелями чего мы сегодня являемся. Интеграция может служить росту общего благосостояния и иметь положительные последствия, если, например, она удовлетворяет легитимное стремление братских народов к объединению. Однако та интеграция, о которой идет речь, была с самого начала продумана как вертикальная структура, жестко контролируемая наднациональной властью. И без успешного проведения российской, против Советов, контрреволюции Запад не смог бы приступить к глобализации.

ВОПРОС. Значит, роль Горбачева не была положительной?

ОТВЕТ. Я смотрю на вещи немного под другим углом. Вопреки устоявшемуся мнению советский коммунизм развалился не в силу внутренних причин. Его развал, безусловно, самая великая победа в истории Запада. Неслыханная победа, которая, я повторюсь, делает возможным установление планетарной власти. Конец коммунизма также ознаменовал конец демократии. Сегодняшняя эпоха не просто посткоммунистическая, она еще и постдемократическая! Сегодня мы являемся свидетелями установления демократического тоталитаризма, или, если хотите, тоталитарной демократии.

ВОПРОС. Не звучит ли все это несколько абсурдно?

ОТВЕТ. Ничуть. Для демократии нужен плюрализм, а плюрализм предполагает наличие по крайней мере двух более-менее равных сил, которые борются между собой и вместе с тем влияют друг на друга. Во время холодной войны была мировая демократия, глобальный плюрализм, внутри которого сосуществовали две противоборствующие системы: капиталистическая и коммунистическая. А также неясная, но все же структура тех стран, которые нельзя было отнести к первым двум группам. Советский тоталитаризм был восприимчив к критике, идущей с Запада. В свою очередь, Запад находился под влиянием СССР, в особенности через собственные коммунистические партии. Сегодня мы живем в мире, где господствует одна-единственная сила, одна идеология и одна проглобализационная партия. Все это вместе взятое начало формироваться еще во время холодной войны, когда постепенно, в самых различных видах появились суперструктуры: коммерческие, банковские, политические и

информационные организации. Несмотря на разные сферы деятельности, эти силы объединяла их транснациональная сущность. С развалом коммунизма они стали управлять миром. Таким образом западные страны оказались в господствующем положении, но вместе с тем они находятся и в подчиненном положении, так как постепенно теряют свой суверенитет в пользу того, что я называю сверхобществом. Планетарное сверхобщество состоит из коммерческих и некоммерческих организаций, влияние которых выходит далеко за пределы отдельных государств. Как и другие страны, страны Запада подчинены контролю этих наднациональных структур. И это при том, что суверенитет государств тоже был неотъемлемой частью плюрализма, а значит, и демократии в планетарном масштабе. Нынешняя господствующая сверхвласть подавляет суверенные государства. Европейская интеграция, разворачиваемая у нас на глазах, тоже ведет к исчезновению плюрализма внутри этого нового конгломерата в пользу наднациональной власти.

ВОПРОС. Но не кажется ли Вам, что Франция или Германия продолжают оставаться демократическими государствами?

ОТВЕТ. Страны Запада познали настоящую демократию во время холодной войны. Политические партии имели подлинные идеологические различия и разные политические программы. Органы прессы тоже сильно отличались друг от друга. Все это оказывало влияние на жизнь простых людей, способствовало росту их благосостояния. Теперь этому пришел конец. Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существованию страха перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массивная атака на социальные права граждан. Сегодня социалисты, находящиеся у власти в большинстве стран Европы, ведут политику демонтажа системы социальной защиты, политику, уничтожающую всё социалистическое, что имелось в странах капитализма. На Западе нет больше политической силы, способной защитить простых граждан. Существование политических партий — чистая формальность. С каждым днем между ними всё меньше и меньше будет различий. Война на Балканах была какой угодно, но только не демократической. Тем не менее ее вели социалисты, которые исторически были против подобного рода авантюры. Экологи, тоже находящиеся у власти в некоторых странах, приветствовали экологическую катастрофу, вызванную бомбардиров-

ками НАТО. Они даже осмелились утверждать, что бомбы, содержащие обедненный уран, не представляют опасности для окружающей среды, хотя при их зарядке солдаты надевают специальные защитные комбинезоны. Так что демократия постепенно исчезает из общественной организации стран Запада. Повсюду распространяется тоталитаризм, потому что наднациональная структура навязывает государствам свои собственные законы. Эта недемократичная надстройка отдает приказы, дает санкции, организовывает эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом. Даже Клинтон ей подчиняется. Финансовый тоталитаризм подчинил себе политическую власть. Холодному финансовому тоталитаризму чужды эмоции и чувство жалости. По сравнению с финансовой диктатурой, диктатуру политическую можно считать вполне человеческой. Внутри самых жестоких диктатур было возможно хоть какое-то сопротивление. Против банков восставать невозможно.

ВОПРОС. А что насчет революции?

ОТВЕТ. Демократический тоталитаризм и финансовая диктатура исключают возможность общественной революции.

ВОПРОС. Почему?

ОТВЕТ. Потому что они совмещают грубую всемогущую военную силу с финансовым удушением планетарного масштаба. Все революционные перевороты получали когда-то поддержку извне. Отныне это невозможно, так как больше нет и не будет суверенных государств. Более того, на самой низкой общественной ступени класс рабочих заменен классом безработных. А чего хотят безработные? Работу. Поэтому они находятся в менее выгодном положении, нежели класс рабочих в прошлом.

ВОПРОС. У всех тоталитарных систем была своя идеология. Какая идеология у этого нового общества, которое Вы называете постдемократическим?

ОТВЕТ. Наиболее влиятельные западные теоретики и политики считают, что мы вошли в постидеологическую эпоху. Это потому что под словом «идеология» они подразумевают коммунизм, фашизм, нацизм и т.п. На самом деле идеология, сверхидеология западного мира, развивавшаяся в течение последних пятидесяти лет, намного сильнее коммунизма или национал-социализма. Западного гражданина гораздо больше оболванивают, нежели когда-то обычного советского человека посредством коммунистической пропаганды. В области идеологии главное — не идеи, а механизмы их распространения. Мощь западных СМИ, например, несравненно выше, чем сильнейшие средства пропаганды Ватикана во

времена его наивысшего могущества. Кино, литература, философия — все рычаги влияния и средства распространения культуры в самом широком смысле слова работают в этом направлении. При малейшем импульсе все, работающие в этой сфере, реагируют с такой согласованностью, что невольно возникают мысли о приказах, исходящих из единого источника власти. Достаточно было принять решение заклеить генерала Караджича или президента Милошевича, или еще кого-нибудь другого, чтобы против них заработала вся планетарная пропагандистская машина. В итоге, вместо того чтобы осуждать политиков и генералов НАТО за нарушение ими всех существующих законов, подавляющее большинство западных граждан убеждено, что война против Сербии была нужной и справедливой. Западная идеология комбинирует и смешивает идеи, исходя из своих потребностей. Одна из таких идей — западные ценности и образ жизни являются наилучшими в мире! Хотя для большинства людей на планете эти ценности имеют гибельные последствия. Попробуйте убедить американцев в том, что эти ценности погубят Россию. У вас ничего не выйдет. Они и дальше будут утверждать тезис об универсальности западных ценностей, следуя, таким образом, одному из основополагающих принципов идеологического догматизма. Теоретики, политики и СМИ Запада абсолютно уверены, что их система — самая лучшая. Именно поэтому они без всяких сомнений и со спокойной совестью навязывают ее во всем мире. Западный человек, носитель этих наивысших ценностей, является, таким образом, новым сверхчеловеком. На термин наложен табу, но всё сводится именно к этому. Конечно, данное явление необходимо изучать научно. Однако, смею заметить, в некоторых областях социологии и истории стало крайне тяжело проводить научные исследования. Ученый, который вдруг воспылает желанием изучить механизмы демократического тоталитаризма, столкнется с невероятными трудностями. Из него сделают изгоя. С другой стороны, те, чьи исследования обслуживают господствующую идеологию, утопают в грантах, а издательские дома и СМИ борются за право сотрудничать с этими авторами. Я это испытал на собственной шкуре, когда преподавал и работал исследователем в зарубежных университетах.

ВОПРОС. А разве нет в этой не любимой Вами сверхидеологии идей толерантности и уважения к ближнему?

ОТВЕТ. Когда вы слушаете представителей западной элиты, всё кажется таким чистым, великодушным, уважительным по отношению к людям. Делая это, они применяют клас-

сическое правило пропаганды: прикрывать действительность сладкими речами. Однако достаточно включить телевизор, пойти в кино, открыть бестселлер или послушать популярную музыку, чтобы убедиться в обратном: беспрецедентном распространении культа жестокости, секса и денег. Благородные речи призваны скрывать эти три столпа (есть и другие) тоталитарной демократии.

ВОПРОС. А как быть с правами человека? Разве не на Западе их соблюдают больше всего?

ОТВЕТ. Отныне идея прав человека тоже все больше и больше подвергается давлению. Даже чисто идеологический тезис, согласно которому эти права являются врожденными, не отчуждаемыми, сегодня не выдержит даже первого строгого анализа. Я готов подвергнуть западную идеологию такому же научному анализу, который я проделал с коммунизмом. Но это долгий разговор, не для сегодняшнего интервью...

ВОПРОС. Есть ли у западной идеологии ключевая идея?

ОТВЕТ. Идея глобализации! Другими словами, мировое господство! А так как эта идея довольно неприятная, ее прикрывают пространными фразами о планетарном единении, о трансформации мира в одно интегрированное целое... В действительности Запад сейчас приступил к структурным изменениям в масштабе всей планеты. С одной стороны, западное общество господствует над всем миром, с другой стороны, оно само перестраивается по вертикали с наднациональной властью на самом вершине пирамиды.

ВОПРОС. Мировое правительство?

ОТВЕТ. Да, если хотите.

ВОПРОС. Верить в такое — не значит ли быть жертвой бредовых фантазий о мировом заговоре?

ОТВЕТ. Какой заговор? Нет никакого заговора. Мировое правительство управляется руководителями всем хорошо известных наднациональных коммерческих, финансовых и политических структур. Согласно моим подсчетам, это сверхобщество, которое сегодня управляет миром, уже насчитывает около пятидесяти миллионов человек. Его центр — США. Страны Западной Европы и некоторые бывшие азиатские «драконы» составляют его базис. Другие страны находятся под господством согласно жесткой финансово-экономической градации. Вот это реальность. Что касается пропаганды, то она полагает, что создание мирового правительства, подконтрольного мировому парламенту, является желательным, так как мир — это большое братство. Все это — рассказы, предназначенные для толпы.

ВОПРОС. Европейский парламент тоже?

ОТВЕТ. Нет, так как Европарламент существует. Но будет наивным верить в то, что Европейский союз явился результатом доброй воли правительств стран, входящих в его состав. Евросоюз — это оружие уничтожения национальных суверенитетов. Он является частью проектов, разработанных наднациональными организациями.

ВОПРОС. Европейское содружество сменило название после развала Советского Союза. Словно чтобы заменить его, оно стало называться «Европейский союз». В конце концов, можно было назвать по-другому. Подобно большевикам, руководители Евросоюза называют себя комиссарами. Как и большевики, они возглавляют комиссии. Последний президент был «избран», будучи единственным кандидатом...

ОТВЕТ. Нельзя забывать, что процесс социальной организации подчиняется определенным законам. Организовать миллион человек — это одно, организовать десять миллионов — это другое, организовать сто миллионов — это тяжелейшая задача. Организовать пятьсот миллионов человек является задачей колоссальных масштабов. Нужно создавать новые административные органы, обучать людей, которые будут ими управлять и обеспечивать их бесперебойное функционирование. Это первоочередная задача. На самом деле Советский Союз — это классический пример многонационального конгломерата, возглавляемого наднациональной управленческой структурой. Европейский союз хочет добиться лучших результатов, нежели Советский Союз! Это вполне оправданно. Уже двадцать лет назад я был поражен тем, что так называемые дефекты советской системы были еще сильнее развиты на Западе.

ВОПРОС. Например, какие?

ОТВЕТ. Планирование! Западная экономика бесконечно больше планируется, чем когда-то планировалась экономика СССР. Бюрократия! В Советском Союзе от 10 до 12% активного населения работало в сфере управления и администрации страны. В Соединенных Штатах таких работников около 16—20%. Однако СССР критиковали именно за его плановую экономику и тяжесть бюрократического аппарата. В Центральном Комитете КПСС работало 2 тысячи человек. Численность аппарата компартии доходила до 150 тысяч работников. Сегодня на Западе вы найдете десятки, даже сотни предприятий промышленности и банковского сектора, которые нанимают гораздо больше людей. Бюрократический аппарат Советской Коммунистической партии был ничтожно маленьким по сравнению с персоналом крупных

транснациональных корпораций Запада. На самом деле следует признать: СССР управлялся плохо именно из-за нехватки административного персонала. Нужно было иметь в два-три раза больше административных работников! Евросоюз прекрасно понимает эти проблемы и потому принимает их во внимание. Интеграция невозможна без наличия внушительного административного аппарата.

ВОПРОС. То, о чем Вы рассказываете, идет вразрез с идеями либерализма, афишируемыми европейскими руководителями. Не думаете ли Вы, что их либерализм — это всего лишь показуха?

ОТВЕТ. Администрация имеет тенденцию сильно разрастаться, что опасно для нее самой. Она знает об этом. Как и любой организм, она находит собственные противоядия для продолжения нормального функционирования. Частная инициатива — одно из них. Другим противоядием является общественная и индивидуальная нравственность. Применяя их, власть как бы борется с тенденциями к самоуничтожению. Поэтому она выдумала либерализм, чтобы создать противовес своей собственной тяжести. Однако сегодня быть либералом — абсурд. Либерального общества больше нет. Либеральная доктрина никак не соответствует реалиям эпохи беспрецедентной в истории человечества концентрации капитала. Движение колоссальных финансовых средств никак не считается с интересами отдельных государств и народов, состоящих из индивидов. Либерализм подразумевает личную инициативу и взятие на себя финансовых рисков. Сегодня любое дело нуждается в деньгах, предоставляемых банками. Эти банки, число которых постепенно сокращается, ведут политику, которая по своей природе является диктаторской, дирижерской. Владельцы предприятий отданы им на милость, потому что всё подчиняется кредиту, а значит, находится под контролем финансовых организаций. Важность индивида — основа либерализма — уменьшается изо дня в день. Сегодня не имеет значения, кто управляет тем или иным предприятием, той или иной страной: Буш или Клинтон, Коль или Шредер, Ширак или Жоспэн, какая разница?

ВОПРОС. Тоталитарные режимы XX века были чрезвычайно жестокими, чего не скажешь о западной демократии.

ОТВЕТ. Главное — не методы, а полученные результаты. Привести пример? В борьбе с нацистской Германией СССР потерял 20 миллионов человек (согласно последним данным МО РФ — 27 млн. — **Прим. пер.**) и претерпел колоссальные разрушения. В ходе холодной войны, войны без бомб и пушек, потеря во всех отношениях было намного больше! За

последнее десятилетие продолжительность жизни россиян сократилась на десять лет! Смертность катастрофически превышает рождаемость. Два миллиона детей не спят дома. Пять миллионов детей школьного возраста не ходят в школу. Зарегистрировано 12 миллионов наркоманов. Всеобщим стал алкоголизм. 70% молодежи не пригодны к воинской службе из-за различных физических недостатков. Вот прямые последствия поражения в холодной войне, за которым последовал переход к западному образу жизни. Если это будет продолжаться, то население страны сначала быстро упадет со 150 миллионов до 100 миллионов, а потом и до 50 миллионов. Демократический тоталитаризм превзойдет все предшествующие тоталитарные режимы.

ВОПРОС. В насилии?

ОТВЕТ. Наркотики, плохое питание, СПИД гораздо более эффективны, нежели военное насилие. Хотя после колоссальной по силе разрушения холодной войны Запад избрал «миротворческую войну». Иракская и югославская кампании являются двумя примерами коллективного наказания и ответных действий исключительно большого размаха, которым пропагандистская машина придает смысл «благого дела» или «гуманистической войны». Направлять насилие жертв против них самих — это другая технология. Примером ее использования является российская контрреволюция 1985 года. Однако, развязывая войну в Югославии, страны Западной Европы повели войну против самих себя.

ВОПРОС. По Вашему мнению, война против Сербии была также войной против Европы?

ОТВЕТ. Совершенно верно. Внутри Европы есть силы, способные заставить ее действовать против самой себя. Сербии выбрали, потому что она сопротивлялась всё подавляющей глобализации. Россия может быть следующей в списке. Перед Китаем...

ВОПРОС. Несмотря на ее ядерный арсенал?

ОТВЕТ. Ядерный арсенал России огромен, но он устарел. К тому же русские морально разоружены и готовы капитулировать... Мне кажется, что по чудовищности XXI век превзойдет всё, что человечество видело до этого. Подумайте только о грядущей глобальной войне с китайским коммунизмом. Для победы над такой густонаселенной страной потребуется уничтожить не 10—20 миллионов людей, а где-то 500 миллионов. Сегодня это вполне возможно, учитывая уровень развития достижений пропагандистской машины. Разумеется, во имя свободы и прав человека. Если только какая-нибудь PR-организация не выдумает новую, не менее благородную причину.

ВОПРОС. А Вам не кажется, что у людей может быть собственное мнение, что они могут голосовать и таким образом самовыражаться?

ОТВЕТ. Во-первых, люди уже сейчас голосуют мало, а впоследствии будут еще меньше. Что касается общественного мнения, то на Западе его формируют средства массовой информации. Достаточно вспомнить всеобщее одобрение войны в Косове. Вспомните испанскую войну! Добровольцы съезжались со всего мира, чтобы воевать на одной или другой стороне. Вспомните войну во Вьетнаме. Отныне люди настолько ведомы, что реагируют исключительно так, как того желают хозяева пропаганды.

ВОПРОС. СССР и Югославия были самыми полиэтническими странами в мире, и несмотря на это они были уничтожены. Не видите ли Вы связи между разрушением полиэтнических стран, с одной стороны, и пропагандой полиэтничности — с другой?

ОТВЕТ. Советский тоталитаризм создал подлинное многонациональное и полиэтническое общество. Именно западные демократии приложили сверхчеловеческие пропагандистские усилия для разжигания различных видов национализма, потому что раскол СССР рассматривался ими как лучший способ его уничтожения. Такой же механизм сработал в Югославии. Германия всегда стремилась к ликвидации Югославии. Будучи объединенной, Югославия могла оказывать сопротивление. Суть западной системы заключается в разделении для того, чтобы было легче устанавливать свои законы сразу всем сторонам, а самим выступать в роли верховного судьи. Нет никаких причин предполагать, что подобная технология не будет применена по отношению к расчленению в будущем Китая.

ВОПРОС. Индия и Китай выступили против бомбардировок Югославии. Могут ли они в случае чего сформировать полюс сопротивления? Все-таки 2 миллиарда человек — это что-то!

ОТВЕТ. Средства этих стран не входят ни в какое сравнение с военной мощью и технологиями Запада.

ВОПРОС. На Вас большое впечатление произвела эффективность военного арсенала США в Югославии?

ОТВЕТ. Не только в этом дело. Если бы было принято соответствующее решение, то Сербия перестала бы существовать в течение нескольких часов. По всей видимости, руководители нового миропорядка выбрали стратегию перманентного насилия. Один за другим теперь будут вспыхивать

локальные конфликты для того, чтобы машина «миротворческой войны», которую мы уже видели в действии, тушила их. По сути дела, это может быть технологией управления всей планетой. Запад контролирует большую часть природных ресурсов Земли. Его интеллектуальные ресурсы в миллионы раз превышают ресурсы остального мира. Это подавляющее превосходство обуславливает гегемонию Запада в области технологий, искусства, средств массовой информации, информатики, науки, а отсюда следует преобладание во всех других сферах. Было бы слишком просто всего лишь завоевать мир. Им ведь еще надо управлять! Именно эту фундаментальную проблему пытаются сейчас разрешить американцы... Поймите, во времена Христа на Земле всего было около 100 миллионов человек. Сегодня одна только Нигерия насчитывает такое количество жителей! Один миллиард западоидов и ассимилированных ими людей будут управлять всем миром. Однако этим миллиардом, в свою очередь, тоже нужно управлять. Для управления западным миром потребуется, по всей вероятности, двести миллионов человек. Их нужно подбирать, обучать. Вот почему Китай обречен на поражение в борьбе против гегемонии Запада. Этой стране не хватает управления, а также экономических и интеллектуальных ресурсов для того, чтобы внедрить эффективный управленческий аппарат, состоящий где-то из 300 миллионов человек. Только Запад способен решить проблемы мирового управления. Он уже приступил к этому. Сотни тысяч западоидов, которые находятся в бывших коммунистических странах, например в России, как правило, занимают там руководящие посты. Тоталитарная демократия будет еще и колониальной демократией.

ВОПРОС. Согласно Марксу, колонизация, кроме насилия и жестокости, несла с собой и блага цивилизации. Может, история человечества повторяется на новом витке?

ОТВЕТ. Действительно, почему бы и нет? Но, увы, не для всех. Какой вклад в цивилизацию внесли американские индейцы? Практически никакой, так как они были раздавлены, уничтожены, стерты с лица Земли. А теперь посмотрите на вклад русских! И вообще сделаю важное замечание: Запад опасался не столько военной мощи СССР, сколько его интеллектуального, артистического и спортивного потенциала. Запад видел, насколько СССР был полон жизни! А это главное, что нужно уничтожать у врага. Именно это и было сделано. Российская наука сегодня зависит от американского финансирования. Она находится в жалком состоянии,

так как США не заинтересованы в финансировании конкурентов. Американцы предпочитают давать русским ученым работу у себя в США. Советское кино тоже было уничтожено и заменено американским. С литературой произошло то же самое. Мировое господство прежде всего проявляется как интеллектуальный или, если хотите, культурный диктат. Вот почему в последние десятилетия американцы с таким рвением стараются опустить культурный и интеллектуальный уровень во всем мире до своего собственного, что позволит им осуществлять этот диктат.

ВОПРОС. Но не обернется ли это господство в итоге благом для всего человечества?

ОТВЕТ. Те, кто будет жить через десять поколений, действительно смогут сказать, что все произошло во имя человечества, то есть ради их блага. Но как быть с русским или французом, который живет сегодня? Может ли он радоваться тому, что его народ ждет будущее индейцев Америки? Термин «человечество» — это абстракция. В реальности есть русские, французы, сербы и пр. Однако если нынешняя тенденция продолжится, то народы, которые основали современную цивилизацию (я имею в виду латинские народы), постепенно исчезнут. Западную Европу уже заполонили иностранцы. Мы об этом еще не говорили, но это явление не случайность и не последствия якобы неподконтрольных человеческих потоков. Цель — создать в Европе ситуацию, схожую с ситуацией в США. Мне кажется, французы мало обрадуются, узнав, что человечество будет счастливо, но без французов. В конце концов, оставить на Земле ограниченное число людей, которые жили бы как в раю, могло быть рациональным проектом. Оставшиеся люди уж точно считали бы, что их счастье — это итог исторического развития... Нет. Значение имеет только та жизнь, которой мы и наши близкие живем сегодня.

ВОПРОС. Советская система была неэффективной. Все ли тоталитарные общества обречены на неэффективность?

ОТВЕТ. Что такое эффективность? В США расходы на похудение превышают госбюджет России. И все равно число толстых граждан растет. Таких примеров — десятки.

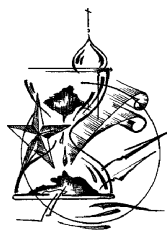
ВОПРОС. Можно ли сказать, что усиливающаяся на Западе радикализация приведет к его собственному уничтожению?

ОТВЕТ. Нацизм был уничтожен в ходе тотальной войны. Советская система была молодой и сильной. Она бы продолжала жить, если бы не была уничтожена силами извне. Социальные системы не уничтожают сами себя. Разрушить их

может только внешняя сила. Это как катящийся по поверхности шар: только наличие внешнего препятствия может его остановить. Я могу доказать это, как доказывают теорему. Сегодня над нами господствует страна, имеющая колоссальное экономическое и военное превосходство. Новый нарождающийся миропорядок стремится к однополярности. Если, устранив всех внешних врагов, наднациональное правительство добьется этого, тогда единая социальная система сможет просуществовать до скончания времен. Только человек может умереть от собственной болезни. Но группа людей, пусть даже небольшая, уже будет стараться выжить через воспроизводство. А представьте себе социальную систему из миллиардов людей! Ее возможности предвидеть и предотвращать самодеструктивные явления будут неограниченными. В обозримом будущем процесс стирания различий в мире не может быть остановлен, так как демократический тоталитаризм — это последняя фаза развития западного общества.

ГИБЕЛЬ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

История человечества, которая, по мысли Гегеля, должна являть собой торжествующее шествие мирового разума, на деле не раз впадала в самое настоящее безумие. Религиозные войны, неожиданные вспышки национального или религиозного фанатизма — вот лишь некоторые примеры подобного рода. Национальные катастрофы, традиционно называемые на Руси смутами, характеризуются развитием кризисных явлений во всех сферах общественной жизни. Деструктивные процессы порой достигают такой силы, что ведут к социальному коллапсу, то есть к уничтожению государства. Отличительная черта смутного времени — коллективное ослепление огромных масс людей. В обстановке социальной шизофрении народные массы, в норме сориентированные на мирную, спокойную жизнь, становятся заложниками собственных разрушительных действий. Выдающийся учёный нашего времени В.Гайзенберг отмечал, что в истории народов случаются странные явления, когда огромные силы, собранные для достижения определённых целей, неожиданно изменяют своё на-

правление, и слепая стихия приводит их к результатам, прямо противоположным поставленным целям. При этом люди бывают настолько зомбированы, что, с цинизмом наблюдая всё происходящее, лишь равнодушно пожимают плечами. Требуется громадные усилия, чтобы вывести их из этого латентного состояния. Динамика подобных психических аномалий хорошо известна: сначала беспричинная тревога, потеря мировоззренческих ориентиров, затем бурная вспышка агрессии и, наконец, возвращение в инфантильное состояние. Все смуты, происходившие в России, развивались именно по такой схеме.

Катастроика Горбачёва

Говорят, что в начале весны 1985 года в Кара-Кумах как никогда кричали ослы и верблюды. Теперь это событие воспринимается как знаковое. Этой весной к власти в СССР под демократическими лозунгами пришли силы, породившие в стране экономический, социально-политический и правовой хаос. В мирное время без войн, эпидемий и других стихийных бедствий они в считанные годы довели Великую Мировую Державу до самой настоящей катастрофы. Да, предкризисные явления наблюдались уже с начала 80-х годов. Специалисты считают, что сложную динамическую систему, каковой является общество, за счёт правильно организованных резонансных воздействий можно постепенно достичь её сохранения и выживаемости. Именно по такому пути пошел Китай. Там не стали ломать и крушить существующие экономические и социально-политические структуры. Без шума и гама начали осуществлять хорошо продуманные, учитывающие национальную специфику реформы, сохраняя сильный государственный сектор. В сочетании с дисциплиной и ответственностью во всех сферах общественной жизни это дало просто поразительные результаты. Увы, российского Дэн Сяопина у нас не нашлось. Последнее советское руководство не смогло дать адекватный ответ на вызовы времени. Вообще нам, россиянам, редко везло на лидеров. Слишком часто провиденье напяливало шапку Мономаха на совсем неподходящие головы, слишком часто на вершине власти оказывались люди совершенно неадекватные масштабам и задачам нашей страны. Когда новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв на апрельском Пленуме ЦК 1985 г. выдвинул лозунг «Перестройка и ускорение», то сразу стало ясно, что никакой научно обоснованной программы у него нет.

Команда «перестроиться» типична для армии, но там она выполняется с уточнением «как» — в колонну по четыре или в шеренгу по два. Здесь же всей стране приказали перестраиваться «вообще». Кроме того, любой директор завода скажет, что если завод поставлен на реконструкцию, то в ускоренном темпе работать он не может. А тут решили перестраивать всю страну и одновременно ускорять сразу всё: промышленность, сельское хозяйство, науку и культуру. Горбачёву не раз давали тактично понять, что подобные лозунги нереальны. Но это вызывало у него злобную истерику.

Конечно же, начались привычные славословия в адрес генсека. Горбачёв окружил себя группой экономистов либерально-демократического толка (Л.Абалкиным, А.Аган-бегином, С.Шаталиным, Т.Заславской и другими). По их совету в стране было легализовано частное предпринимательство. Панацеей от всех бед неожиданно оказались кооперативы. К весне 1991 года в кооперативном секторе уже работало 7 млн. граждан. В самой идее кооперативного движения, безусловно, имелись здравые моменты. Кооператоры могли помочь расшить узкие места в сфере бытового обслуживания, взяв на себя разного рода мелочёвку (парикмахерские, химчистки, прачечные и т.п.). Но при этом следовало ясно понимать, что любое кустарное производство в принципе не может стать высокоэффективным. Работа без разделения труда, без современного оборудования не имеет экономической перспективы. Тем не менее в один миг всё поставили с ног на голову.

Лидеры советской промышленности, сохранившие ещё высокий научно-технический потенциал и высококвалифицированные кадры, оказались в самых невыгодных и даже унизительных условиях. Режим наибольшего благоприятствования был отдан кооперативам. Человек, работавший на заводе при норме выработки в вдвое-трое выше кооперативной, зарабатывал значительно меньше кооператора. Промышленность отреагировала соответственно: зарплата поползла вверх и на госпредприятиях. Темпы её прироста стали опережать прирост национального дохода. Поскольку производительность труда от этого не выросла и товаров больше производиться не стало, началась галопирующая инфляция. Отметим ещё ряд существенных моментов. Закон о кооперации предусматривал для кооперативов льготное налогообложение. Ну а реклама сделала их подлинными героями дня. Об открытии первой кооперативной забегаловки на улице Кропоткинской в Москве газеты писали как о запуске первого советского спутника Земли.

К сожалению, вместо полезной деятельности многие кооперативы сосредоточились на криминальном и полукриминальном бизнесе, благо правоохранительным органам рекомендовалось в кооперативные дела особо не вникать, дабы не повредить новому делу. Между тем, шустрые люди стали навязывать обществу свою мораль, откровенно попирающую закон. В кооперативное движение буквально хлынули дельцы теневой экономики, которые занялись отмыванием неправедно нажитых капиталов. Кооперативы начали заключать трудовые соглашения с работниками государственных предприятий, наделёнными правом распоряжаться разного рода дефицитом. Типичной стала ситуация, когда директор гастронома оформлялся экспедитором в соседнем шашлычном кооперативе. В итоге скупленные в государственных магазинах и по государственной цене товары народного потребления, в кооперативных ларьках продавались намного дороже. Крупные махинации проворачивались с металлами. Стандартная схема: сначала выдать первосортный металл за некондиционный, затем якобы «довести» его до кондиции, а потом продать за рубеж, нажившись на разнице цен на внутреннем и внешнем рынках и на ножницах в курсе рубля и доллара. В этот же период начался процесс срастания криминального бизнеса с криминальными структурами.

Идея кооперативного движения базировалась на принципе состоятельности кооперативных и государственных предприятий. На практике с образованием кооперативов началось вымывание дешёвых услуг. Когда на оживлённой улице единственную столовую заменяло кооперативное кафе, цены можно было заламывать какие угодно. Кооперативы ловко пользовались несовершенством законодательства. На период становления владелец кооператива освобождался от налогов, но после его окончания кооператив закрывался и обретал новую жизнь, уже под другой вывеской, и всё начиналось по-новому. Если кооперативы прогорали и не могли выплатить полученные кредиты, то взять с них было практически нечего, так как они не создавали страховых фондов. Тем не менее Горбачев, ссылаясь на Ленина, уверял партию и страну, что кооперативное движение органично встраивается в социализм. В бесконечных импровизациях и метаниях горбачёвское руководство утратило целостное восприятие экономической ситуации. Был провозглашен лозунг «разрешено всё, что не запрещено законом». По существу, он означал полный разрыв со всей системой российского правосознания. Дело в том, что в традиционном обществе, какое сложилось в России, право фиксировалось не только в законах, но и в различных культурных нор-

мах и традициях. Эти нормы настолько сливались с правовыми нормами, что отделить их друг от друга подчас невозможно. Выдвинутый же принцип снимал все не записанные в законе табу. В результате государство погрузалось в состояние «без права и морали».

Подлинным бичом для государства явилась безумная антиалкогольная кампания. Пьянство населения давно уже стало острой проблемой в стране, но непродуманная акция её только обострила. Из-за сокращения доходов от продажи спиртного опустела государственная казна. Дефицит бюджета покрывали с помощью печатного станка, запустив в оборот огромную массу ничем не обеспеченных рублей. Не дав никакого положительного результата легковесная антиалкогольная кампания вскоре заглохла, серьёзно осложнив экономическую и социально-психологическую обстановку в стране.

Венцом лозунговой политики Горбачёва стала пресловутая программа «500 дней». Когда почва стала окончательно уходить из-под ног, совсем обезумевший генсек, как утопающий за соломинку, ухватился за идею, подброшенную ему академиком С. Шаталиным. Этот лысенковец от экономики сказал, что некая группа молодых экономистов под его руководством разработала программу вывода страны из кризиса менее чем за два года.

Под конец своей карьеры Горбачёв совершил две чудовищные диверсии, окончательно подорвавшие экономику страны. Начнём с того, что он разрешил обналичивать безналичные деньги. Такое право получили, например, так называемые Центры научно-технического творчества молодёжи, созданные при райкомах комсомола и ставшие впоследствии крупнейшими коммерческими предприятиями. За свои посреднические услуги по «обналичке» они получали до 30% прибыли. «Комсомольская экономика» зацвела пышным цветом. Между тем, денежная масса сразу во много раз стала превышать товарную массу. Люди инстинктивно стремились избавиться от пустых денег, обратить их во что-то реальное. С прилавков магазинов сметалось буквально всё. А ликвидация монополии на внешнюю торговлю создавала условия для бесконтрольного вывоза наших товаров за рубеж.

Пользуясь правовой неразберихой, различные кооперативы и совместные предприятия вывозили за рубеж уголь, нефть, лес, золото, алмазы, материалы стратегического назначения (никель, вольфрам, титан). Выступая в популярной в конце 80-х годов телепрограмме «Взгляд», профессор-диссидент Янов призвал граждан СССР выкапывать медный кабель, которым, по его мнению, Министерство оборо-

ны опутало всю страну, и продавать его за границу. Призыв был услышан, и с тех пор воровство цветных металлов стало подлинным бедствием для государства. Шло самое настоящее разграбление сырьевых богатств страны. Разбалансированность потребительского рынка и денежных средств населения породила инфляционные процессы. В экономической триаде: «доходы—товары—цены» образовался полный хаос. Материальное положение большей части населения резко ухудшилось. Люди стали переходить к открытым формам протеста. Москвичи вышли на улицы с лозунгами «Долой кооператоров—миллиардеров!», «Долой кооперацию буржуев, залезших по локоть в карман трудового человека!». В стране начались забастовки.

Первыми весной 1989 года забастовали шахтёры. Клету их забастовка охватила почти всю угольную отрасль. В 1990 г. стачечное движение ещё больше усилилось. Экономические требования (повышение зарплаты, улучшение условий труда и т.п.) стали дополняться политическими. Положение крайне осложнилось тем, что вышедшие из подполья «демократы», в борьбе за власть сознательно дестабилизировали обстановку в государстве. Они провоцировали людей на массовые выступления против советской системы. В коллективной книге-манифесте «Иного не дано» академик Т. Заславская, которую я помнил ещё по Новосибирскому научному центру, писала: «Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нём социальной борьбы? Конечно, нет. Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова революция». А ведь как издевались над Сталиным, когда он предсказывал именно это «обострение социальной борьбы». В печати появились сообщения о преднамеренном сокрытии и даже уничтожении огромной массы товаров силами, заинтересованными в политической дестабилизации общества. В результате выборочной проверки складских помещений ряда магазинов были обнаружены припрятанные большие запасы мяса, рыбы, крупы, сахара. Телевидение показывало выброшенные на свалку центнеры колбасы, тушёнки и других дефицитных продуктов. Осенью 1990 года в условиях невиданного урожая хлеба вдруг появились очереди в булочных. Аналогичная ситуация возникла у табачных киосков. Причина — одномоментная остановка на ремонт хлебопекарен и табачных фабрик. Поползли слухи о диверсиях и саботаже. В Москве и ряде других крупных городов продажу отдельных видов промышленных и продовольственных товаров стали производить по паспортам и карточкам.

Снижение уровня жизни сразу сказалось на демографических показателях. 1990 год вошёл в историю России как год начала депопуляции всего российского Нечерноземья. Впервые по региону показатель смертности превысил показатель рождаемости.

Угрожающими темпами росла внешняя задолженность. До середины 80-х годов долги Советского Союза не превышали 20—25 млрд. долларов. Сумма для Великой Мировой Державы смехотворная. Займы брали на очень выгодных условиях и под конкретные проекты (например, на строительство ВАЗа). Горбачёв же за время своего правления нахватал долгов на 40 млрд. долларов. Большинство из полученных им кредитов были, попросту говоря, проедены и разворованы. Словом, куда ни кинь, везде клин. Из слова «перестройка» стала выпадать главная, корневая часть — «стройка», а приставка «пере» — всё больше ассоциировалась не с созиданием, а с разрушением или, как начали говорить, с катастрофой. Ведь в конечном итоге провозглашённое ускорение обернулось для страны ускорением свободного падения в пропасть кризисов и катастроф. Горбачёвщина уже вызывала отторжение общества. «Лидер, теряющий опору в массах, неминуемо скатывается к политическому авантюризму, к «политике без масс», как определил авантюризм Ленин. К тому же давно замечено, что чем хуже идут дела у политика в собственной стране, тем сильнее его тяга к внешнеполитическому жанру. Под хмурыми взглядами соотечественников Горбачёв чувствовал себя очень неуютно, и он всё больше переключался с внутренних проблем на внешние дела. Но хорошо известно, что внешняя политика должна подкреплять внутреннюю, способствовать вместе с ней росту мощи и благосостояния страны. Когда этого нет, всё сводится к танцам на дипломатическом паркете и к кривлянию перед телекамерами. Во всяком случае, зарабатывать дешёвую популярность за рубежом, торгуя интересами страны, Горбачёв мог без особого труда.

Политические реформы Горбачёва

В июне 1988 года в Москве открылась XIX Партийная конференция КПСС. Она инициировала разработку законопроектов об изменениях и дополнениях к Конституции СССР. Верховный Совет СССР принял соответствующие законы. Разумеется, всё это делалось под флагом демократизации советского общества. Однако данные нововведения фактически содержали отказ от норм прямого и равного избира-

тельного права. Они предусматривали многоступенчатые выборы. Весной 1989 г. мы выбирали народных депутатов СССР, а уж они на своём съезде избирали Верховный Совет. Избирательная кампания проходила очень бурно, и в ней впервые заявили о себе так называемые «демократы». Демократическое движение проделало в Советском Союзе сложную эволюцию. Когда оно подвергалось гонениям, в нём участвовали действительно идейно убеждённые люди, которые знали, на что шли. Но когда движение вышло из подполья и сделало заявку на власть, тон в нём стали задавать лица, занимавшие ранее видное место в партийно-государственной иерархии: экономист Г. Попов, близкий к семье первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина; генерал КГБ Калугин; ударник коммунистического труда Н. Травкин и другие. Все они представляли тот тип номенклатурщика, которые, выражаясь словами В. О. Ключевского, «не просто уходил из своего храма, как человек, ставший в нём лишним, а подобно взбунтовавшемуся дворовому, норвил перед уходом набуянить, всё перебить, исковеркать и перепачкать».

Главными качествами демократов были несокрушимая наглость (об одном из их типичных представителей С. Станкевиче так и говорили, что он «победительно нагл») и готовность идти напролом. Печальнее всего, что в свои игры они активно вовлекали молодёжь. Неоперившиеся юнцы становились заложниками большой политики. В 1989 г. в Горьком некий Э. Чельцов, семнадцатилетний учащийся строительного техникума, забросал бутылками с горючей смесью здание обкома партии. На следствии он заявил, что выразил таким образом отношение к существующему строю, а в камере СИЗО на стене начертил: «Если хочешь в рай, убей коммуниста». Молодёжи импонировала мнимая интеллектуальность демократов. А ведь тот же Ключевский об этой публикации писал: «Начитанные и надорванные либеральные дураки, производящие впечатление умных только на таких же надорванных, но не столь начитанных дураков». Однако, обладая хорошо подвешенными языками, кандидаты от демократов отличались завидным умением убеждать людей голосовать вопреки их жизненным интересам. Рефреном избирательного действия могли бы стать слова популярной тогда эстрадной песни: «Выбери меня, выбери меня...».

Демократы построили свою избирательную кампанию на оглушительной критике всего прошлого опыта. «Всё, что мы строили, годится только на слом», — безапелляционно заявлял внучатый племянник Троцкого Ю. Афанасьев. А Г. Попов выдвинул принцип «Трёх Д»: децентрализации, денаци-

онализации и десоветизации. Приём известный: хочешь сделать себе имя — разрушай и критикуй. Созидание — дело хлопотное. Впрочем, на обещания новая элита не скупилась. Как потом выяснилось, стоимость предвыборных обещаний, данных народу, составила в ценах 1989 г. 6 триллионов рублей. Для их реализации не хватило бы возможностей экономик США и Японии, вместе взятых. Как и следовало ожидать, когда пришла пора отчитываться о проделанной работе, народные избранники оказались в жалком положении. В итоге вышел пшик. Так, директор школы, избранный от Горьковской области, в качестве основных своих достижений отметил ремонт крыши школьного здания и организацию танцевального кружка. Дело, конечно, тоже нужное. Но в сравнении с обещанным!..

Состав народных депутатов в значительной мере отразил новые веяния в стране. В прежние времена процент рабочих, крестьян и интеллигенции жёстко нормировался в советах всех уровней. Теперь предпочли сделать ставку на «профессионалов» (юристов, экономистов и прочих). Мысль сама по себе вполне здравая. Но профессионалы должны работать на постоянной основе. А уж коль скоро, помимо Верховного Совета решили создать такой широкий представительный орган, как Съезд народных депутатов, то в нём по самой идее должны быть представлены все слои общества. Известно, что в 1917 году рабочие депутаты составляли пятую часть избранных в Учредительное Собрание. Но, начиная с 1989 г., рабочие стали проигрывать выборы «экономистам», проще говоря, кооператорам и разным «теневикам». Так, на выборах в народные депутаты СССР от Латвии не прошел ни один рабочий. Если раньше рабочих и крестьян в парламенте не было слышно, то теперь их не стало и видно. Зато на волне критики КПСС в высший представительный орган страны прошло много случайных людей, карьеристов и демагогов.

И вот 25 мая 1989 г. открылся первый Съезд народных депутатов СССР. И с первых минут началась острая политическая борьба. Депутаты хотели всего и сразу, а некоторые из них вообще не были настроены на конструктивную работу. Разгорячённые предвыборными баталиями, они смотрели на съездовскую трибуну как на инструмент, позволяющий делать себе бесплатную рекламу. В иные моменты казалось, что съезд превращается в огромный митинг. Многие депутаты, как на ярмарке тщеславия, больше старались заявить о себе, нежели сказать что-либо по существу. Именно этим запомнились стране Ю. Афанасьев, Г. Попов, С. Станкевич и особенно А. Собчак. Его клетчатый пиджачок то и дело мелькал

перед телекамерами. Чуть ли не по каждому вопросу он подбегал к микрофону, чтобы произнести какую-то очередную банальность. Шли откровенные нападки на партию, армию и КГБ. Депутаты-коммунисты оказались в глубокой обороне. Наоборот, демократы проявляли бешеную активность. Людей уговаривали, подкупали, запугивали, а ночью звонили в номера гостиниц с угрозами. Тем не менее в Верховный Совет как в постоянно действующий орган Съезда многие демократы не прошли. Это привело их в бешенство. Они говорили об «агрессивно послушном большинстве». Демагогически выступая против наследия сталинизма и командно-административной системы, они сами беззастенчиво прибегали к ультиматумам, силовому нажиму и шельмованию оппонентов. Чтобы набрать очки, оппозиция поддерживала националистические силы, выступавшие за выход союзных республик из СССР. Настойчивее всего это требовали прибалты. Их действия поддерживала сформировавшаяся на Съезде так называемая Межрегиональная депутатская группа, в которую вошли Б.Ельцин, А.Сахаров, Г.Старовойтова, С.Станкевич, А.Собчак и другие.

Председателем Верховного Совета, как и ожидалось, избрали М.С. Горбачёва. Однако ему пришлось понервничать. В духе прежних традиций горбачёвские клеветы сразу заявили, что альтернативы Горбачёву нет. Но в порядке самовыдвижения свою кандидатуру предложил никому не известный депутат А.Оболенский. Выдвинута была и кандидатура Б.Н. Ельцина, но он решил, что время мериться силами с Горбачёвым ещё не пришло.

Заседания Съезда транслировались по центральному каналу телевидения, и они запомнились многим, как грандиозное шоу, хотя подготовиться к его открытию толком не успели. Обычную для всего мира систему электронного голосования в срок не ввели, и забавно было смотреть, как председатель счётной комиссии академик Ю. Осипьян голоса «за» и «против» подсчитывал даже не на калькуляторе, а на счётах, а председатель Совета Союза академик Е. Примаков считал число голосов на бумаге «столбиком». Но главное, конечно, было в сути происходивших на съезде процессов. Казалось — вот она, вожделенная гласность! Кончилось время, когда депутаты два раза в год съезжались на два дня в Москву и единогласно, «с чувством глубокого удовлетворения» штамповали заранее подготовленные решения. В 1989 году народные избранники поднимались на самую высокую государственную трибуну и на всю страну резали «правду-матку». Люди тогда ходили по улицам с транзисторами и слу-

шали прямые трансляции из зала заседаний Съезда. Весь мир с любопытством смотрел, как резвится выбравшийся из берлоги русский медведь.

Весной 1990 года III Съезд народных депутатов СССР отменил шестую статью Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС. Большинство людей, в том числе и коммунисты, расценили это как шаг в правильном направлении. Но поскольку в силу исторических причин партия являлась несущей конструкцией советского общества, столь кардинальные преобразования требовали тщательной проработки и чёткой последовательности в их осуществлении, чтобы не произошел обвал всей структурной основы государства. Однако Горбачёв и его приближённые на своём междусобойчике решили, что эту партию реформировать нельзя и, что, выражаясь словами Маяковского, её «не объехать, не обойти, единственный выход — взорвать».

Будучи Генеральным секретарём ЦК КПСС, Горбачёв начал беспрецедентную кампанию по уничтожению своей партии. Если использовать терминологию времён «китайской культурной революции», то можно сказать, что он «открыл огонь по штабам», то есть по партийным комитетам всех уровней: давайте, мол, вы их снизу, а мы — сверху. Чтобы самим не остаться не удел, команда Горбачёва стала готовиться к пересадке из одного вагона поезда в другой. Была выдвинута идея учреждения поста президента СССР. Сама эта должность упала на страну, как снег на голову, поскольку не имела никаких исторических корней в русской государственности. Тут всё не один раз требовалось продумать и взвесить. Но Горбачёв и его клика очень торопились. Ведь многие коммунисты и беспартийные начали уже прозревать, видя, что делается в стране. Так, в Ленинграде, на огромной площади перед спортивно-концертным комплексом прошёл многотысячный митинг под лозунгами: «Михаил Сергеевич, обратите внимание на партию!», «Члены ЦК, где ваша позиция?» Митинг принял резолюцию с требованием провести до начала работы второго Съезда народных депутатов СССР расширенный Пленум ЦК КПСС с персональным отчётом членов Политбюро. Так что Горбачёву поневоле приходилось спешить. Подставяться под Всесоюзный Референдум он не собирался, поскольку его рейтинг стремительно катился вниз. Поэтому избирали президента на Съезде народных депутатов. В конечном итоге опять оказалось, что альтернативы Горбачёву не существует. Снова полились патока и елей. Один депутат (он почему-то не представился) повёл такую речь: «Разве дело в том, что у нас нет продуктов, товарищи? Самое

главное, что мы нашли в истории такого, как Горбачёв, лучше которого мы не найдём». Престарелый академик Д. Лихачёв заклинал депутатов, что без президента Горбачёва страна развалится. А поэтесса Ю. Друнина сказала, что если не будет избран президентом Горбачёв, то цивилизованный мир воспримет это как поражение демократии в СССР. Слышались, конечно, и критические голоса. Так, депутат Авелиани, в своё время предложивший престарелому Брежневу сложить свои полномочия, дал резко отрицательную характеристику Горбачёву. Но такие выступления потонули в потоке славословия. 27 марта 1990 г. Горбачёв стал первым (и, как оказалось, последним) президентом СССР.

В вице-президенты прочили Назарбаева или Шеварднадзе, но им неожиданно оказался выходец из Нижнего Новгорода, бывший комсомольский работник Г. Янаев. Позднее он признался, что предложение занять второй пост в государстве он получил за два часа до голосования. Освободившееся место Председателя Верховного Совета занял А. Лукьянов. Держа руку на Конституции СССР, Горбачёв принял присягу на верность стране и народу. Теперь он вслед за пушкинским Борисом Годуновым мог сказать: «Достиг я высшей власти». Но спокойствие и уверенность к нему так и не вернулись. При президенте был создан Президентский Совет, своего рода новое Политбюро, куда спешно перебрались все сподвижники Горбачёва из ЦК КПСС. Затем его упразднили, заменив Советом Безопасности. Совет Министров СССР преобразовали в Кабинет министров при президенте СССР. Образовали Совет Федерации, но для чего? Ведь у нас уже имелся Совет Национальностей.

Полтора года непрерывной чередой шли различные реорганизации. Возникали и исчезали разного рода консультативные советы, институты советников и прочая, прочая. Структура государственной власти всё больше усложнялась и запутывалась. Введение поста президента её отнюдь не укрепило, зато открыло путь перед множеством соискателей президентских званий не только в союзных, но и автономных республиках. Процесс, как любил говорить Горбачёв, пошёл. Страна из Федерации на глазах превращалась в Конфедерацию. Самые главные события разворачивались в России. В 1990 году здесь так же, как и в Союзе, появился Съезд народных депутатов РСФСР. Демократы и тут развили бешеную активность. В своём обращении к избирателям группа их видных представителей (Г. Старовойтова, И. Заславский, С. Станкевич, Г. Гдлян) демагогически обвинили руководство КПСС в предательстве заветов большевиков и зая-

вили о своей приверженности идеалам Великого Октября. Расклад сил в новом российском парламенте отразил новые веяния в стране. От нескольких миллионов рабочих в Москве был избран один депутат.

Трагическим выглядело фактическое поражение на выборах «Общественно-патриотического движения России», кандидаты которого проиграли во всех крупных городах. В Волгограде известному советскому писателю-фронтовику, участнику Сталинградской битвы Ю.В. Бондареву предпочли какого-то переметнувшегося к демократам комсомольского работника. Теперь уже никто не помнит его имени и не знает, куда он девался. Зато убедительную победу одержали люди новой формации — кооператор-миллионер Артём Тарасов и ему подобные. Обрела Россия и своего лидера, прежде опального Бориса Ельцина. Он добился избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Через год Ельцина в результате всенародного голосования избрали президентом РСФСР. Соответственно, его легитимность стала уже выше легитимности Горбачёва. Демократы победили и на выборах в Московский и Ленинградский Советы. Власть в Москве оказалась у Г. Попова, в Ленинграде — у А. Собчака. Партия же была не готова к работе в новых условиях и всё больше теряла рычаги управления процессами, происходившими в стране. К власти рвались откровенные авантюристы. Широкую популярность получил лозунг, который с экранов телевизоров прокричал фальцетом один кавээнщик: «Партия, дай порулить!» Уже с весны 1990 года демократы стали создавать партии, оппозиционные КПСС.

Вначале возникла Российская социал-демократическая партия во главе с О. Румянцевым и А. Оболенским. Любопытно, что они сразу же отмежевались от традиционной западной социал-демократии. «Перед нами, — пояснял один из членов правления партии, — стоит задача, противоположная стоящей перед социал-демократами Запада. Они социализируют капитализм, а мы капитализируем социализм». Затем образовалась Демократическая партия России во главе с недавним пламенным ленинцем Н. Травкиным. Появились и другие партии. Все они насчитывали в своих рядах от нескольких сот до нескольких тысяч человек, но сразу же обнаружили свою чрезвычайную агрессивность. Зазвучал боевой клич: «Никакого коммунизма, никакого социализма!» А в КПСС давно уже назревал раскол, и она не смогла дать отпор подобным лозунгам. Когда-то монолитная организация, известная всему миру своими прогрессивными идеями и выдающимися свершениями, оказалась тяжело боль-

на. В ней начались разброд и шатания. Сам Горбачёв уже примерял на себя роль эдакого Лютера в марксизме. Отсюда и перестроечный миф о гуманном «розовом коммунизме»...

Демократизация и гласность

Начиная перестройку, Горбачёв провозгласил лозунг: «Гласность — основа демократии». С точки зрения политологии данная формула некорректна, ибо она подменяет причину следствием. Основой демократии, как известно, является закон, обеспечивающий всем равные права и возможности во всех областях общественной жизни, в том числе и свободу слова. Но очередная пропагандистская кампания закрутилась. Любой секретарь райкома партии, приезжая на завод, в колхоз или совхоз, первым делом спрашивал: «А как у вас обстоят дела с гласностью?» Миссию «агитатора, горлана, главаря» взяли на себя средства массовой информации. На роль маяков гласности были выбраны «Литературная газета», журналы «Огонёк», «Новый мир», «Знамя» и другие «демократические издания». Они обрушили на советский народ лавину критических материалов, не оставляющих сомнения: в стране всё ужасно. Появилась масса статей, шельмующих не только партийных и советских руководителей, но и неугодных Горбачёву деятелей культуры. Антисоветские идеи активно пропагандировали столичные публицисты И. Клямкин, Ю. Карякин, Н. Шмелёв, Г. Попов и другие. Особенно эпатажным тоном отличались некоторые телевизионные передачи («Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо»). Подняли головы так называемые «неформалы».

Сам Горбачёв наблюдал за этим как бы со стороны. В необходимых случаях он мог кого-то и одёрнуть, но в целом находился «над схваткой». Поначалу казалось, что в стране действительно подул свежий ветер, способный очистить атмосферу застоя. Но довольно быстро стало ясно, что в открытые идеологические шлюзы хлынул поток чуждых нам идей, мировоззренческих оценок и эгоистических стереотипов массового сознания. Литературные вечера в концертной студии Останкино заменили сеансами психологов-шарлатанов Чумака и Кашперовского, которые доводили людей до массового психоза. Дошло до того, что орган Московского горкома партии газета «Вечерняя Москва» сделала специальный выпуск, «заряженный» энергией Чумака. Номер шел нарасхват, и на чёрном рынке продавался он за большие деньги. Шла целенаправленная и широкомасштабная идеологи-

ческая и психологическая обработка населения в «демократическом духе» с целью дезорганизации общества, подавления у него естественного иммунитета и инстинктов самосохранения.

Развалу СССР предшествовал мощный идеологический прессинг со стороны Запада. Двуручническая политика Горбачёва позволила американцам применить новые информационные технологии. Специалисты хорошо знают, что, ломая структуру управления одного из антагонистов путём включения в неё информационных смыслов и кодов, можно превратить его в своего сателлита, что и удалось сделать США. Но прежде всего Горбачёву было нужно выпустить пар из котла, дать разрядку накопившимся у людей отрицательным эмоциям. Фирменным знаком кампании стала борьба с оскорбляющими чувство социальной справедливости необоснованными привилегиями партийно-государственной номенклатуры. Для этих целей была создана специальная комиссия. Её секретарь, профсоюзная активистка Элла Памфилова на всю страну позорила героя войны, боевого маршала за то, что он приобрел холодильник по остаточной стоимости. Рвавший в лидеры Б. Ельцин демонстративно ездил на общественном транспорте в районную поликлинику, а его жена таскалась с сумками и авоськами по рынкам и магазинам. Кто бы мог подумать, какими привилегиями обзаведутся все эти «демократы», придя к власти?!

В прошлом, если в газете или журнале появлялась критическая статья, то меры по ней принимались незамедлительно. А тут тонули корабли и подводные лодки, взрывались поезда, кооператоры растаскивали народное добро, а виновников если и находили, то только среди «стрелочников». У Маркса есть тонкое замечание о том, что общественное сознание разлагается в двух случаях: когда люди видят наказание без преступления и когда они видят преступление без наказания. Вторая часть тезиса Маркса в точности соответствует периоду перестройки и реформ. На верхнюю палубу полезли новые хозяева жизни: теневые миллионеры, валютные проститутки, просто дебильные громилы. Криминальная ситуация в стране постоянно ухудшалась, а правосудие молчало. Весь пар уходил в свисток, на который никто не обращал внимания. Начальство снисходительно посмеивалось: у вас, мол, свобода слова, а у нас — свобода слуха. Гласность хорошая, слышимость плохая, шутили остряки. Однако гласность — это не только право граждан открыто высказывать своё мнение по всем общественно-политическим вопросам, но и обязанность властей делом реагировать на

критику, учитывать рекомендации, поступающие от трудовых коллективов и общественных организаций. Более того, гласность предполагает открытость в процессе обсуждения и принятия важнейших государственных решений, широкую информированность людей, позволяющую им активно участвовать во всех делах страны. Горбачёвское руководство, уходя от режима чрезмерной секретности, стало проявлять большую беспечность в отношении сведений, составляющих государственную тайну. Так, после гибели подводной лодки «Комсомолец» в печати появились такие материалы, которые очень заинтересовали американскую разведку. В связи с этим американский контр-адмирал Т. Брукс отмечал: «Гласность позволила нам получить такие бесценные сведения о Советском Союзе, для сбора которых нам бы с применением традиционных разведывательных методов пришлось израсходовать миллионы долларов и потратить многие годы».

С другой стороны, своих граждан зачастую лишали самой жизненно важной информации. В полной мере это проявилось в случае с трагедией на Чернобыльской АЭС. Произошла катастрофа, аналогов которой не знала мировая история. Радиоактивному загрязнению подверглись одиннадцать областей СССР. В них проживало 17 миллионов человек, в том числе 2,5 миллиона детей до 5-летнего возраста. И вот о таком событии по Центральному телевидению в первый день было сказано всего несколько слов, словно о рядовом аварийном инциденте. Власти долго скрывали масштабы трагедии. Информацию из них приходилось выжимать буквально по каплям. Более того, стремясь создать видимость благополучия, людей сознательно подвергали риску радиационного заражения. Энергоблок на Чернобыльской АЭС взорвался 26 апреля 1986 года. Перед майскими праздниками первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий позвонил в Москву и услышал: «Если сорвёте Первомайскую демонстрацию, исключим из КПСС». Заложниками такой информационной политики стали миллионы людей, их жизнь и здоровье.

Дела в стране шли всё хуже и хуже. Очередные надежды на светлое будущее сменились изнурительными каждодневными стычками с унылым настоящим, очередями за предметами первой необходимости. Энтузиазм народа угасал, и, как заметил З. Бжезинский, в СССР «исторический оптимизм уступил место апокалипсическому пессимизму». Почта газет и журналов стала напоминать многоголосый стон: нас позвали, мы поверили, пошли в бой, а теперь оказались брошенными на произвол судьбы. Но, по мере того, как начали

накапливаться негативные последствия перестройки, Горбачев и его клика обнаруживали все меньше желаний открыто обсуждать острейшие проблемы современности.

Весь критический пыл горбачёвская пропаганда обратила на прошлое страны. Снова, как при Хрущёве, прочно оседлала тему культа личности Сталина и необоснованных репрессий. Ведь пинать мёртвого тигра безопасно, и опять же можно «без драки попасть в большие забияки». Началась откровенная спекуляция на трагедии народа. Косяком пошли романы А. Рыбакова, Бека и пьесы М. Шатрова. Никакими художественными достоинствами эти творения не обладали. Зато буквально с каждой страницы из них выпирали идеологическая заданность, чёткий социальный заказ. Шатров опубликовал в «Огоньке» записку, полученную от одной восьмиклассницы: «Мы начинаем проходить историю СССР, и изучаем её в основном по Вашим пьесам. Через три года нам сдавать экзамены в институт. Успеете ли Вы дописать к этому времени всю историю СССР?» Вся история СССР была в буквальном смысле дописана сподвижниками Шатрова в декабре 1991 года. А в конце 80-х они активно готовили для этого почву. Если при Брежневе в школы старались залучить участников боёв на «Малой земле», то теперь внук, приходя домой, говорил деду: «Ты — малоземелец, а у нас приглашают на вечер репрессированных».

Поистине роковой в руках бесчестных политиков стала националистическая карта. Они всячески растревляли старые межнациональные обиды, провоцируя разгул националистических страстей. Тема 1937 года не сходила со страниц газет и журналов, а во многих районах страны полыхали кровавые конфликты. Уже пролилась кровь в Карабахе, Баку, Фергане, а в иных местах, как во времена Чингисхана, носили человеческие головы на пиках. Характерно, что буквально накануне этих кровавых событий рупор либеральных демократов газета «Книжное обозрение» разразилась патетической тирадой: «Тьма нашего средневековья расступилась, занимается заря культурного Ренессанса, ставящего в центр всего человека. И, как некогда Мирандола, наша литература произносит сегодня свою речь о достоинстве человека», («Книжное обозрение» от 23.09.88). Жизнь жестоко посмеялась над подобным вычурным пафосом. Сам Горбачёв неоднократно высказывался в аналогичном духе, но в начале увязывал все вопросы с ленинским наследием. Так, в интервью итальянской газете «Унита» он заявил: «Могу сказать, что у нас в Советском Союзе наступила как бы эпоха Возрождения, возрождения творческого духа ленинизма».

Однако с конца 80-х годов сначала робко, а потом всё сильнее и сильнее начались атаки на Ленина и всю историю Советского общества. Осуществлялся план А. Яковлева, раскрытый им уже после развала СССР: сначала Лениным бьём по Сталину, потом Марксом по Ленину, затем уже либерально-демократической идеологией по всему социализму. Под флагом устранения «белых пятен» советская история вся сплошь закрашивалась в чёрный цвет. Перестроечная пресса стала в издевательских тонах писать о комиссарах гражданской войны, стахановцах, молодогвардейцах. Нашлись даже историки и писатели из числа духовных наследников генерала Власова, которые пытались ревизовать исторические итоги Великой Отечественной войны, уравнивать между собой Советский Союз и фашистскую Германию.

Собственно говоря, коллеги наших борзописцев на Западе всегда занимались тем же самым, но делали это более аккуратно. Перестроечный раж привёл некоторых из них даже в смущение. «Конечно, — говорил один из западных журналистов, — время от времени нужно встряхивать ковёр истории. Но почему вы всё время трясите его себе на голову?» Ведь вся так называемая кампания по «восстановлению исторической правды» почти сразу же выродилась в мазохистские саморазоблачения и самобичевания.

Нельзя сказать, что общественность страны безучастно взирала на такое развитие событий. В марте 1988 г. газета «Советская Россия» в дискуссионном порядке опубликовала письмо ленинградской преподавательницы Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Автор, по специальности химик, выражала тревогу по поводу того, что перестройка теряет социалистическую ориентацию, что под лозунгом «больше демократии — больше социализма» идёт массивное наступление на социалистические ценности. В общем, по характеру это была типичная дискуссионная статья с названием, навеянным словами Горбачёва, сказанными на только что закончившемся февральском Пленуме ЦК КПСС: «Мы должны и в духовной сфере, а, может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предложениями». Но теперь-то мы знаем, что Горбачев всегда говорил одно, думал другое, а делал третье. Главному редактору «Советской России» устроили разнос. Статью в течение двух дней клеймили позором на заседаниях Политбюро ЦК. Генсек требовал, чтобы все высказали своё мнение по данному вопросу. Людям, по сути дела, выкручи-

вали руки. От них требовали засвидетельствовать преданность политике Горбачёва. А 5 апреля 1988 г. в «Правде» появилась инспирированная горбачевским идеологом А.Яковлевым редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действия», где письмо Н.Андреевой квалифицировалось как «манифест антиперестроечных сил». Фактически это была отмашка для открытого выступления против социалистического строя и компартии как его стержневой основы. Не прошло и полгода, как один из лидеров «демократического Союза» И.Царьков, обращаясь к коммунистам, прямо заявил: «Погодите, скоро мы вас будем стрелять». («Московские новости», 1988, 8 сентября). Началась идеологическая травля, сродни какой-нибудь кампании по борьбе с «безродными космополитами». Гласность в стране в этот период оказалась монополизированной одной политической группировкой и стала походить на улицу с односторонним движением, на игру в одни ворота.

Россия против Союза?!

Никакая сила не развалила бы Советский Союз, если бы этого не захотела российская элита.

М.Бронштейн, лидер Народного фронта Эстонии

В конце 80-х годов на волне национальных движений в союзных республиках очень остро стал вопрос о России. Являясь стеновым хребтом, основной несущей конструкцией советского государства, Россия в СССР всегда оставалась на положении Золушки. Большая часть её хозяйственных объектов находилась в ведении союзных министерств. РСФСР подчинялись только 17% расположенных на её территории предприятий. В других республиках эта доля составляла от 25 до 60%. За счёт России в основном формировался бюджет Союза. Ежегодно более 70 миллиардов рублей перераспределялись из её кармана в пользу остальных республик. В результате, давая 61% национального дохода и 60% валового общественного продукта, по уровню жизни РСФСР оказалась на одном из самых последних мест. Обострилась демографическая проблема. Особую тревогу вызывало положение русской нации, уровень рождаемости которой стал заметно падать.

Все республики кроме РСФСР располагали соответствующими структурами, способными артикулировать национальные проблемы. Республиканские партийные, государ-

ственные и общественные организации занимались вопросами развития «титовых наций». Россия же не имела ни своей компартии, ни даже своей Академии наук. Любые проявления русского национального самосознания трактовались как «великодержавный шовинизм». Когда Ш. Амонашвили говорил о грузинской школе, это воспринималось вполне благосклонно. Идея же русской школы отвергалась с порога. Неудивительно, что в среде национально ориентированной интеллигенции крепло убеждение, что России нужна экономическая и духовная самостоятельность. Хватит быть безропотной «дойной коровой», да ещё терпеть попреки «младших» братьев. Пора получить равные права с другими республиками и разобраться, наконец, кто, кому и сколько должен.

С учётом особого статуса партийных структур в жизни советского общества большие надежды связывались с компартией РСФСР. Она была создана вопреки желанию Горбачёва, который, по словам его помощника А.С. Черняева, «железно» стоял против полного статуса России в качестве союзной республики. В демократических СМИ российскую компартию сразу заклеили как скопище коммунистических фундаменталистов и ретроградов. Как будто Азербайджанская, Армянская и другие республиканские компартии были более авангардны. Тем не менее, дело всё-таки сдвинулось с мёртвой точки.

Однако роковым обстоятельством для страны стало то, что идея обновления России, выдвинутая национально-патриотическим движением, была перехвачена политиками либерально-демократического толка. Они призывали к возрождению демократии, не расшифровывая и не раскрывая в достаточной мере это понятие. А между тем, русофобствующая часть демократов под псевдodemократическими лозунгами взяла курс на расчленение и уничтожение исторически сложившегося российского государства, именовавшегося тогда Советским Союзом. Их лидером, кумиром и божеством в этом деле стал Б.Н. Ельцин, который превратил свой конфликт с Горбачёвым в борьбу между Россией и СССР. Выступая 30 мая 1990 г. в российском парламенте он заявил: «Россия будет самостоятельной во всём, и решения её должны быть выше союзных».

По инициативе Ельцина Съезд народных депутатов РСФСР принял 12 июня 1990 г. «Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Она предусматривала верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей тер-

ритории Российской Федерации и приостановление действия союзных актов, вступающих в противоречие с суверенными правами России. Голосование прошло в обстановке редкостного единодушия: «за» проголосовали 907 человек, «против» — 13, «воздержались» — 9. Депутаты, стоя, бурей оваций приветствовали это «судьбоносное решение». Ну, ещё бы! Прямо посреди «Империи лжи» взметнулась «Республика правды» с новой голодной номенклатурой во главе. Естественно она сразу повела борьбу за находившиеся на территории РСФСР финансовые и материальные ресурсы. Активно создавались параллельные союзным государственные структуры. Так возникло «Министерство печати и информации». Демократы считали, что без «четвёртой власти» нельзя сделать демократию «необратимой».

Существенным моментом, поставившем под вопрос целостность уже самой Российской Федерации, стал пункт Декларации о расширении прав автономных республик, округов, а также краёв и областей РСФСР. На повестке дня стояла проблема разработки Федеративного Договора, который определил бы правовую основу новой российской государственности. И здесь возникли те же вопросы, что и на союзном уровне. Ведь структура многонациональной РСФСР во многом повторяла структуру Союза ССР.

Между тем, волны суверенитетов, захлестнувшие союзные республики, докатились до российских автономий. И катализатором данного процесса стал не кто иной, как сам Б.Н. Ельцин. Начав борьбу с «центром», с «железной хваткой Кремля», он старался заручиться поддержкой других региональных лидеров. Мало того, что он поддерживал сепаратистские движения в Прибалтике, он начал активно разыгрывать националистическую карту в автономных республиках, входящих в состав России. В августе 1990 г. в ранге Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцин совершил грандиозное турне по целому ряду регионов. И вот, находясь в Татарстане, он произнёс свою «эпохальную» фразу: «Берите себе суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Воспользовавшись моментом, автономные республики и области с места в карьер стали «глотать суверенитеты», принимая об этом соответствующие декларации. К лету 1991 г. они были приняты практически во всех автономных республиках и областях. Характерно, что у всех у них исчезли из названия слова «автономная» и «советская». В документах, как две капли воды похожих на российскую декларацию, содержались те же требования: верховенство республиканского законодательства над российским, право собственности рес-

публик на природные и производственные ресурсы на их территории и т.п. А в некоторых регионах (Чечне, Татарстане) зазвучали призывы к независимости не только от Союза, но и от России.

Масло в огонь добавил популистский, без всякого механизма реализации Закон, принятый Верховным Советом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», резко накаливший обстановку на Северном Кавказе. Уже с марта 1991 г. начались столкновения ингушей с осетинами. Ингуши явочным порядком занимали осетинские дома под тем предлогом, что до 1944 года они принадлежали им. В Чечено-Ингушетии и Северной Осетии появились национальные вооружённые формирования. Начался разгул националистической стихии. Особо острое положение создалось в Тувинской АССР, где экстремистские элементы инспирировали акты насилия над русским населением. Появились лозунги: «Русские, убирайтесь за Саяны!», «Тува — для тувинцев!». Но Ельцин по-прежнему был занят «борьбой с центром». 9 марта 1991 г. в своём выступлении в Центральном Доме кинематографистов он призвал «объявить войну руководству страны, идти в наступление, засучив рукава, и уже кулаки поднимать». Но для наступления нужны соответствующие силы, и Ельцин готовился переподчинить себе органы госбезопасности, находящиеся на территории РСФСР.

В мае 1991 г. было принято решение об организации российского КГБ. Особенно громкий резонанс получило заявление о том, что России нужна собственная армия. Но в российском парламенте многие уже начали понимать, к чему всё это ведёт. Да и экономические итоги года ельцинского правления выглядели более чем удручающими. Национальный доход уменьшился на 21 миллиард рублей, а инфляция достигла 17,5%, заметно снизился жизненный уровень россиян. В феврале 1991 г. на сессии Верховного Совета РСФСР все заместители Председателя ВС и Председатели его Палат выступили с резкой критикой политического курса ельцинского руководства и призвали к созыву внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР. Особенно остро и эмоционально прозвучало выступление С.П. Горячевой: «Это страшный человек, — говорила она. — Он погубит Россию».

III внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР открылся 28 марта 1991 г. в очень сложной обстановке. К этому времени достигла своего пика волна шахтёрских забастовок. Только в Кузбассе бастовали 46 угольных предприятий. Забастовки горняков разрушали производственно-технологическую цепочку: угледобыча, металлургия, энергетика и т. д. Катастрофа уг-

рожала всему народному хозяйству. Тем не менее Ельцин и возглавляемые им «демократы» активно поддерживали забастовочное движение: «Давайте мы действительно в эти боевые их ряды вольёмся и им поможем, а они нам помогут. Объявим войну руководству страны». (Из выступления Ельцина в Центральном Доме кинематографистов 9 марта 1991 г.)

Неспокойно было в Москве. На её улицах появились боевая техника и усиленные наряды милиции. Возбуждённые депутаты заявили, что невозможно работать, находясь «на осадном положении» и «под дулами автоматов». По их требованию войска были выведены из столицы. На съезде Ельцин одержал очередную победу. Он не только получил одобрение своего курса, но и добился для себя новых полномочий. Теперь он мог издавать распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории РСФСР, включая введение мер чрезвычайного характера. Он триумфально шествовал к посту президента России, выборы которого III Съезд народных депутатов назначил на 12 июня 1991 г. Депутаты и не подозревали тогда, какую мину, они закладывают под фундамент советской власти и чем это всё обернётся для них через два года. Выборная кампания была ограничена очень жёсткими сроками: 25 дней на выдвижение и регистрацию кандидатов и не более двух недель на агитацию за них. Она представляла собой что-то неопишное. Взвинченные толпы народа на улицах и площадях иступленно скандировали: «Ельцин! Ельцин!». Люди, словно библейские свиньи, в которых вошли бесы, очертя голову устремились к пропасти и обеспечили своему кумиру победу уже в первом туре.

После избрания Ельцина президентом РФ «война законов» перешла в новую стадию. Россия, а по её примеру и другие республики фактически прекратили платежи в союзный бюджет, остановив тем самым финансирование предприятий союзного значения.

В обстановке поразившего страну социально-политического кризиса IV Съезд народных депутатов СССР принял в декабре 1990 г. постановление о проведение референдума, который должен был решить судьбу Союза. Вопрос, вынесенный на референдум, формулировался так: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой Федерации равных суверенных республик?» Ответ требовался однозначный: «да» или «нет». Оппозиция в лице партии «Демократическая Россия» призывала сказать «нет» обновлённому Союзу.

Первый в истории страны референдум состоялся 17 марта 1991 г. В нём приняло участие 148 миллионов 574 тысячи 606

человек, или 80% имеющих право голоса. Из них за сохранение Союза высказалось 103 миллиона 512 тысяч 812 человек или 76,4% от принявших участие в голосовании. Итоги референдума впечатляли, но они не сняли напряжения в обществе. Социально-политический кризис продолжал углубляться. Горбачёв, сидя задом наперёд, нёсся, не зная куда, на диком мустанге по имени «перестройка». Страна катилась в пропасть. Обстановка в государстве стала напоминать ту, что сложилась в Германии накануне прихода к власти фашистов: та же истерия в средствах массовой информации, те же атаки против компартии. Летом 1991 г. в окрестностях Челябинска нашли убитым мужчину с запиской на груди: «Он был коммунистом». Возник сакраментальный вопрос: что делать?

В подобной ситуации руководство СССР пошло на разработку нового союзного договора. Такой договор предлагали заключить народные фронты Прибалтики ещё в 1989 г. Но в то время данная идея не нашла поддержки Центра. И только тогда, когда центробежные тенденции набрали силу, Горбачёв, наконец, осознал важность поднятой проблемы и приступил к её обсуждению. Но это уже была тактика при проигранной стратегии. Проект нового договора, составленный после долгих препирательств с лидерами союзных республик, превращал страну не в федерацию и даже не в конфедерацию, а в какое-то аморфное, неопределённое образование. Его содержание полностью расходилось с волей народа, выраженной на референдуме. Договор планировалось подписать 20 августа 1991. Но все трезвомыслящие политики понимали, что делать этого нельзя, так как подобный документ ставит крест на СССР как на субъекте международного права.

Окончание следует

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

И вот я в купе поезда. Со мной — одна попутчица Татьяна из Тирасполя. Ровесница моя. Разговариваем. В храм она не ходит, но в Бога верит. В общем, немножко верующая. Мне неудобно перед женщиной непричесанным — все карманы излазил, но расческу не нашел. До этого рассказывал, какая у меня чудесная жена, и решил продемонстрировать на деле: «Вот сейчас позвоню, и она мне скажет, что я забыл». Татьяна недоверчиво улыбнулась. Набрал номер: «Я забыл всего одну маленькую, но очень нужную вещь. Два-три раза ею каждый день пользуются...» Мариша задумалась ровно на полсекунды: «Расческу». Я: «Гений ты мой. А Татьяна, попутчица моя, не верила, что ты сразу ответишь». Татьяна была потрясена и с еще большим интересом слушала о том, какими дорогами мы ходим. Даже захотела купить мою книгу. Я обрадованно возразил: «Покупать не надо. Я вам подарю, а вы мне купите в Перми (она там выходила) расческу». Когда Татьяна подала мне на перроне расческу: «Подойдет?», пожилая проводница, наша забайкальская, брат-

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

сковатенькая (на бурятку похожа, а бурят у нас называют братскими) веско: «Красоту не испортишь»...

На место Татьяны опять подсел один попутчик Сергей Бочковский. Инженер-строитель и тоже немножко верующий. До того наговорились, что голос у меня пропал. На прощанье подарил ему «Борисоглебскую осень», а «Ближних» пожалел, мол, пачку распечатаешь и неудобно будет нести. Бочковскому очень хотелось получить вторую книгу, и он сообразил своим инженерным умом: «Я на станции скотч куплю и запакую вам потом пачку». Этот скотч очень мне потом пригодился. Пришлось несколько раз пачку распечатывать — такие хорошие попутчики попадались. Всем было интересно слушать про «дороги, которыми мы с Маришей ходим»...

Думаю, потому больше одного соседа у меня не было до самого Улан-Удэ. Господь не позволил лишним оказаться в нашем христианском купе. Словно в «СВ» ехал...

В Новосибирске вошел молодой парень. Улыбнулся, и я почувствовал: это распахнутая русская душа. Так и оказалось. Он доверчиво рассказал, что зовут его Алеша Вахромеев, что этой весной пришел из армии. Бабушка ждала его больше матери, встретила и на третий день умерла.

Алеша до армии закончил техникум, и теперь работает электромехаником на железной дороге, и заочно учится в железнодорожном институте. Прямо спросил его: «Ты как к вере относишься?» Он достал из-за пазухи крестик. Тут же рассказал историю. Один друг привез ему с Тибета талисман, на котором Будда. Алеша повесил его на один шнурок с крестом. Талисман почему-то три раза отрывался и падал. Алексей понял: что-то здесь не совмещается, и он снял его совсем. А другу объяснил: «Прости, но я не буду его носить — он не может рядом с крестом...»

Алеша уговорил маму уйти с работы, мол, хватит тебе надрываться — я тебя прокормлю. Очень ему понравилась одна девушка деревенская. Не курит, не матерится. Хочет на ней жениться и иметь много детей. Я засмеялся: «Зачем тебе много?» Он даже удивился: «Дети — это счастье. Чем их больше, тем ты счастливей». С жадностью слушал мои рассказы о Иринарховском крестном ходе... Книги мои бережно завернул в газету. Правда, признался, что художественные не читает — некогда. Я заметил, что святитель Феофан Вышенский писал: «Некогда — это уловка дьявола». Алеша сразу согласился и твердо пообещал мои книги обязательно прочитать. Я ему растолковал, что какие-то пять страниц перед сном могут жизнь человека перевернуть. Пять страничек перед сном! Потом все равно захочется больше. Начни хотя бы

с пяти страниц. «Давай я тебе список хорошей современной литературы составлю». Он: «Да нет, спасибо. После нашего разговора мне захотелось по-настоящему перечитать Тургенева, Гоголя... В школе-то так себе пробежал».

Ночью Алеша сошел в Юрге. Удивительно чистый, живой русский парнишка. Я думал, таких уже нету. Обнялись мы с ним, пожелал я ему в жизни «бархатного пути». Это я мимоходом посетовал, что от стука колес устал с непривычки — давно на поезде не ездил и в деревне живу в тиши. А Алеша утешил: «От Юрги тысяча километров бархатный путь. Стыки — один на километр. Там отдохнете...»

В Западной Сибири — равнина и царство белых берез. Одни березы. Очень-очень белые. Издалека на них будто и пятен черных нет. После Ачинска — царство елей. Сплошные елки. Редко-редко сосна и береза. И замела здесь белая метель — словно грозная еловая рать пошла в наступление на железную дорогу...

Выходя из купе, глянул в зеркало. Глаза у меня стали синими-синими, как в детстве — на родину еду...

Так жарко топят в вагоне, что на второй вечер испортилась курица, утром третьего дня — яйца и манник. Остался я с хлебом, геркулесом и медом, а ехать еще двое суток. Вскоре сообразил: это Господь меня к причастию готовит. Чтобы я на родине по-настоящему причастился, а то уж было уговорил себя, что я путешественник и жалко Маришины приготовления выбрасывать. А Мудрейший распорядился лучше...

В Красноярске вошла очаровательная девушка. Нет, не вошла, но заполнила купе своей молодостью. Я было порадовался очередному доброму попутчику, но... Девушка хозяйственно, не спрасясь, переложила свой матрас на мое место, на столе отодвинула мои продукты и поставила свои. Быстро постелила постель и, усевшись по-йоговски, раскрыла детектив. Сразу стало темнее. Это была пассажирка явно другого духа, чем прежние соседи. Все же спросил, кто она. Риэлтер. За двое суток в моем купе подобные слова не звучали: риэлтер. Стало все понятно, и решил больше не разговаривать и книги свои не дарить. Она увлеклась чтением, и в ней проступила прежняя миловидность. И жалко стало сразу ей такой приговор объявлять. Дал последний шанс: «Крест носите?» Думал, она, как риэлтер, удивится такому вопросу и тогда уже все, но она простодушно ответила: «Нет, но собираюсь весной креститься. Подруга просит меня быть крестной своего сына». Пришлось сказать, кто я и чем занимаюсь. Она тоже представилась: «Женя. А где ваши книги мож-

но купить?» Я испытывающе глянул на нее: «Вы как к собакам относитесь?» Она оживилась: «У нас две. Байкал и Тайга. Я их очень люблю». Почувствовал близкое дыхание родины — в моем детстве у нас в Забайкалье самые распространенные клички собак Байкал и Тайга... Женя подала свой мобильник. На фото красовалась крупная сибирская лайка. «Это наш Байкал». Я совсем раздобрился: «Придется вам мою книгу подарить. Уж «Рабочую собаку» вы непременно прочитаете. Руки у вас ловкие?» Она: «Ловкие». Разодрал пачки, подарил ей книги и убедился, она сказала правду — ловко запечатала пачки скотчем. Я признался, что не хотел с ней даже разговаривать, не то что книги дарить. Женя печально: «Если риэлтер, то уже и не человек? Сейчас многим приходится не своим делом заниматься. А в дороге лучше всего детективы читать». Насчет детективов я ей пояснил: «Все, что мы видим, слышим, читаем, отпечатывается на нашей душе, хотим мы того или не хотим. Потому надо по возможности стараться плохое, некрасивое, пошлое, низкое не видеть, не слышать...» Женя спрятала детектив поглубже в сумку и открыла мою «Борисоглебскую осень». Вскоре на глазах у нее заблестели слезы.

В Тайшете Женя сошла. Глядя ей вслед, я со стыдом вспомнил, как частенько говорил о нынешней молодежи, что она пропащая, бездушная, не та... Нет, неправ я был. Просто некому им сказать про прямые дороги. Из телевизора, газет и журналов одна муть льется, все там о кривых дорожках, ведущих в ад. Замечательные ребята Алеша Вахромеев и Женя...

После Иркутска совсем родное — сопки, а на них сосновое царство. Чувствую, скоро Байкал. В тамбуре прильнул к окну. Но пришлось вернуться в купе. Девчонка лет шестнадцати развозит продукты и уныло: «Колбаса, яйца, печенье...» Через час, уже молча, назад катит почти полную коляску — ничего не взяли. Жалко ее стало — коляска тяжелая, покатай-ка ее по вагонам. От одного открывания и закрывания дверей устанешь. А девчонка маленькая совсем. Шутливо пригрозил ей: «Если в следующий раз с полной коляской будешь возвращаться — не пропущу тебя». Она заулыбалась и уже весело, громко: «Беляши горячие, пирожки горячие...» Люди начали выходить в тамбур и покупать. В следующий раз коляска у нее была почти пуста и я притворно опечалился: «Придется тебя пропустить». Она благодарно засмеялась и предложила мне пирожок. Я отказался, объяснив, что готовлюсь к причастию. Девчонка глянула на меня задумчиво.

По вагону проходят женщины: «Омуль копченый». Я, конечно, купил побольше. Вскоре все в купе запахло омулем.

Родиной моей! Снова я в тамбуре — жду Байкал! Вдруг перед глазами словно сизый голубь промелькнул. Через несколько секунд — еще один. Это Байкал! Сердце забило чаще. И вот на целых три секунды открылся. Глядя на белые барашки волн подумал: «Море немножко волнуется». И сам удивился: впервые в жизни назвал Байкал морем. Раньше, в молодости, даже неловко было, когда кто-то из наших морем его величал. Казалось, это как-то фальшиво. А тут почувствовал — передо мной море...

Поезд часто поворачивает, и из окна виден хвост его. Чайки выются над морем, и невольно вспомнился дядя Андрюша Батурин, муж моей любимой двоюродной бабушки Василисы, один из самых родных нам людей — столько он нам дров переколол и был самым бескорыстным маминым помощником. В застолье родственном дядя Андрюша непременно пел: «Не вейтесь чайки над морем...» Конечно, представлял он тогда именно Байкал, этих чаек, эту сизо-зеленую с белыми гребнями волн грозную стихию...

Перед Слюдянкой море в тридцати шагах от рельсов. На станции неторопливо пробежал по путям черный песик. «Наш, слюдянковский», — отметил я с нежностью. Проживя больше двадцати лет на Ярославщине, я стал считать себя ярославцем, но ведь как подумал про песика: «Наш слюдянковский...» Нет, забайкальское во мне неистребимо...

Несколько часов стоял в коридоре — глядел на Байкал. Поесть некогда было. Кажется, все — море закончилось. Сажусь есть, но двери не закрываю — вдруг оно, ненаглядное, еще мелькнет. И мелькает. Сквозь белые стволы берез — зеленое море с белыми гребнями волн. Снова бегу в коридор и смотрю, смотрю... Все оно реже, все мельком... вот и снова «сизым голубем»...

На вокзале встретил помощник отца Петра. Только вышли из машины возле обители, батюшка подъехал: «Сергей Антонович, с прибытием на Родину. Идите позавтракайте, отдохните. А я на службу». Но я же не отдыхать приехал: «Отец Петр, а можно мне с вами на службу?» Он обрадованно: «Пятнадцать минут у вас».

Широкая дымная полоса солнечного света из верхнего окна в алтаре падала на пол перед амвоном и прямо на батюшку. Когда он стал причащать, люди расступились, и этот солнечный луч, отразившись от чаши, от всего облачения, позолотил и мои ресницы. Даже трудно было смотреть, и я счастливо прищуривал глаза. Была Дмитриева суббота. На проповеди отец Петр отметил, что Бог попустил татарам пле-

нить нас за наши междоусобные братоубийственные войны за землю; что преподобный Сергей Радонежский первый помянул в этот день воинов, убиенных на поле Куликовом, и он же благословил их на битву с татарами. «За други своя они души положили... Когда русские покаялись, тогда Бог дал им татар победить...»

На всенощной батюшка растолковал, почему Господь трижды спросил: «Симоне Ионин, любишь ли мя?». «Это Господь так считает. Трижды Петр отрекся от Него и Он трижды заставил его прилюдно, при других апостолах, покаяться». В заключение призвал: «Надо жизнью своей свидетельствовать о Боге. Бумажку с дороги убрать. Не теряться в массе. Не стесняться быть христианином — это тоже, как у Петра, отречение от Христа!..»

На елеопомазании отец Петр так щедро, от всей души помазал, что все лицо у меня залило елеем. Счастливо растер его по лицу, по шее... Никто так обильно меня не помазывал! В это время увидел: на меня как-то нагло смотрит молодой парень, явно не христианского духа. Наши так нагло не смотрят. Я сел на лавочку, а он — рядом. Вдруг глухой капюшон на голову натянул. Хотел отойти от него, но вспомнил проповедь отца Петра, что не надо от Христа отрекаться, спросил: «У тебя голова болит?» Он: «Нет». — «В головном уборе в храме мужчинам нельзя». — «Почему? Вон священники в головных». — «Им положено». — «Может, и мне положено. Откуда вы знаете». Я молча встал и отошел, но потихоньку перекрестил его. Потом снова увидел этого парня. Он был уже без капюшона. То ли мой крест подействовал, то ли кто-то еще не постеснялся быть христианином...

Первые два дня был на всех службах с отцом Петром. Еще в поезде решил особо не надоедать ему, а общаться в основном в машине. Оказалось, и в машине не поговоришь — по магнитофону монах Псалтирь читает. А во время чтения псалмов Давидовых как разговаривать! Но вспомнил рассказ одного знакомого, как старец Николай Гурьянов не смог принять его, а он безропотно приложился к дверям дома и потом во сне получил ответы на все вопросы, с которыми ехал... А я столько времени нахожусь рядом с батюшкой. Что еще нужно? Просто слушать, смотреть внимательно, и получишь, что требуется. А потом уже и разговаривать не хотелось — как этот монах читает псалмы, я в жизни не слыхивал. На тончайшей грани между любовью и страстью. Между ними есть тончайшая грань, и удержаться на ней могут только величайшие художники. Безо всяких усилий он брал мое сердце, и оно таяло от слов Давидовых. И я, наконец, услышал прекрасное и великое: «Радостию холми препояшутся». Уже не-

сколько лет я читаю каждый день по кафизме, а так и не понял этот удивительный образ, что радостью Божественной могут даже бездушные холмы препоясаться... Думаю, отсюда величественное пушкинское «На холмах Грузии». Некоторым может показаться, что Пушкин неточен. Принизил горы кавказские. Нет, Пушкин поднял их на Божественную высоту псалмов Давидовых «радостью холми препояшутся». Тремя словами Пушкин прославил Грузию, как редко кто. Холми Давидовы Божественны — они выше всех гор земных! Эта пушкинская строка часто звучит во мне, просится на язык, и я несколько раз с наслаждением повторяю «На холмах Грузии»... С ударением на первом слоге...

Ночевал с субботы на воскресенье в гостинице женской обители. Ничего мне не снилось. Но, главное, впервые за много лет, я не чувствовал во сне своего тела. Обычно все приспособиваешься: то позвоночник ноет, то нога... Не забываешь о них даже во сне. А тут не просто не чувствовал, но совсем забыл про свое тело — на родине ночевал, у отца Петра...

Вечером исповедовался батюшке. После исповеди он, словно не заметив, что я уже прикладывался ко кресту и Евангелию, заставил еще два раза приложиться. Немножко даже строговато заметил: «Неправильно крестишься. Показал как надо и напомнил: крестом освящаются через лоб — ум, через живот — чувства, а через плечи — дела.

Потом мы трапезничали и я сказал, что, наверное, напишу в повести «Мама» и о нем. Он строго: «Меня не упоминать. Иначе паралич!» Я даже испугался: «Господи, помилуй». Отец Петр уточнил: «Не вам паралич, а мне». Я еще больше испугался: «Тем более, Господи, помилуй». Очень я разволновался — ведь затем и приехал, чтобы написать: «Батюшка, я ведь не волен в своих писаниях. Ведь это не я пишу, а это Бог через меня говорит. Я ведь телеграф, что мне передано, то другим передаю. А если не передам, то Бог с меня спросит». Отец Петр смягчился и промолчал. У меня на душе отлегло. Я заметил, если он не согласен, то непременно скажет, а если молчит, значит — одобряет.

Утром радость небывалая — причастился я на родине, в Забайкалье моем. Даже не мечтал о таком...

После обеда отдохнул в своей келье и отправился на ежедневный крестный ход вокруг обители. Песчаная дорога вдоль забора. Обочь — сосны, сосны... Холод такой, что мозги сдавливает когда шапку снимаешь во время пения тропаря Кресту. Вернулись ко воротам в сумерках. Было нас человек двадцать. Пение не очень живое — губы от холода плохо слушаются, но на сердце весело...

Еще на первой трапезе отец Петр посожалел, мол, ожидал меня раньше, а теперь он через три дня улетает в Москву на целую неделю. Я сначала растерялся. Потом успокоился и даже сказал ему: «Я уже понял, что затем и прибыл в Забайкалье, чтобы еще больше полюбить Борисоглеб, чтобы понять, насколько же он для меня дороже всех мест на земле». Батюшка глянул на меня изучающе: «Вы с какого года?» Я обрадованно: «С 1951. Мы же с вами ровесники!» Он усмехнулся одними уголками губ и я поправился: «Годами, батюшка, годами...» Он улыбнулся добро...

На службах было очень тяжело. В поезде последнюю ночь не спал, да и здесь по пять часов. Засыпал стоя. Падал, но успевал проснуться и остановить падение. Наконец, сообразил: в какой-то раз не успею проснуться и грохнусь на пол. Сел на лавку. Но и тут та же история. Отключался и чуть с лавки не падал. Отклонился посильнее назад. Заснув, ударился затылком о стену. Вообще-то, пять служб за три дня! Да еще правила в монастыре, да ежедневные крестные ходы!... Для меня, мирянина, нагрузка непривычная, а матушки и батюшка хоть бы что. Бодрые, свежие.

В этом городе у меня есть друг Федор Ш. — он больше года прожил в нашем Борисоглебском монастыре трудником. Позвонил ему, мол, так и так, собирались с отцом Петром съездить в Мухоршибирь, на мою родину, но он улетает в Москву. Даже не успел закончить Федор, как всегда невозможно: «Антоныч, я тебя свожу в Мухоршибирь. Только больше трех дней не смогу — работа». В тот же вечер он устроил меня на квартиру к одной женщине, чтоб на другое утро, не мешкая, отправиться в путь.

Людмила Петровна встретила радушно: попотчевала щами с «диким мясом» (изюбрятиной). Во время ужина удивленно молвила: «Успела немного вашу книгу почитать и подумала: что же он так о собаке пишет, будто детей у него не было». Я подтвердил, что общих детей нам с Маришей Бог, действительно, не дал, но все же надо дочитать до конца, и все станет ясно. Я заметил, «Рабочая собака», открывающая книгу, четко проявляет людей. У кого сердце неразвитое, тот не понимает эту повесть. Хотелось верить, что у Людмилы Петровны оно развитое. Спросил: «А где ваш муж?» Она махнула рукой: «В больнице лежит...» По ее жесту понял, болезнь у него на Руси самая распространенная. Людмила Петровна поведала, что «и книги ему давала, и примеры были, а он никак к вере не придет». С такой жесткостью, с неуважением она: «У меня отец все умел, а муж какой-то индифферентный. Я не понимаю, как это мужик ничего не умеет...» Стало ясно, почему муж так уперся в своем неверии, но я промолчал...

Утром отстояли с ней Литургию в честь святителя Димитрия Ростовского, не раз помогавшего мне, как младшему собрату — по перу... И тут он помог: дал нужные слова для Людмилы Петровны. Она же после завершения службы снова подошла, удивленно подняв брови: «Вы почему благословение не взяли — в такую дальнюю дорогу собираетесь?» Я улыбнулся: «Я взял». — «У кого?» — «У игумена Борисоглебского монастыря, у отца Петра». Но она не угомонилась: «Все равно надо было взять». Я вспомнил, когда пели с ней молитвы перед едой и потом благодарственные, она все норовила петь первым голосом, «сверху»... И при прощании, поблагодарив за хлеб-соль, я сказал слова, внушенные святителем Димитрием: «Людмила Петровна, будьте к мужу добрее, поласковее...» Она впервые смутилась и сразу как-то посветлела: «Мне и батюшка так говорит... Я пыталась несколько раз...»

И вот летим с Федором сибирским трактом в мой Мухоршибирь. Мороз и солнце, но снега нет. В машине тепло и, кажется, что за окном позднее лето. Радостно подумал: «Как я удачно приехал. Сразу будто два времени года увидел: осень и лето». Долины рек, сопки слева и справа. Федор — богатырь. Ручищи огромные, и сам он такой спокойный, невозмутимый, душевный. Есть люди, которых я люблю с первого взгляда. Федор из таких. У него непрестанное желание делать другим добро. Но судьба очень непростая. Впервые задумался о жизни всерьез на лесоповале в Коми... Как-то повесили они сети сушить, а в них две птички запутались. Что делать? И птичек жалко и сети тоже. Рыбки-то поесть на лесоповале очень даже не лишне. Но взял Федор нож, раскромсал сети. А люди потом похвалили, мол, ты Божьих птичек выпустил, именно эти птички, когда Господь наш Иисус Христос на кресте страдал, пытались гвозди вынуть. Слова эти Федор сложил в своем сердце, хотя был тогда неверующим. Вскоре на тракторе попал под поезд. Трактор вдребезги, а на нем ни одной царапины. Тогда-то подумал: это Бог за тех птичек спас меня. Случилась катастрофа в день поминовения Екатерины великомученицы. С тех пор Федор сугубо ее почитает. В Бога-то он поверил, но в общего. Как многие. Дескать, главное, знать, что Бог есть, и веровать, а остальное не важно. Но Бог не оставил Федора своей милостью — смертельно он заболел. Умирал. От девяноста килограммов весу осталось пятьдесят! Сосед как-то решил утешить его, мол, все умрем, но Федор вдруг уверенно произнес: «Я не умру. Завтра Боженька пошлет мне священника». И на другой день православный священник вошел в палату: «Кто желает окреститься?» Федор онемел от счастья. Через две недели он

был здоров. И Федор оказался тем евангельским «прокаженным», который один из десяти исцеленных вернулся поблагодарить Христа — воцерковился, зажил совсем по-другому, ну а доброты ему от родителей досталось предостаточно. Поэтому и птичек Божьих пожалел... Конечно, не все и потом легко и гладко было, но в трудную минуту Федор становится на колени и просит: «Ты меня создал — давай, помогай...» И помогает...

Семья Мурзиных — наши самые близкие люди. Нэля, жена Петра Григорьича, всю жизнь проработала у нашей мамы помощником. Петр Григорьич, быв сначала инструктором в райкоме партии, тоже многому научился у нашей мамы. Потом его назначили редактором районной газеты, и я перед поступлением в МГУ на журфак работал у него корреспондентом. Следом брат Валера... Они всегда помогали нам — мама одна растила нас четверых. Если Петр Григорьич на охоте добывал гурана, то нам непременно посылалось несколько килограммов вкуснейшего мяса...

Конечно, встретили нас с распростертыми объятиями. Сгношили ужин. Зная, что они неверующие, я молча перекрестился, но Федор, как всегда невозмутимо, предложил: «Молитву перед едой прочитаем?». Неожиданно и Нэля, и Петр Григорьич, и дочь Лена, и ее муж Федор обрадованно закивали головами. Нэля с Леной даже подпевали нам, и я понял, они пришли к Богу. За ужином Петр Григорьич подтвердил мою догадку: «Сережа, что бы ты сказал, если бы я окрестился?» Я радостно: «Что одним хорошим человеком в православии стало больше». Он достал из-за пазухи крестик. Это настоящий коммунист! Не из тех, кто поскорее выбросил партбилет и бросился обворовывать народ, не из тех, кто, потеряв всякую совесть, публично признавался: «Коммунист во мне умер сразу, как только пришла демократия». Жалкие людишки. А Петра Григорьича, несмотря на разницу наших взглядов, я всегда уважал за честность, принципиальность и безкорыстие; теперь мы с ним оба православные. Крупный он человек, личность... Но что мне посчастливится рассказывать Мурзиным, «какими дорогами мы с Маришей ходим», я даже и не помышлял. А они слушали с жадностью. Так пьют воду после долгого блуждания в пустыне...

Конечно, вспомнили мою маму. Особенно врезался Петру Григорьичу один случай. Будучи уже редактором газеты, он опубликовал статью известного ученого о религиозных праздниках. Вторым секретарем райкома был Хабалов Николай Тышкеевич — воинствующий атеист. Он поднял райком на

дыбы. Собрали заседание бюро с обвинением редактора в пропаганде религии. Скорее всего Петра Григорьича освободили бы от должности, а может, и исключили бы из рядов КПСС. Но моя мама, хотя и не член бюро, пришла на заседание и первой попросила слово. И так она хорошо сказала о свободе вероисповедования каждого человека в нашей стране, что второй секретарь обкома неожиданно поддержал мамино выступление и никаких последствий ни для Мурзина, ни для нее не было. Петр Григорьич значительно посмотрел на меня: «Сереза, твоя мать была советницей секретарей райкома!»

Нэля подытожила: «Мария Георгиевна ненавидела бюрократов, нечистого не выносила, любила людей. Сколько к ней народу с бедами своими обращалось, и она всем помогала...» Но больше всего Нэле по-женски запомнилось, как однажды мама пришла к ней, а она квартиру белила. Устала очень. «Мария Георгиевна засучила рукава, отобрала у меня кисть и с шутками, прибаутками за один день все побелила. А у нее ведь руки уже болели, полиартрит ее замучил. Она, наверное, потом всю ночь не спала».

Мама моя, Марина Георгиевна Жиракова, родилась на преподобную Марину в 1920 году и крещена с именем Марина, но ее почему-то переименовали в Марию. Слабый отголосок настоящего имени сохранился только среди родных — они все называли мою маму Морей. Марина — морская. Детство ее пришлось на самое, может быть, тяжелое время во всей истории русского народа...

Родители и восемь детей теснились на двадцати квадратных метрах избы. Зимой здесь же помещались под единственной в доме родительской кровати куры, а возле двери — телята, козлята... Дети спали на полу и частенько моча животных текла прямо под них. Зимних рам в доме не было — поэтому ночью все норовили лечь в теплую серединку, а крайние мерзли. Мама частенько вспоминала, что самые счастливые часы ее жизни в детстве были, когда удавалось влезть в широкий рукав тулупа, которым укрывались.

Мамин отец, Георгий Дмитриевич, с первой Германской войны пришел больным и в 1928 году умер, оставив жену с восемью детьми на руках. Но, бабушка, Анисья Прокопьевна, умела все и никогда не унывала. В селе потому ее называли не Анисья, а Анисим. Она пахала не хуже мужиков, сама заготавливала в лесу дрова... Когда вступила в колхоз, стало полегче, да и она была веселой и любила работать в коллективе.

Маме моей тоже пришлось с малолетства хлебнуть горького до слез. Она пошла в мать, и все у нее горело в руках, но она долго не могла научиться держать в одной руке вожжи, в другой — соху, и баба Нина, как мы звали Анисю, больно отхлестала ее этими самыми злополучными вожжами. Однажды они вдвоем в Березовке, сжав хлеб серпами, нагрузили его суслонами (десять связанных вместе снопов) в телегу. Воз получился очень большой, высокий, и бабушка побоялась посадить дочь сверху, как обычно, а посадила сзади. При подъеме в гору воз перевернулся и завалил маму суслонами. Бабушка еле ее откопала, а тут еще началась страшная гроза с громом, молниями, и мама от страха заболела. Чахла на глазах, и бабушка даже сшила ей на смерть платье. Но Бог, зная, сколько она принесет людям добра, пожалел девочку.

В школе маме очень нравилось. Особенно русский язык и литература. Но до школы было далеко, а зимой у нас тридцати-сорокаградусные морозы, и она часто прибегала туда с обмороженными коленками. Всю жизнь они у нее потом болели. Учительница, Полина Яковлевна Орловская, сажала ее на свою шубу и оттирала коленки. Потом принесла отрезанные от старой телогрейки рукава. Мама надевала их и, подвязав веревками (о резинках тогда и не слышали), отправлялась в школу. Веревки часто развязывались. Пока завязывала, обмораживала руки...

Учиться мама любила, но после семи классов пришлось устроиться воспитательницей в детский сад — надо было помогать матери поднимать младших. Однажды, стоя на кухне возле плиты, мама по очереди подбрасывала ребятишек на руках, а сзади открылась дверца, и у нее загорелось платье. От испуга мама стала бегать по двору, и пока повариха тетя Пана и сторож поймали ее и облили водой, она вся обгорела. Несколько месяцев пролежала в больнице, но и там не скучала — учила грамоте соседей по палате и родителей своих воспитанников, приходивших проведать ее. Долго потом люди говорили, показывая на больницу: «Вон Морино окно...»

Мама как-то все умела вспоминать светло, везде и во всем умела найти и запомнить хорошее. Она никогда не жаловалась, хотя я видел ее слезы, когда доводил своим эгоизмом, безсердечием. В юности мама писала стихи. Однажды прочитала их со сцены в Доме культуры. Ее заметил секретарь райкома комсомола Иван Петрович Ильин, сыгравший потом большую роль в маминной жизни; они дружили до конца, и после его смерти мама долго переписывалась с его детьми. Он пригласил маму работать в райком комсомола, потом рекомендовал на учительские курсы. Благодаря материнской

заботе старшей подруги Зинаиды Васильевны Масловой, с которой мама тоже дружила до смерти, мама за какие-то два-три года превратилась в хорошего учителя младших классов. Ее даже премировали путевкой в Москву на ВСНХ (позднее, ВДНХ). Так что знаменитый фильм «Свинарка и пастух», в котором героини познакомились на ВСНХ, благодаря полученным за ударную работу путевкам, немножко и о нашей маме...

Предвоенные годы были самыми счастливыми в ее жизни. Все получалось, люди попадались замечательные. Со всеми, с кем сводила судьба, мама дружила всю последующую жизнь...

В июне 1941 года мама почти закончила заочно педагогическое училище. Оставался один экзамен, но началась война, и ее отправили на партийную работу. Никто даже слушать не захотел, что хорошо бы сдать последний экзамен... Потом не раз маму выдвигали на высокие посты, но она, сославшись на свои семь классов, отказывалась...

Все четыре года военных мама жила на сельхозфермах как уполномоченный райкома партии. Когда было надо — брала в руки лопату, грабли, тяпку... Вместе с крестьянами натерпелась голода, нищеты. Не было даже мыла, и люди мучились от вшей. Каждый день вытряхивали одежду, чесали волосы, но все было бесполезно. А на полевых станах еще кишмя кишели блохи, клопы. Особенно часто мама вспоминала, как в одном колхозе они пошли с председателем проводить вдову-солдатку, и там мама единственный раз в жизни ударила человека. Солдатка сожгла в печи не только забор, но даже крыльцо. Чудом каким-то сохранилась доска, по которой пробрались в дом. Хозяйка лежала без сил на печи, а две опухшие от голода девочки ели за столом сырую картофельную шелуху, подобранную на помойке у соседей. Ели они с такой жадностью, что мама заплакала навзрыд и, не помня себя, ударила председателя по лицу. Мол, как же ты не помог таким несчастным...

И семейная жизнь у мамы началась в войну. Хотя по-настоящему она всю жизнь любила одного человека, Мишу Филатова, который на лыжных соревнованиях, когда мама потеряла варежку, отдал ей свои перчатки. С того дня она полюбила его до конца своей жизни. Конечно, это тоже влияние литературы, которую мама так любила. Миша — благородный рыцарь, кавалер... Настолько это влияние было сильно, что она уже в сорок пять лет чуть не вышла замуж за этого Мишу. Хотя, как я теперь понимаю, он был довольно заурядным человеком по сравнению с мамой. За ней ухаживал директор школы Евгений Иванович Кутлин. Женя Кутлин.

Ставший потом офицером, поэтом, художником... Его письма к маме я с грустью перечитываю и сегодня. Тоже вот высокое душевное свойство людей маминого поколения. Ну, свела с кем-то жизнь на год-два, потом совсем, кажется, развела, а они переписывались до самых последних дней. А нас, нынешних людей, и на много лет жизнь с кем-то сводила, но даже как-то и не возникло особого желания переписываться!.. Даже с ребятами, с которыми служил на корабле... Да, у нас уже другое душевное устройство...

Вышла бы мама за Женю Кутлина и была бы наверняка счастлива. У него тоже брак был неудачным, он так и промучился с бездетной нелюбимой женой всю жизнь... Но маме никак нельзя было выйти за Женю — тогда бы не было нас четверых: Гали, меня, Клавды и Валеры. И за Мишу потому же нельзя было... Вернувшись с фронта по ранению, он написал маме, жившей тогда в Иволге, мол, приезжай. Она вдруг, хотя любила его без памяти, на первый взгляд глупо и гордо, подумала: «А почему это я должна к нему ехать? Пусть он сам ко мне приедет». А Миша взял и назвал женился на красотке мухоршибирской. У мамы тоже завязался роман с Даней Верловым, редактором районной газеты. Красивым, из культурной семьи. В своих записках мама называет его «джентльменом Пушкинской поры», видимо, путая слово «дэнди» с джентльменом. «Как дэнди лондонский одет...» И все, кажется, шло к свадьбе, но тут появился Галин, нашей старшей сестры отец Иван. Оказалось, он служил вместе с Верловым и, сам взявшись ухаживать за мамой, не преминул сообщить ей, что у Верлова туберкулез, и потому он не на войне. Туберкулез в то время был страшной, заразной и почти неизлечимой болезнью. Может быть, маму и это не оставило бы. К тому же Галин отец маме нравился меньше Верлова, но Ивана рекомендовали старшие друзья Ильины. Но, главное, нужна была на этом свете Галя. Без Гали невозможно представить нашу жизнь. Жизнь ее двух братьев и сестры. Без Гали наша судьба была бы совсем другой. Нас с Валерой и в живых давно бы не было. Спились бы. Это Галя вырвала нас из алкогольного плена. Хотя уже накануне свадьбы мама, входя в дом Ильиных, увидела Ивана через окно. Он подстригся, и у него оказались такие большие уши, и сам он выглядел таким чужим. И маме вдруг захотелось повернуться и бежать к милому, умному Дане Верлову. Но тут Бог послал кого-то — двери открылись, и маме пришлось войти... Прожили они с Иваном несколько месяцев! Он отметил в блокноте, что встретился с женой 31 раз! То она, то он колесили по командировкам. Самое счастливое воспоминание о

жизни с Иваном, как носил ее на крепких руках. Почудил он за это короткое время немало. Правда, мама имела редчайшее христианское качество — рассказывать о людях правду, не осуждая их. Все чудачества рано или поздно заканчиваются — Иван увлекся одной учительницей, а за ней уже ухаживал офицер. Иван выкрал у него пистолет и забросил на чердак. Офицера за потерю оружия разжаловали и отправили на фронт, а Ивана как орденоносца и раненого и благодаря защите Ивана Петровича Ильина, бывшего тогда первым секретарем райкома, пожалели. Командировали на Дальний Восток возить грузы в Находку.

Мама провожала его до города на лошади и всю жизнь потом вспоминала, как на хребте Омулевка, у Селенги он слез с телеги, взял ее на свои крепкие руки и долго нес. От том, что Иван изменял ей с другими женщинами, мама никогда не вспоминала и только в своих записках, между делом, сообщила, за что его отправили на Дальний Восток. Без осуждения, негодования, даже без обиды. А вот, как нес на крепких руках, часто вспоминала... Наверное, мама дождалась бы его, терпения ей было не занимать, но Иван запинал до смерти вора, укравшего у него большие деньги. Мама и в тюрьму ездила два раза. На второй встрече врач объяснил, какую болезнь Иван получил; и только после этого она посчитала себя свободной.

В мае 1944 года родилась от Ивана наша Галя, наша старшая сестра, без которой у нас не было бы ничего. С первых своих шагов она показала себя отчаянной, смелой до безрассудства. В три года зашла с подружкой в соседний двор, открыла крышку глубокого колодца и давай разглядывать себя в зеркале воды. Чем бы закончилось это разглядывание, неизвестно, но наш отец, Антон Данилович Щербаков, увидав детей из окна своего кабинета, выскочил и оттащил их от колодца. Только теперь я, наконец, понял: все-таки отец сыграл в нашей жизни большую роль. Раньше я считал, что кроме пьянки, гулянки, да драк с мамой о нем нечего хорошего вспомнить. Да еще два года провалялся больной в постели и надо было за ним ухаживать... Научил меня играть в шашки — вот и все... Нет, все-таки он сделал судьбоносное для нас дело — оттащил нашу Галю от глубокого колодца.

Галя! Мы гордились, что она наша сестра. Во всем брали с нее пример. Судьбы наши сложились благодаря ее любви к нам. Она всех нас тащила за собой, в Москву. Клаву в свой институт кинематографии. Помогла нам с братом поступить и закончить МГУ. Не блатом помогла, его у нее не было, а своей любовью, заботой... Так что отец наш все-таки хорошо

«вложился» в наше будущее. Он нас не воспитывал, не рос-тил, но он спас для нас нашу судьбоносную Галю. Отец почти не жил с нами, хотя мог бы дать нам очень много.

Уже закончив университет, я работал на Бурятском радио; и как-то в коридоре ко мне подошел известный в республике журналист: «Щербаков?» Я удивленно: «Да». Он: «Антонович?» Я: «Да». Журналист восхищенно: «Первый номер!» — он услышал по радио мои рассказы. В молодости учился в партийной школе с Антоном Даниловичем Щербаковым и почему-то подумал, что я его сын. Отец был самым способным, все его прочили в секретари обкома и звали «первый номер»... И мужики наши мухоршибирские говорили мне уважительно: «Отец твой был голова...» Но мама наша сама была очень талантлива, и характер у нее был еще тот. Где бы она ни находилась, в застольях, на похоронах, на уборке картофеля, все мужики невольно ей подчинялись, а отец не подчинился, хотя не умел держать в руках топор. А мама умела все. Нашла коса на камень.

Они разошлись после трех бурных лет. Когда отец заболел раком и очередная сожительница выкинула его, мать подобрала отца, и он умер у нее на руках. И все же она не любила нашего отца. Недавно по телевизору жена большого русского писателя, рассказывая о его внуке, отметила: «Вижу, идет, а ножки у него кривенькие, как у Васи...» Любящая жена, вспоминая своего мужа, никогда не вспомнит его «кривенькие ножки...» Моя мама тоже всегда удивлялась, почему я не хочу носить рубахи с коротким рукавом: «У отца руки были тонкие, и он стеснялся, а у тебя руки нормальные...» Все-таки она не любила нашего отца. Правда, у многих людей мамино поколение главными были не любовь к мужьям, не семейная жизнь, а любовь к другим людям, к стране. Всю себя мама отдала им. Из райкома она приходила поздним вечером. В нашем доме всегда жили несчастные. Маме некогда было заниматься нашим воспитанием, но зато у нее было главное — личный пример. Она никуда не заходила с черного хода, жила не только по правде и справедливости, но по любви.

Единственное, для чего она находила время — слушать, как мы по очереди читаем русскую классику. Сама занималась каким-нибудь рукоделием, а мы читали... Не имея времени воспитывать, мама зато пожертвовала для нас своей личной жизнью. Не один раз хорошие мужчины предлагали ей руку и сердце, но мама отказала даже Мише Филатову. Правда, сначала спросила нас: не будем ли мы против, если дядя Миша поживет с нами. Наслышавшись ее рассказов о

любимом Мише, мы были не против, да и дядя Миша поупал конфеты, и у него был настоящий пистолет (он развозил почту), которым он позволял поиграть. Даже ему мама отказала — боялась, что это нехорошо отзовется на детях.

В старости мама написала своими полиартритными пальцами около двухсот страниц воспоминаний. Конечно, самая большая глава в них «Мои друзья», но и немало страниц о детях. Прочитав мамины воспоминания, моя Мариша даже обиделась: «А Мария Георгиевна не любила тебя. Про Галю — целая повесть, про Клаву с Валерой — большой рассказ, а про тебя — две строчки...» Я перечитал еще раз. Действительно, про меня — две строчки. Что я очень любил молоко, что целыми днями плакал в яслях, и пришлось меня забрать оттуда и нанять няньку.. Но я не обиделся и возразил Марише, что просто мама знала, что я сам напишу про себя, а про Галю с Клавой и Валерой кто напишет? Хотя Клава на склоне лет написала книгу о своем детстве «Мухоршибирские рассказы». Написала мастерски, но без любви. Клава у нас — младшенькая, а у них всегда голова и чувства больше развиты чем сердце...

Маришу я переубедить не смог, и задумался, и сердце мое просветилось. Свою жизнь мама прожила почти без единого пятнышка. Ей нечего было стыдиться. Галей она гордилась. Наша старшая была талантливой, везде первой. Даже на уборке урожая в студенчестве. Клава хлопот не доставляла, внешне она очень похожа на мать. Такая же широкоскулая, полногубая. Однажды я сердито обзвал Клаву губатой — мама улыбнулась: «Вот подрастешь, тогда поймешь — не так уж плохо, что у девушки губы полные...» Валера же был покладистым ребенком и самым надежным маминым помощником. И руки у него такие же умелые, как у мамы...

Я же ничего делать по дому не любил — мне бы целыми днями лежать с книжкой или глядеть с крыши на кудрявые летние облака, плывущие в синие дали. Но, думаю, дело даже не в этом. Я был единственным ребенком, из-за которого мама терпела стыд. Учился я с тройки на двойку, хулиганил, вел себя нагло. Два раза меня чуть не исключили из школы. На всех родительских собраниях склоняли, как одного из самых плохих учеников. В молодости я заделался драчуном и несколько раз попадал в милицию. Из Университета меня тоже чуть не выперли за пьянку и прогулы. Если бы не Галя, ходившая к нашему декану Ясену Николаевичу Засурскому, добрейшей души человеку, то и выперли бы. Правда, в Университете я учился хорошо, даже иногда получал повышенную стипендию. Здесь мне все предметы были интерес-

ны, кроме иностранного и истории КПСС. После окончания я долго не мог найти свое место и здорово пил. Потом женился на Марише, и она вытерпела, вытянула меня — совесть проснулась во мне: я пришел к Богу, бросил пить, взялся серьезно за литературу — стал другим человеком. Мама же так настрадалась от меня, что до самой смерти не верила, что все так обернулось. Боялась, что это мираж, который вот-вот исчезнет. И лучше не поминать его ни плохо, ни хорошо...

Да и, будучи кристально честным человеком, она понимала: если писать обо мне много, то придется сказать всю правду, и мама пожалела меня. Пусть я так и останусь белоглазым синеглазым ребенком, любившим молоко... Мама даже не написала, что я не мог есть жирного, и ей приходилось готовить для меня отдельно. А еще — больному отцу, на которого я походил больше всех, а его ей тоже нечем хорошим вспомнить. Но и для него у нее в воспоминаниях нашлись добрые слова. В отличие от Галиного отца, не выславшего ни копейки, отец не просто высылал, но в каждом письме подробно отчитывался о всех тратах: «... Маша, купил себе брюки за сто один рубль...»

Мама так уставала от своей жизни с нами, что потом призналась, что ездила на курорты каждый год с одной целью — отоспаться...

Нет, мама меня простила, но так, видимо, и не поверила, что назад возврата не будет...

Я вновь испытал к маме благодарность. Одно только было горько, что она проглядела во мне главное. Уже в шесть лет я в детском саду придумывал и рассказывал «про войнушку» и сказки. У меня в душе происходила богатейшая жизнь, а мама и не заметила. И все же сердце вспомнило... За несколько лет до смерти мама почти наизусть пересказала один из первых моих рассказов «Пожар на ферме». Она сразу узнала в «небольшом, но мордастом мужике» Илью Смолина и похвалила, мол, здорово я подметил.

Мама и сама мастер художественной детали. Она писала: «Жили Степные на болоте. С их огромного тополя начинается улица Горького». Да, этот огромный тополь и мне запомнился на всю жизнь. У мамы здесь еще и подтекст, понятный только ее детям. Хозяин дома, Серафим Степной, когда-то ухаживал за нашей мамой, а женился на ее двоюродной сестре Дусе. Поэтому для мамы улица Горького начинается с его тополя...

О последних днях жизни своей подруги Веры Леонтьевны Штри мама писала: «Зашла я к ней, а она широко-широко глаза раскрыла: Мариичка, я вот все думаю про тебя. Когда мне от боли невмочь — я перебираю свои встречи с мужчина-

ми, и становится легче. А каково тебе будет — ты весь свой век одна прожила...» Мама могла бы ей ответить, но улыбнулась: «А я твои рассказы вспомню...» После отца у мамы не было ни одного мужчины. Она прожила чистойшую жизнь, но подругу умирающую пожалела: Бог всем судья, а не мы, грешные... Наше дело жалеть несчастных.

А какие письма мама писала! Многие мне говорили, что перечитывали их семьей по несколько раз...

Так что не проглядела мама во мне главное. Но для нее в жизни все-таки было важнее не кем человек стал, пастухом или писателем, а каким он стал. Плохим или хорошим...

О Марише в маминых воспоминаниях нет ни словечка. Даже в составленном для внука Антона списке всех Щербаковых Мариша отсутствует. А мама, как никто другой, понимала, что Мариша вытянула меня, ее родного сына; сама не раз мне об этом повторяла. Почему же она забыла Маришу? Загадка, которую, может быть, мы и никогда не разгадаем...

На старости лет Галя и маму перетащила в Москву. Мы в то время уже оперились — нам стало тяжело выносить сестрин характер и, если бы мама у нее не жила, то, наверное, и совсем бы разошлись. С годами мы поумнели, набрались терпения. Но привязала нас к Гале мама. Она даже всех старух в скверике возле дома подружила. Где бы мама ни появлялась, она всех собирала вокруг себя...

Мамина жизнь — сплошные испытания. Лет за двенадцать до смерти она сломала шейку бедра и уже не встала с кровати. Года два и повернуться с боку на бок сама не могла. Сначала Галя ухаживала за ней, потом наняла помощницу. Но мама никогда не жаловалась. Непременно с улыбкой всем отвечала: «Живу хорошо. Доча за мной ухаживает. Ребята часто навещают. Все у меня, слава Богу, есть».

В последние годы мама стала молиться и месяцев за пять до смерти ей было показано, когда она умрет. Приснились маме ее собственные поминки в Мухоршибири. Возле дома культуры прямо на улице — шесть столов, и за каждым по пятьдесят человек. Очень много знакомых, родных мухоршибирцев ее поминало. Было светло, празднично. Мама очень этому сну обрадовалась, будто взаправду в Мухоршибири побывала. А мы призадумались, опечалились: «Мама, а время года какое?» — «Осень». И умерла она этой же осенью, 29 октября. Уж очень ей хотелось побывать перед смертью в Мухоршибири, и Бог позволил, дал знать: осенью умереть.

На поминках маминых я, гордясь ею, сказал, что она была «райкомовской святой», что, терпеливо пролежав больше де-

сяти лет в кровати, превратившись в живые мощи, она очистилась перед Богом и потому точно попадет в рай... Через несколько дней мне приснилось: иду я в Мухоршибири по нашей Набережной улице, а мама сидит прямо на дороге. Спрашиваю: «Ты почему здесь?» Она показала рукой на наш дом: «Пойди, разберись». Ничего не поняв, я пошел. Вижу, в доме нашем крыша наполовину разобрана, окна вынуты — ремонт вовсю идет. Во дворе какие-то темные безликие фигуры. При моем приближении они начали удаляться, словно убегая от меня. Почувствовал, что-то они нехорошее у нас творили. Вижу, все наши вещи, нажитые за жизнь, лежат посреди двора. Все наше добро. Понял: это воры. Погнал их. Они побежали, и я не стал догонять.

В доме открыл одну дверь, там — высокая прекрасно отделанная, но не до конца, комната; открыл другую, там — еще краше... но тоже недоделанная... Думаю: а вдруг до зимы не успеют, и где же маме, нам жить? И еще засомневался: не успели для нас такой дворец готовить? Или других вселят.

Когда проснулся, сердце защемило — что-то с мамой неладно. Сразу вспомнил, как на поминках изрек, что наша-то мама точно в рай попадет. Даже в жар кинуло. Такую я ужасную, может быть, непоправимую ошибку совершил. Мама сейчас, до сорока дней, проходит воздушные мытарства, на которых решится ее посмертная судьба, а я своей безответственной болтовней лишил ее нашей с Маришей молитвенной поддержки. Остальные, за столом поминальным сидевшие, либо неверующие, либо невоцерковленные, — они не молятся. Уверенный, что маму определяют в рай, я хотя и молился за нее, но без усердия. Вот мама и «сидит на дороге», и дом Там для нее не до конца приготовлен, и «воры» крадут ее добро — добрые дела... Бесы — это ведь и есть главные воры. Это они украли рай у Адама и Евы. Безмертие у людей украли!

Конечно, это мама попросила молиться за нее поприлежнее хотя бы до конца мытарств — помочь разобраться с ворами. Отогнать молитвой бесов-воров.

С тех пор я каждый день творил за маму земные поклоны — один Бог ведает, где она теперь...

У Мурзиных оказалось много народу, и мы поехали ночевать к Анастасии Прокопьевне, моей классной руководительнице и учителю литературы. Правда, и тут народу было не меньше. Я как-то забыл, что прошло много лет, что дочери Анастасии Прокопьевны выросли, родили детей. Нас с Федором Николай, зять Анастасии Прокопьевны, положил

в детской комнате, а сам с тремя детьми улегся на полу в зале. Меня это расстроило, и я сказал Федору: «Завтра найдем себе другое жилье». Федор удивленно: «Зачем? И здесь хорошо». Я тоже удивился его непонятливости: «Нам-то хорошо, а они на полу спят». Федор нежно улыбнулся: «Да они счастливы». Я вспомнил: мы всей семьей спим на полу в зале — гости у нас часто бывали. Это, действительно, был праздник. Мы весело помогали стелить постель. Даже наша строгая мама тут разрешала баловаться. Здесь можно было, здесь был праздник.

Наша мама не проходила мимо чужого горя, и мы почти никогда не жили своей семьей. Она привечала родных, сослуживцев, у которых разладилась семейная жизнь, они жили у нас, пока мама не примиряла их с супругами. Однажды привела с автобусной станции незнакомую женщину, которую бросил муж офицер; ей просто не на что было уехать домой на Украину. Мама увидела ее слезы и подошла, расспросила, предложила пожить у нас, пока она не получит зарплату. Потом лет десять эта женщина посылала нам письма и фрукты.

Так что благодаря маминой любви к людям мы нередко спали на полу. Много у нас было праздников!..

Я благодарно дотронулся до плеча Федора: «Ты прав — не надо нам ничего искать...»

Утром, конечно, первым делом поехали в храм во имя святителя Николая Мирликийского. Он большой, белый-белый. Высится над всем селом. Внутри все новое, чистое. Это непривычно. Наши московские и ярославские храмы — старинные, намоленные. В них чувствуется вечность. Здесь же как-то много незаполненного пространства. Вроде бы чего-то не хватает. Намоленность, она все заполняет. А Мухоршибирскому храму всего несколько лет..

Встали перед Николиной иконой, помолились вслух. Потом, впервые в жизни, я обратился в молитве к забайкальским святым, моим землякам. Вскоре подошел староста Дмитрий Григорьевич Копылов. Сразу вспомнил его отца, пожарника в очках. Он рассказал, что в 2007 году крестный ход Владивосток—Москва проходил через Мухоршибирь, и четыре дня чудотворные иконы стояли в храме. С гордостью сообщил, что на великие праздники народ идет весь день, а на Литургии по сорок человек бывает.

После храма первой навестили мою двоюродную бабушку Варвару. Ей десятый десяток. Порешили с ее сыном Петром, моим двоюродным дядькой, сначала съездить на кладбище, а потом уже отобедать у них.

Когда подхожу к Мухоршибирскому кладбищу, всегда вспоминаю свою одноклассницу Надю Стулеву. Однажды здесь услышали мы детский плач. Да такой безутешный — сердце в груди перевернулось. Мама вытерла невольную слезу: «Надя Стулева на могиле отца плачет...» Потом мы с Надей проучились десять лет в одном классе, и никогда я не мог забыть ее безутешный плач — относился к ней с особенной нежностью и уважением. В старших классах она даже была влюблена в меня и все три мои армейских года мы переписывались. Но меня ждала уже, сама того не ведая, моя Мариша. В тринадцать лет она проехала с родителями в Монголию всего в ста километрах от моего Мухоршибири... Потом, учась в аспирантуре, Мариша жила со мной на одном этаже в высотке МГУ и мы даже два раза встречались в коридоре. Но тогда время наше еще не пришло. Тогда Мариша еще не смогла бы вынести меня...

Оградку отца я все-таки узнал, хотя она покосилась, выцвела. Цепи с постамента, видимо, кто-то на металлолом забрал. Но фото и даты жизни сохранились на удивление хорошо. А им уже полвека! Высыпал на холмик мамину землю. Попытался накопать отцовой. Какое там! Земля смерзлась, как камень. Какие-то крохи наскреб ножом, с листьями, травой. Потом раздолбил ломом на огороде у Анастасии Проконьевны и присоединил к кладбищенской. Тоже земля Мухоршибирская!

Вкратце рассказал отцу, «какими дорогами мы ходим». И вдруг почувствовал: всегдашняя вина перед ним пропала. Была она из-за непутевой моей жизни, а «дороги наши», видимо, очистили душу...

Попроведывали бабу Нину, тетю Аню, дядю Андрюшу, мою любимую двоюродную бабушку Василису... Ее я любил больше родной — души у нас родственные. Это она научила меня понимать природу, животных, и она была всегда верующей, никогда от Бога не отступала. Ей я тоже поведал, как мы ходим Иринарховским крестным ходом, как любим наш Борисоглебский монастырь, что я помню ее ночные молитвы за нас...

Вернулись к тете Варе. Всех двоюродных бабушек, в том числе и Василису, мы зовем тетями. Петр нажарил большую сковороду сала, поставил на стол творог со сметаной. И сорок лет назад, когда я еще парнем гостевал у тети Вари, она так же выставляла творог со сметаной и жарила сало... Сразу я помолодел. На этот раз не хватало только варенья — ягод мои тетки всегда набирали много. На десятом десятке тете Варе не до сбора ягод, а Петр мужик — он с вареньем возить-ся не будет.

Глядя на нее, я подивился: «Совсем ты не стареешь». Она спокойно: «Кто шибко работает, тот не стареет». Да, поработать ей пришлось. На троих хватит. Одной картошки, бывало, накапывали с дядей Мишей по двести мешков!

Я с наслаждением макал хлеб прямо в сковородку — именно об этом мечтал, собираясь на родину. Мама, нажарив сала, всегда вспоминала, как они звали за стол отца, моего дедушку Георгия Дмитриевича: «Тятя, иди жир макать». Федор побогатырски налегал на сало, и вскоре сковорода опустела. Петр принес из кладовки еще большой кусок и — на сковородку. Я ему, мол, куда ты столько? Он: «Едой человека измотать невозможно». Я с сомнением пожал плечами, а он уточнил: «Кто шибко работает». Да, он — родной сын тети Вари. Тоже пришлось на своем веку погорбатить.

Вдруг встрепелась: «Тятя наш, Дмитрий Иванович, все делал здорово». А я и не знал его отчество, а ведь это мой прадед! Петр подхватил: «Стул еще сто лет прослужит». Я: «Покажи». В комнате у окна стоит большой тяжелый стул. На нем горшок с цветами. Попросил Петра: «Убери цветы. Хочу на прадедовом стуле посидеть».

Тетя Варя снова глянула на меня внимательно: «Сережа, не слыхал, сестра Василиса, Моря, поди зовут меня? Мол, пора тебе к нам?» Я решительно отверг: «Нет, ничего подобного они мне о тебе не говорили. А раз молчат, значит, рано тебе туда, ты еще солнышку порадуешься». Она выслушала серьезно и согласно промолчала. Угадал я — хочет еще на солнышко поглядеть...

От тети Вари поехали повидаться с домами, в которых мы жили в Мухоршибири. Сначала — на Ленинскую улицу, куда мама принесла меня из роддома. Хотел зайти во двор, но ворота заперты, и пришлось мне прямо в машине снять ботинок, носок, высунуть ногу из кабины и встать ею на землю, по которой когда-то бегал босиком и не раз резал ноги о стекло. А брат Валера, побежав вслед за мной через лужу, так располосовал ногу о разбитую бутылку, что кровь хлестала из раны. Посадив его на спину, я с испугу быстро добежал до дома. Валера в детстве был очень бледным, и я думал, что это из-за большой потери крови. Не побежал бы я через лужу (сколько раз мама предостерегала!), и брат тоже обошел бы ее, и все было бы хорошо... Всегда я чувствовал перед ним вину. Сам делая много нехорошего, я почему-то очень не хотел, чтобы брат повторял за мной. Даже иногда лупил его за это, а он, наверное, обижался, мол, я жестокий, и не люблю его. А я почему-то не хотел, чтобы он тоже стал таким плохим, как я... чтобы бегал вслед за мной через грязные лужи...

Стоял я босой ногой на земле возле машины. На родной земле! Одна женщина издалека увидала. Но я не смутился: из наших она. Тоже поди подумала про меня: наверное, из наших...

Возле дома нет теперь палисадника с большими тополями, с лавочкой у стены, на которой любила сидеть, изредка бывая у нас в гостях, баба Нина. Она, даже не погладив меня по голове (сурового была, мужского, характера), неторопливо доставала из глубин своей широкой длинной юбки носовой платок, завязанный в несколько узелков, развязывала их крепкими зубами и давала рубль. Я тотчас бежал в центр, в магазин покупать пачку фруктового чая, который мы ели, как лакомство. Весь рот потом был черным...

Теперь дом стоял голый. Приезжавшие в Москву земляки рассказывали, как бедствовали в девяностых годах — все деревья, палисадники возле домов сожгли на дрова, как в войну. Да, это и была война против простого народа!..

Но опечалился я не у этого дома на Ленинской, а у дома на Набережной. И не из-за голости, а из-за того, что его обшили сайдингом, во дворе все перестроили, а тополя перед домом, чудом уцелевшие, обкорнали вровень с окнами. Я эти тополя вырастил из веточек, засунутых в бутылки с водой. Будто у меня детство украли. Неожиданно открылось евроокно, и молодой мужчина грубовато спросил: «Чего вам надо?» Еще на что-то надеясь, я объяснил: «Я жил здесь много лет назад... Сорок лет...» Но мужчина равнодушно захлопнул окно. Не догадался он меня пригласить. Значит, правильно душа моя заплакала — украли мой родной дом. Хотя куда ему меня приглашать? Наверняка они и в доме все перестроили, и мне бы стало еще горше.

Да пусть перестроили, не все же в старом жить. И если бы он пригласил и рассказал, что печку пришлось переложить, из двух комнат сделать три — дети у них подросли. Я бы понял, порадовался с ним. А так я почувствовал из-за сайдинга, из-за обкорнанных тополей, что меня не пустят в родной дом, и до слёз опечалился...

Из ворот соседнего двора выглянула молодая женщина: «Вы кого ищете?» «Когда-то я жил вот в этом доме», — сказал я с надеждой. Она приветливо: «Зайдите к нам. Тетя Валя с Ленкой дома». Я удивился — никак не ожидал, что они живут тут же. Пятьдесят лет в одном доме! Я за это время сменил столько мест жительства! Ленку, которая была лет на семь младше, и я ее, кажется, вовсе не замечал, узнал с первого взгляда. А тетя Валя не просто узнала меня, но обняла, как родного, и заплакала. Я вкратце рассказал о смерти мамы, о

сестрах и брате... На прощание спросил Ленку: «Книги читаешь?» Она удивленно: «А как же». Ее ответ напомнил отца Василия — он часто на вопросы с улыбкой отвечает: «А как же», — и мы сами, любя его, иногда с удовольствием восклицаем: «А как же!». Принес из машины «Борисоглебскую осень». Подписал: «Моим дорогим соседям, не забывшим меня». На прощание Ленка спросила: «У Петьки ты не был?» Я удивился: «Разве он в Мухоршибири? Вроде бы где-то в большом городе жил?» Ленка печально покачала головой: «Здесь он...» Вскоре печаль ее разъяснилась.

Дом Петра выглядел запущенно. Зашел я в палисадник, постучал в окно. Выглянуло опухшее чужое лицо. Настолько опухшее, что я, хоть и догадался, что это Петр, но поневоле спросил: «Петр дома?» Чужое лицо изрекло: «Я никому не открываю». Больше я не стал стучать — так жалко мне его стало. Все у него шло как по маслу. Закончил хороший институт, дослужился до немалого чина, и вдруг вот это неузнаваемое лицо. Что с человеком случилось?! Так мне его жалко стало!

Вино, вино, будь оно проклято...

Земляки глядели удивленно: «Ты уже уходишь? Всего полчаса посидел...» И мне слышалось: как же так, ведь больше на этом свете не увидимся... Слава Богу, головой это было понятно, а всем сердцем только в самом конце. Иначе бы слез не хватило...

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Алексей ХЛУДЕНЕВ (г. Рязань)

КУЛИНОК

Рассказ

Волк зарезал три овцы и старого мерина. В пятницу мужики поехали на тракторе за соломой и увидели серого на стогу, на самой макушке. Трактор совсем близко, а волк, опустив голову и косясь, шелкает зубами. Мужики заулюлюкали. Матерый зверь сиганул на крепкий снежный наст и побежал трусцой, круто повернув голову назад.

Когда об этом рассказывали Сергею Кулинку, копошащемуся у верстака в мастерской (чинил кому-то электросчетчик, как обычно «за так»), глаза его загорелись: вот бы взять зверя! Давно уж не баловался ружьишком! Да и молодого пса Кочкаря не худо бы испытать в работе.

Кулинок ростом невелик, очерк лица мягкий, а глаза яркие, васильковые. Был тих, незлобив, любил уважить людям. К охоте пристрастился с детства, но когда после службы в армии женился, — стало не до охоты. Редко-редко, может, раз в год, удавалось вырваться на лису или зайца — да и то приходилось вступать в спор с женой. Вера не понимала его охотничьей страсти. Ведь по дому всегда находились дела,

куда более серьезные, чем охота, пусть и удачливая.

Так получилось и на сей раз. Едва Кулинок достал из сундука потертый патронташ и примерил его, разложил на столе патроны двенадцатого калибра, начиненные мелкой, так называемой согласованной картечью, как Вера устремила на него осуждающий взгляд. Он попытался объяснить, что, мол, волк опять объявился в округе, и если его не пристрелить, — быть на селе новым убытком. Но Вера, слегка даже затвердев скулами, справедливо заметила, что еще не распилены дрова, привезенные из лесу месяц назад. И еще добавила, что ныне серьезные мужики давно взялись за ум — выделились с земельным наделом из колхоза, называемого теперь товариществом, и завели фермерское дело. И богатеют. А он, Кулинок, а вместе с ним и она, как были при одной корове да четырех овечках, так при таком хозяйстве и остались. А ведь у них двое сыновей, оба еще служат в армии, а когда отслужат, им будет нужна на первых порах надежная опора родителей.

Насчет фермерства можно бы и возразить — во всем селе лишь два фермера, да и у тех дела идут туго, а вот насчет дров — жена права. Пришлось, без единой попытки сопротивления, лишь вздохом обозначив участь вечного смиренного, спрятать патронташ в тот же сундучок, хранивший в себе и прочие охотничьи принадлежности.

Так бы и погас очередной охотничий порыв Кулинка, но случилось неожиданное. Напротив его дома остановился легковой автомобиль, и из него вылез Юрка Рогач: толстый, важный, шел к дому в куртке на меху с развальцовкой, но уверенно, прочно, как танк. Рогач на селе был одним из тех нескольких удачливых людей, которые за каких-то четыре-пять лет сумели разбогатеть почти сказочно. Вместе с женой, сыном и снохой он за очень скромную сумму приватизировал магазин, и в нем товаров год от году становилось все больше; он имел два грузовика, два «жигуленка», строил трехэтажный дом.

Кулинку было в диво — зачем, для чего понадобился он этому сельскому богачу? Может быть, что-то поломалось в машине? Польщенный столь неожиданным визитом, Кулинок встал навстречу гостю прежде, чем тот открыл дверь. Радостно хлопнул небольшой ладонью о крупную ладонь Рогача, потянул к столу, в мыслях уже подумав и о бутылочке ради такого редкого гостя.

Но Рогач садиться за стол не стал, а сразу объяснил, что ехал лесом и видел, как дорогу перебежал волк, крупный такой, матерый, — видно, тот самый, что уже успел побезобразничать. И при этом слегка прихрамывает. На снегу пятна

крови. И кому же, как не Кулинку, единственному в селе охотнику, добить зверя? «Я как увидел его, так сразу о тебе и подумал, — продолжал пояснять Рогач. — Хлопни его! Только ты один и сможешь...»

Что и говорить, известие взволновало Кулинку, он лишь дотошно расспросил, не слышал ли Рогач в лесу ружейных выстрелов или лая собак — не перебить бы чужую охоту. Ничего такого Рогач не слышал, волк, видно, ранен был далеко и ушел от погони, если таковая даже и была. Кинувшись ис-кать ватные штаны и валенки, Кулинок мельком вспомнил, что на селе сложилось о Рогаче мнение как о кулаке, жмоте и прижимшике. Как можно ошибиться в человеке! Ведь вот бескорыстно взял да и заехал к Кулинку прямо домой, чтобы дать весть. И только он так подумал, как Рогач, в шутку или всерьез, сказал:

— Убьешь — пополам!

Пробормотав: — Ну, как же, сочтемся! — Кулинок уже опоясывался патронташем, уже нахлобучивал старую шапку, уже снимал со стены ружье, несмотря на обычные протесты жены: образумься, мол, скоро ведь вечер, пусть гоняются за зверем те, кому это нужно, а нам это ни к чему..

Через двадцать минут по селу промчался мотоцикл. За рулем был Васька, племянник, а Кулинок, скособохась, сидел позади него: за спиной двустволка, под мышкой самодельные широкие лыжи. Сквозь снежную пыль огромными прыжками скакал за мотоциклом рыжий пес.

У толстого дубового столба, границы двух лесных участков, Кулинок соскочил с сиденья. Где-то тут, шагах в ста от столба, если верить Рогачу, волк перебежал дорогу. И в самом деле, — вот они, следы зверя. Махнул рукой племяннику, — возвращайся, мол, домой, — и сам пустился в погоню.

Волчий след, слегка окропленный кровью, попережку со следами убежавшего вперед Кочкаря то скрывался под густыми кустами орешника, и тогда приходилось сворачиваться в обход или лезть напролом, разводя ветки и осыпая себя снегом, то выводил в редкий березняк и осинник, где можно было припустить побыстрее.

Долго пробирался по следу охотник. Уж стемнело. Где-то далеко впереди отчаянно залаял пес. Неужто догнал? Спрямя путь, Кулинок шел теперь на лай, жалея, что так быстро настала ночь. Хорошо еще, кругом белый снег, на снегу зверя увидишь издали. Да и луна вышла.

Лай был все ближе и ближе, раздавался словно из-под земли, — видно, Кочкарь нагнал зверя в овраге. Овраг этот был широкий и лесистый, но в том месте, откуда раздавался лай,

он не был так лесист, как в других местах. Когда охотник, упаренный, весь в инее, с ружьем на изготовку появился на краю оврага, то сразу увидел на дне и волка, и пса. Кочкарь с хрипом, яростно набрасывался на волка, осевшего задом в сугробе. Волк скалился, лязгал зубами, но с места не трогался, — видно, устал. Пес же, почуяв за спиной хозяина, стал набрасываться еще яростнее, и вот они сцепились в клубок. Кулинок звал: «Ко мне, Кочкарь! Кому говорят, ко мне, дурак!»

На мгновение клубок раздвоился. Грянул выстрел. Но убит был по ошибке не волк, а пес... Наповал. Волк же побежал по дну оврага.

— И-и-и, гад! — Кулинок пустил лыжи по склону, наперерез волку. Спуск был стремительным. Только бы не наскочить на снежную подушку, под которой пень или куст. Уже видел, как трясся вздыбленный загривок волка. Поднял ружье, рассчитывая выстрелить в упор, наверняка — пан или пропал. Внезапно остановясь, волк угнул затравленно морду, покорно ожидая своей участи.

Теперь в мире только они двое — он и волк. Больше никого. Человек и зверь. Каждый со своей судьбой; только один — с человеческой, другой — со звериной...

В какой-то миг Кулинку хочется свернуть, не стреляя. Он по инерции охотничьего азарта нажимает на курок. Б-бах! Волк встает на задние лапы свечой, и в этот миг Кулинок с разлету бьет его стволом ружья, как штыком. Волк падает мешком. Охотник, пластаясь, летит в сугроб.

Выхватив из-за пояса нож, садится на снегу, не сводит глаз с волка. Тот лежит недвижно. Осторожно подходит к нему. Зверь лежит на боку, откинув лобастую с косым разрезом глаз голову. Держа нож, охотник шевелит ее ногой, мыском вальенка касается его широких ноздрей, его пасти. Мертв. Тогда Кулинок трогает рукой: еще теплый, но мех жесткий, как будто уже не его.

Долго выбирался на дорогу, привязав волка к лыжам и вольоча поклажу за бечевку, продетую в отверстия не круто загнутых носков. На твердой накатанной санями дороге охлопал себя, отер запушенные инеем ресницы и обледенелые брови. Он взопрел, волосы под шапкой хоть выжимай, и захотелось пить. Не стерпел — зачерпнул горсть снега горячей ладонью, кинул в рот.

Здоров, зверина! И как это Кулинок не оробел помчаться прямо на волка? Ну, слава Богу, все позади, вернуться домой с эдаким трофеем не стыдно. Жаль только, — Кочкаря нет. Ни за понюх табаку погиб. Не обидно, если бы волк разорвал. А то — от руки хозяина...

Волк не умещался на лыжах, чертил лапами твердь дороги, и все же теперь волочить было легче. Раза три он сползал с лыж, приходилось поправлять, укладывать половчее. И тогда Кулинок разговаривал с ним, как с живым человеком: «Эх, ты... Думаешь, мне не жалко тебя? Жалко, хоть и зверь ты...»

По-прежнему они оставались в ночи только вдвоем, вблизи ни огоньков, ни очертаний села. С кем еще и поговорить?

Домой явился поздно ночью. Вера не спала, ждала его, тревожилась и досадовала — какой нормальный человек победит в темень за зверем? Выйдя в сени, робковато посматривала на тушу волка, не подходя близко.

— Кочкаря вот... случайно пристрелил, — посетовал Кулинок. — Жалко...

Он, белый от инея, едва держался на ногах, облокотившись о стену.

— Не беда, Серёнь, — посочувствовала Вера. — Главное, сам-то живой-здоровый вернулся. Собаку, конечно, жаль, но ничего, заведем другую.

Ласково взяла его за руку, повела в дом, помогла раздеться, бережно обращаясь с ним, — будто он вернулся из боя.

Утром он встал разбитым, кашлял, болело горло, градусник показал тридцать восемь с половиной. Но кое-как пересилил себя, ободрал волка и снова — на печь. В понедельник не пошел на работу, сдавать шкуру в райцентр повезла Вера. Вернулась с деньгами — получила за шкуру, да еще и премию, и, посоветовавшись с мужем, решила купить себе в магазине пальто. Он не возражал. Насчет покупок он никогда ей не возражал. Сам-то ничего и не покупал, разве лишь гвозди, слесарные инструменты да краску для крыши. Даже был очень доволен, что она догадалась на нечаянные деньги, добытые им не как-нибудь, а именно с охоты, потратить на пальто, которое присмотрела давно.

— А Рогачу не вздумай оплатить! — предупредила Вера. — Ишь, удумал — половину ему!

Сергей аж вздрогнул, вспомнив, что, действительно, в тот час, когда суматошно засобирился на охоту, Рогач вроде бы шутя, а может, всерьез, ввернул насчет дележа добычи. А если всерьез? Не жаль поделиться, но ведь жена не поймет... Хотел было сказать Вере, чтобы повременила с покупкой, но та уже повязывала на голове белый пуховый платок, мечтательно улыбаясь, — вероятно уже видела себя в новом пальто. Стоило ли отговаривать? Он и так не баловал ее вниманием, и тем более ей были бы обидны его попытки отнять у нее и эту радость...

Вернулась из магазина веселая, оживленная, сразу же примерила перед зеркалом купленное фасонистое пальто — оно было ей впору.

А Рогач словно ловил этот момент — явился, когда Вера все еще осматривалась перед зеркалом.

— Уф-уф! — отпыхивался. — Плохо быть толстым, таскаешь на себе лишних пуд-два, а за какие такие провинности? — засмеялся крепким, уверенным смехом. Сел на лавку, прочно уперев руки в широко расставленные колени. Плечи приподняты, взгляд умен и пронзителен. Сила и самоуверенность исходили от него — его фигуры, жестов.

Вчерашний простой колхозный шофер, ныне он сельский буржуа. Как из яйца вылупился! Магазин, совладельцем которого он является, полон товаров, отечественных и зарубежных. Говорят, ночами, вздев очки на нос, сидит над папками с документами — изучает их, цифры сверяет со своими подсчетами, которые делает на калькуляторе, научившись довольно ловко тыкать толстым указательным пальцем в кнопки. А еще ходят слухи — вложил деньги в лесопильный цех леспромхоза, сулящий большие прибыли. Копейка льнет к нему, звенит и вызывает приятные песенки завтрашнего дня.

— Ну, Веруха, пальто ты себе доброе справила! С обновкой! Не на волчьих ли денежки?

— А тебе завидно? — Вера, вздев пальто на деревянные плечи, спрятала его в шкаф. Улыбнулась тихо так, для себя. Такая ее улыбка предвещала неожиданные выходы.

— Не в том дело, что завидно. У нас ведь с Серегой каков был уговор?

Тогда с печи раздался умоляющий голос Кулинка:

— Верунь, ты бы хоть стол собрала, бутылочку поставила...

За Верой дело не стало: быстренько повязав фартук, стала выкладывать из холодильника салат, холодец, колбасу... И так у нее ловко получалось, что уже через три минуты стол выглядел праздничным, с аппетитными закусками в тарелках, обведенных по краям золотистой линией, с бутылкой неподдельной водки. Оттопырив губу, Рогач смотрел и раздумывал. В нем боролись два желания: хлопнуть стаканчик-другой да плотненько закусить под приятные хлопоты хозяйки, уже и не затевая разговора о какой-то там доле; либо все же гнуть свое, добиваться половинной доли от волка, доли, им незаслуженной, но с учетом Кулинковой простоты, мягкости — реальной. Это второе желание претило ему, но он был жадным, и жадность его по мере того, как быстро богател после развала колхоза, не убывала, а разгоралась. К тому же, и это было уже в нем ново, он стал получать удовольствие, когда ему удавалось своим напором, нахрапом, попросту сильным характером переламывать характер слабый, подминать под себя.

Из горницы Вера принесла два стула, один для гостя, другой для мужа; тот, что предназначался для Рогача, она отодвинула от стола подальше — с учетом толстого живота. Но Рогач вдруг мотнул головой:

— Нет, не сяду я...

— Здравсте! — насмешливо сказала Вера. — Собирала — молчал. А теперь — не сяду! Тоже мне!

— Дешево хотите отделаться. Был уговор? Был... Добычу — пополам.

Столь же быстро, как и собрала стол, Вера убрала закуски и бутылку, с возмущением говоря, что требование Рогача не лезет ни в какие ворота, ведь ее муж рисковал собой и потерял собаку, в то время как Рогач и пальцем не погрозил зверю... Рогач ушел, с угрозой пообещав пожаловаться главе сельской администрации, а коль надо — то и самому районному прокурору.

— Эх, нехорошо получилось! — сожалел Кулинок. — Нехорошо! Не связываться бы с ним — отдать деньги...

Но Вера в досаде махнула рукой на мужа, сказав, что таким нахам, как Рогач, потакать ни в коем случае нельзя, и пусть Сергей не корит себя — его совесть чиста.

Была все ж надежда, что Рогач не приведет в действие свою угрозу, но не тут-то было: через полчаса прибежал посыльный и велел Кулинку явиться в администрацию.

Вместо Сергея пошла Вера. Она погрузила на салазки мерзлую тушу волка, еще не кинутого на съедение воронам, и, сбросив ее у конторы бывшего сельсовета, а теперь администрации, кликнула Рогача, с веселой злостью велев ему забрать тушу целиком.

— Чего тут делить? — громко, под смешки случившихся рядом зевак, говорила она. — Бери целиком! Не жалко...

Рогач сделал вид, что оскорблен, и перестал с тех пор здороваться с Кулинком.

Полгода спустя, под вечер, когда солнце, распушась, садилось на горизонт, Рогач с полотенцем через плечо неторопливо шел на речку. На автомобиле накатался за день — то в леспромхоз, то в райцентр, то еще куда-то — и теперь ему приятно было поразмять ноги, приятно не торопиться, когда многое обделано и обтяпано. Минувя дом Кулинка, не поздоровался с ним, не заметил, хотя сам Кулинок приветственным взмахом руки пытался напомнить о себе.

Через некоторое время и Кулинок пошел на речку — с полотенцем и деньгами, заработанными им втихую от жены — починкой электросчетчиков, моторчиков, какого-нибудь инвентаря... Рогач уже искупался, стоял на травянистом бе-

регу и вытирался. Широкоплечий, со взлохмаченными волосами и тонковатыми ногами, он напоминал льва. То ли не слышал шагов, то ли делал вид, что не слышит, не оборачивался. Кулинок зашел спереди, и Рогач медленно поднял на него глаза, посмотрел холодно и умно, как поросенок.

— Возьми, — Кулинок протягивает деньги. — Только... Верке моей не говори, ладно?

Легкая, небрежная улыбка пробежала по крепкому квадратному лицу Рогача. Принятые деньги с небрежностью сунул в карман штанов, лениво подобранных с лужка, и из другого кармана извлек широкий гребень, с треском расчесал мокрые спутанные волосы.

— А что, Серега? — обобрал гребень от набившихся волос. — Гляжу на тебя — человек ты честный, совестливый... Ценю это в людях! Иди на мою фирму работать. Посажу тебя за руль, будешь возить лес. Чего ты там в своем товариществе? Треснет оно, не ныне, так завтра, а я не тресну, я крепкий...

«Он предлагает мне стать его работником, ра... рабом?!» — подумал Кулинок, потрясенный таким оборотом и все отчетливее сознавая: его втягивают в новую, непонятную, непривычно пугающую жизнь. Когда-то вместе учились на трактористов в райцентре, вместе сдавали экзамены на шоферских курсах, играли в одной футбольной команде своего села, и вот — поглядите-ка! — один из них хозяин, а другой — работник... Не странно ли? А кто он — хозяин? Жадный, нагловатый, сумевший разжиться в пору развала колхоза, — купил, мухлюя, в четверть цены грузовики, за ничтожную цену — вместе с сыном и снохой — магазин. И вот уже леспромхозовское начальство, подкупленное им, пляшет под его дудку.

— Не спеши, не спеши с ответом, — догадываясь о его мыслях, сказал Рогач. — Обдумай, посоветуйся с женой. Да и протри! Обсмотри, где ты живешь. А живем мы с тобой в новой стране... Обдумай — и завтра скажешь. Придешь ко мне с заявлением — возвращу эти волчьи деньги. Я не такой жадный, как ты думаешь. Я просто поймал тебя на слове. На то и щука в озере, чтобы карась не дремал. А зарабатывать будешь у меня нормально, не хуже, чем в своем товариществе. И имей в виду — товарищество твое лопнет, а я — не лопну! Так-то!

Рогач оделся и ушел, а Кулинок долго купался в речке, намыливался и вновь погружался в помутневшую воду, и был точно под гипнозом путаных, необъяснимых мыслей. Он все нырял и нырял, пытаясь отвязаться от них или найти разгадку ускользающей истины, суть и смысл нарождающейся жизни, где был этот Рогач, вдруг ставший одним из немногих ее хозяев...

БЕДА

Рассказ

1

— Лё-е-о-нь-ка-а-а!

В затаенной настороженности октябрьской тишины голос разносился зычно и повелительно. Вскоре он заполнил собой весь двор усадьбы Пашкиных.

— Лёнька, оглоед, куда запропастился?!

Глафира Никитична Пашкина вышла на заднее крыльцо дома как была — с полотенцем в руках, непокрытой головой, прямо от кухонной плиты, о чем говорили пальцы рук ее, перепачканные мукой и жиром.

Из дальнего сарая нехотя вышел рослый юноша:

— Ну, чего тебе, маманя?

— А ну марш за стол, обедать будем! Сколько можно тебя звать — отец, вон, уж пришел с депо!

— Шас...

Лёнька вернулся в сарай и, присев на корточки у тесовой стены, что-то замотал в промасленную тряпку, положил в заранее вырытую ямку, прикопал. Сверху поставил фанерный ящик с каким-то металлическим хламом. Придирчиво оглядел дело рук своих и вполголоса пробормотал:

— Порядок.

Отряхнув руки от земли и соломы, потеряв их об выдавшие виды штаны, закрыл сарай на щеколду и резво зашагал в дом.

Пока Лёнька полоскался возле умывальника в углу, мать споро подавала на стол. За столом, во главе его, сидел отец — Прохор Кузьмич Пашкин — мужик пятидесяти с лишним годов, немного угрюмый. Руки — большие, узловатые, с бурными несмываемыми пятнами, лежали поверх стола, выдавали в нем кузнеца либо слесаря. На самом деле Прохор Кузьмич работал токарем в паровозном депо, уже пятнадцать лет.

— Чего это ты, Леонид, по сараю-то шебуришь? — Отец вопросительно взглянул на младшенького.

— Да так... Грузила искал для бредня. Хочу вот с ребятами на Мамасево с бредешком полазить.

— Грузила? Ну-ну... Что-то ты хитришь, паря!

— Да ну тебя, батя! Вечно ты чего-то подозреваешь! Сроду не обманывал... — горячо возразил Лёнька, пряча, однако, глаза в синенькое полотенце.

— Ладно, обедать давайте. — Отцу не хотелось, видно, дальнейших препирательств. Он встал во весь рост, размашисто перекрестился на образ в «красном углу», то же проделали и мать с сыном.

Ели молча. Лишь время от времени отец бросал на сына короткие, слегка насмешливые взгляды. Когда Глафира подала на стол кастрюлю с компотом из яблок и вишен, отец нарушил молчание:

— Скоро, однако, Кузьма приехать должен. Надо б амбарик потайной вырыть в сарайчике, а, Лёнька? А то брательник-то умается там с топориком, ему б передохнуть с недельку. Приедет, а тут и хлебушек есть куда деть! Слышь?

— Сделаю, батя, я уж и сам думал.

Лёнька, даром что шестнадцать ему всего, парень для хозяйства пригожий. Младший сын в семействе Прохора Пашкина, он в отсутствие отца, днями пропадающего на работе — хозяин в доме.

Семья Пашкиных немалая. Старшая дочь — Нюра — замужем уж, дети свои. Сын Никита тоже было семейством обзавелся, да забрали, вишь ты, в Красную Армию молодого папашу. Пришли и забрали! Сын Кузьма — плотник природный, весь в деда покойного, Кузьму Мироновича, — оттого и нет его дома, сына-то, всё в отходах да отходах — то в Московской губернии, то на Владимирщине. Лёнька-то тоже с братом хотел, да куда там — отец уперся: мал, говорит, еще, да и дома кому-то управляться надо...

— Ну, спаси Бог, Глаша! — Отец степенно поднялся из-за стола, пригладил бороду пятерней и двинул на заднее крыльцо. У двери обернулся: — Пойдем-ка, Леонид, покурим.

Вышли. Сворачивая самокрутку, Прохор пристально посмотрел на сына:

— Приступай-ка сегодня к амбарчику. Вырой так, чтобы постороннему глазу незаметный был, понял? — Сын кивнул. — Во-о-от. Я потом гляну.. И вот чего: то, что ты там в сарайчике прячешь, — забудь. Узнает кто — беды не оберешься, ага. Мать пожалей, умник!

Он закурил, пыхнул пару раз махрой и, не спеша, направился на работу, в депо.

Октябрьская хмурь обволакивала Мещёру серым одеялом низких небес. Зима не за горами.

2

1918 год. Разруха. Владимир Ильич Ульянов, дважды победив своих политических соперников (в октябре семнадцатого — Временное правительство, а в середине восемнадца-

того — недавних союзников, левых эсеров, несмотря на их большую популярность в народе), бросил лозунг, удивительный по своей чудовищности: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» Это был прямой призыв к уничтожению большей части русского народа, думающей иначе, нежели те, кто сплотился вокруг «кремлевского мечтателя». Начался «большой эксперимент» по превращению Великой Державы в нечто неопишное. Людям был брошен кусок в виде двух декретов — о мире и о земле, а подоплека-то проста? Борьба за власть на шестой части суши!

В этих условиях не до экономики, не до промышленности, не до сельского хозяйства. Тяжело пришлось простому народу, отрезанному фронтами от традиционных поставок продовольствия и главного топливного ресурса — угля. По сути, речь шла о физическом выживании целого народа, ибо война и разруха сделали все продовольственные и промышленные товары предметами дефицита.

Гражданская война подразумевала собой вооруженное противостояние разных слоев населения, но еще более обострила она противостояние земледельцев и неземледельцев, для которых Советское государство ввело систему распределения — нормирование, карточную систему, кроме которой, однако, существовал и «вольный рынок». Стремительно обесценивался рубль, цены на рынке выросли в 100—300 тысяч раз! Всё это — «военный коммунизм».

Государственное распределение по твердым ценам распространялось на красноармейцев, рабочих, служащих. А крестьяне? Крестьянство должно было обеспечивать себя за счет своего хозяйства, отдавая еще при этом большую часть продукции государству! Подчеркнем — о т д а в а я! Это назвали продразверсткой.

Только помимо продразверстки на крестьянство легло выполнение многочисленных повинностей: трудовой, гужевой, военно-конской, постоянной. Из крестьянских хозяйств постоянно дергались люди для строительства «важных стратегических объектов», что отвлекало людей от ведения хозяйства.

Кто-то скажет: время, мол, такое, для светлого будущего можно потерпеть! А вы бросьте-ка на годок-другой свои квартиры в городах, с теплыми сортирами, да поковыряйтесь-ка в земле простой лопаткой, да по четырнадцать часов в сутки, не разгибая спины! Вот тогда и посмотрим, о чем думать станете — о «светлом будущем» или просто о будущем урожае? Людям-то по большому счету наплевать — кто там у власти, и что это за штука такая — политика (большевики, эсеры, кадеты — да пёс с ними со всеми!), люди хотят просто работать, растить детей, убирать хлеб — здесь и сейчас!

В Туме хлеб не сеяли. И в Коренёве, и в Шопине, и в Уткине, и в Неверове тоже не сеяли — земля не та. Картошка была «вторым хлебом». Нет, сеяли рожь, только по урожайности это было совсем не то, что в других землях.

Зато в Туме было полно мастеровых людей. Понятие «отход» существовало не один век. Плотницкие артели ежегодно отправлялись на заработки в соседние края. Артели эти были сплавом молодости и опыта, то есть — отцы и дети. И таким образом не обрывалась нить времен, и слава тумских плотников шла всегда впереди их самих.

Вот так-то и зарабатывалась «копейка» на хлеб, который, в основном покупали на стороне.

Но с наступлением политики «военного коммунизма» российский рубль «приказал долго жить», наступили времена натурального обмена, а посему и работали в отходах теперь не за «копейку», а за муку да сахар, крупу да соль. Но если б только эти трудности с рублем...

Торговлю новая власть запретила и, обозвав торгующих «мешочниками», неусыпно сторожила, вылавливала и карала сих «врагов народа», официально разрешив провозить и проносить с собой из края в край продовольствие — не более двадцати фунтов.

Однако люди выживали, выживали, как могли, даже в таких нечеловеческих условиях, когда вся страна была, волею кучки инородцев, превращена в большой исправительно-трудовой лагерь...

Лёнька работал не покладая рук. Зол он был в работе. Долго, правда, раскачивался, но уж втянувшись — вкалывал без снисхождения к себе!

Через три дня амбар был готов. Собственно амбаром назвать это было сложно: глубокая яма, обшитая внутри толстым горбылём, с наклонными ступенями, накатом из дубовых бревен и дощатым полом, а на полу — навоз, солома и тёлка полугодовалая.

Пришел отец.

— Молоток, сын!

Лёнька просиял — не часто хвалит отец, а тут — на тебе!

— Ладно, хорошо всё это. — Прохор задумчиво поглядел на парня, — только если искать начнут, всё равно найдут, они ведь как собаки-ищейки, на чужое добро натасканы! Ну, чего хмуришься, Лёня, пойдем в дом, вон чего-то мать кличет.

А Глафира и в самом деле — совсем обыскалась мужа:

— Прохор! — Лицо женщины покрылось легким румянцем. — Там человек пришел, военный, похоже, весточку от Никиты нашего принес! Пойдем же!..

В прихожей сидел человек. Человек как человек: шинелишка, ремень, на голове шапка какая-то непонятная, а на ногах... на ноге — обмотка и ботинок. Одна нога-то, одна... Рядом — костыли.

Вошел хозяин. Солдатик поднялся было, да Прохор ему:

— Сиди-сиди, служивый, мир тебе. С чем пожаловал в мой дом? Я, чаю, вести какие от сына принес?

— Принес. Только вот не знаю, как и говорить-то.

Прохор помрачнел:

— Говори прямо. Как есть, говори.

Солдат прокашлялся, закурил:

— Мы с Никитой-то держались друг дружки, вроде как приятельствовали. Во-от-т. Под Ярославлем это случилось, местечко там — Гаврилов Ям. Ну, вот в этом самом Яме-то и приняли мы бой. А Никита, он возьми да и беги на «ура»! Отчаянный... А по нам — артиллерия... В общем, когда дым рассеялся — Никиты не было. Отступили мы... Белые взяли этот Гаврилов-то. А-а-а, какие там белые — те же мужики, что и мы с Никитой!? И чего воюем? Я-то вот всё — отвоевал свое, ага! — он указал на обрубок ноги так, будто рад был этому обстоятельству. — Да-а, какая, к лешему, жизнь?!

Прохор Кузьмич стоял, как громом пораженный. Рядом на пол оседала жена. Он взял ее, отнес в комнату, сел рядом с парнем:

— Как звать тебя, воин?

— Игнатом кличут.

— Скажи мне, Игнат, ты Никиту мертвым видел?

— Ну... Так чтобы...

— Видел или нет? — Прохор Кузьмич спросил это жестко, глядя в упор на гостя.

— Нет, не видел.

— Значит, живой он для нас, так-то!

Он тяжело поднялся, поднялся и гость, пристраиваясь на свои костыли.

— Куда теперь-то, солдат?

— Домой, в Коростино. Есть деревенька такая под Касимовом. Пойду. Хоть на одной ноге, а всё одно — живой! Авось и одноногий в хозяйстве пригожусь...

Вечеряли в сумерках.

Прохор Кузьмич разлил самогон по стопкам, и Лёнке тоже, против обыкновения.

— Ну... Давай, мать... — Он хотел «чокнуться» с женой, но та отвела свою руку со стаканом в сторону.

— Ты чего это, Глафира? — заорал он. — Живой Никита, слышишь — живой! Не видели его мертвым, ясно?!

Глафира опять запричитала:

— И-и-и, Боже ты мой, и за что мне...

— Цыц! — Кулак хозяина чуть не проломил столешницу. — Не смей его хоронить! Давай за здоровье сына Никиты! — Прохор одним махом осушил стопку.

Выпили и домочадцы.

И тут в сумерках раздался стук в стекло. Лёнька в два прыжка очутился у окна, отворил раму:

— Кузьма!

— Лёнька! Открывай, брат, приехал я, вишь ты...

Встречать вышли всей семьей. Объятия, слезы матери...

Первым опомнился Прохор:

— Что-то, Кузьма, я подводы не вижу. Лошадь-то где с телегой?

— Пойдем-ка в дом, батя. Всё там расскажу.

Брат Кузьма был всё тот же: высокий, широкоплечий, карие глаза в пол-лица и... большой лиловый «фонарь» под левым глазом.

— Чего это, братан? — удивился Лёнька.

— На сук наткнулся я, братик!

— На какой же сук-то, сынок? Али лесом ехали? — испуганно всплеснула руками мать.

— Ехали мать, ехали... И лесом, и полем. И напали, вишь ты, на нас суки!

А поработали мы, батя, шибко хорошо! Исходили за лето, считай, полгубернии московской: и дома ставили, и баньки, а где и то и другое, и по резьбе работали — Фрол-то, вон, Демидов, сам знаешь, каков мастер! Ну, поработали, значит, и заработали неплохо. Деньги-то они теперь чего? Тьфу, пустое! Зато мукой брали, гречкой, сахарку тоже прихватили, да и, кроме, кормили нас. В общем, нагрузил я телегу с верхом, да и все артельщики тоже — всё ж поровну!

Едем, значит, назад, ага. Нормально едем, хорошо. Шалят, конечно, людишки-то кое-где — да мы ночами и не ехали — остановишься на постой, а утром и в путь.

Идем. Уж Клепики недалеко. Смеркается. Ну, думаем, в Ершове заночуем, а там уж завтра и дома будем. Вот у Ершова-то и случилось... Семеро их было, а восьмой с ними — комиссар наш волостной, узнал я его — Лёшка Сазанов! Остановил нас — их семь и нас семь, так у них-то ружья, у комиссара наган на боку! Подходит:

— Что везете?

— Продовольствие, — отвечаем.

— Где взяли?

— Заработали вот — за лето да за осень.

— А знаете ли вы, сукины сыны, что продовольствие нельзя возить больше двадцати фунтов на брата? А у вас? А народ-то в стране голодает!

Тут я возьми да и скажи ему:

— Так за свой же горб и грыжу вкалываем-то! Чего ж попрекаешь, не у власти твоей просим!

Ох, как он и взвился, Сазанов-то! И давай мне втирать про мировую революцию и про голодный пролетариат, и много чего еще! А потом взял нас «под микитки», да и конфисковал всё добро, оставив по двадцать фунтов муки. Вот сволочь!

— Лошадей забрал? — Прохор Кузьмич аж напрягся весь.

— И лошадей, батя.

— Да-а-а... Поработали, ребятки... А беда не приходит одна, Кузьма. Никитка-то наш...

— Что Никита, батя?

Рассказал отец... Через силу, через горе, через слезы...

Сидели долго. Первым заговорил отец:

— Выходит, тогда, в июле, не случайность была, не «произвол на местах» — это линия теперь у них такая, людей-то грабить на большой дороге!

— Ты о чем, батя? — удивился Кузьма.

— Ах, да, ты же не знаешь, ведь не было тебя! Тогда слушай. Летом, в июле месяце, решили власти перекрыть Владимирский тракт — от «мешочников». Так они теперь людей называют, тех, что продукты для себя везут — вот как ваша артель, например. Так вот, поставили власти, значит, заградотряды да и отбирали у людей всё съестное. Ну, клепиковские мужики возмутились, понятное дело, а в горячке-то и «порешили» помощника комиссара губернского ЧК Корчагина, да начальника милиции Клепиков — Таманского. Ну, мужичков-то, ясное дело, к стенке. Так-то, брат.

— И что же, батя, так и будем с голодудохнуть за ихнюю «мировую революцию»? — с обидой воскликнул Лёнька.

Отец молчал. За окном осенняя темень. Спит Тума.

— Да-а, дождались народной власти! Да ведь я и сам кричал: «Ур-я-я, революция!» Да и как было не закричать: «мир — народам, земля — крестьянам!» Ну, думали — войне конец, будем землю обрабатывать, работать будем на себя, по справедливости — сколь заработал, столь и съел! А тут — накося, выкуси! Не успели одну войну прикончить — другую нача-

ли: та, мол, была несправедливая, эта — справедливая! За какую же такую справедливость Никитку-то нашего, а?... И по какой это справедливости у меня из амбара хлеб выгребают за здорово живешь? Чтобы пролетариат кормить? А чего он сам-то не работает, пролетариат тот? «Бросай свое дело, в поход собирайся!» А если я брошу свое дело, я ведь тоже пролетариат, только сельский, а крестьяне бросят землю пахать — что кусать-то будем? А-а-а, вот в том-то и фокус: они, «кремлевцы»-то эти, спят и видят, чтобы мы поскорее побили друг дружку, да с голоду ноги попротягивали, а они и править будут, благословясь со звездой Давида, мать их за ногу! Бога они запретили?! Кто без Бога в душе — у того там дьявол поселился, а иначе и быть не может. И нет у них родины, бродяги они вечные! Так-то, сыны мои, так...

Проход сразу согнулся весь, постарел в одночасье...

— Ты, батя, выпей, а то уж больно разошелся, так ить и сердце надсадишь! — Кузьма налил отцу и себе.

Выпили, закурили.

— А зимовать-то как-то надо, ребятки, — тихо сказал Проход и, молча, согнувшись, пошел спать...

Кузьма ушел в Бусаево, жил у друга, рыбачил, спал в «озерной дачке», на природе. Видеть никого не хотелось. Как себя может чувствовать ограбленный человек? Дрянь дела...

У друга ружьишко, ходили на кабана. Ружьишко... Оно сейчас в самую пору — времена-то беспокойные. Сюда, в деревеньку глухую никто не суется — ни красные, ни белые — а только это ведь ненадолго, новая власть везде лезет.

Дымит костерок. Сидит Кузьма, рыбку в глине запекает. На носу зима — не греет старый кожушок. Закурил Кузьма, задумался. Вон лошаденка бредет, рядом мужик понурый. А вон... Да это же Лёнька, брат!

— Лёнька! — резкий свист разрезал тишину.

— Кузьма-а, здорово, брат!

Обнялись.

— Ну, как там, дома? — Старший улыбался младшему.

— Ничего, все живы. А я ведь, Кузька, к тебе не один, со мной двое ребят, нарочно к тебе добирались.

— Да? Ну, пошли тогда...

У «озерной дачки» сидели двое.

— Здорово, мужики, откель будете?! — Братья Пашкины подошли к дачке.

— И вам не хворать, земляки. — Двое поднялись навстречу. — Алексеевские мы. Я — Макар, он — Данила.

— Давай присядем, что ли? — Кузьма указал на низенькое

бревнышко, что вместо лавки лежало у сруба. — Так гуляете или нужда привела вас в места наши?

— Ну, нужда, не нужда... Поговорить бы надо с тобой. Ты ведь Пашкин Кузьма, артельщик знатный, так? — спросил тот, кто Макаром назвался.

— Ну, уж и «знатный»! Плотничаем помаленьку.. — смутился Пашкин. — А Лёнька — мой брат, так что говори, что хотел, при нем, не стесняйся.

— Скажу-скажу.. Слыхали мы, что вас, тумскую артель, лихо «пошерстили» наемни, отобрали весь заработок, да лошадей в придачу. Так ли?

— Хм... — Кузьма потупился. — Было дело, чего ж скрывать-то?

— Во-во, не брешут, знать, люди! — Макар полез за кисетом. — А ты, Пашкин, зря конфузишься — нас ведь тоже не миновала чаша сия: днесь алексеевских плотников так прижали, что чуть не в подштанниках домой вернулись! А заработали, заметь, не хуже вашего! А ты, Пашкин, отгадай, кто нас «пощипал»? Ну?

— Неужто...

— Точно, он — тумский волостной комиссар Алексей Иванович Сазанов со своим отрядом! Вот я и пришел к тебе от алексеевских, значит, плотников, узнать пришел, али погадать — доколе еще эта сука нас грабить будет? А иначе — доколе у нас «терпежу» хватит?

Кузьма слушал коллегу, опустив голову. Знал он — село Алексеево как раз на касимовском тракте, по которому часто мешёрские ремесленники из отхода идут — стало быть, и впредь комиссары там грабить будут.

А Лёнька слушал Макара затаив дыхание, с широко раскрытыми глазами и еще с надеждой, что брат теперь уж точно возьмет его в артель, раз не гонит от таких-то разговоров.

— Ну и что вы предлагаете, Макар да Данила? — прямо спросил старший Пашкин.

Макар обвел всех значительным взглядом:

— Вы да мы, вместе — сила! Вот и кумекаю: встретим его вместилах-то, всем обществом, да и проучим хорошенько!

— Ну да, а он нас вычислит по одному, да в Сибирь, по этапу! Они за комиссара-то своего каждого второго у нас в Туме, да у вас в Алексееве в распыл пустят! Об этом не подумал? — чуть ли не прокричал Кузьма.

— Ну, брат, волков бояться — в лес не ходить, — усмехнулся в усы Макар.

— И то верно, — поостыл Кузьма.

С минуту молча дымили.

— Ну что, тумачи, подмогнёте? — прервал молчание Макар.

— Подмогнём! — в упор глянул Кузьма.

— Ну, тогда так: сейчас подымай своих, и рвем к нам — есть у нас слушок, что Сазанов с отрядом в Волчкеве бродит, али в Мягкове. А на днях-то наши плотники из отхода должны прийти домой, аккурат по касимовскому тракту. Кумекаешь? Там мы Сазанова и встретим. У нас две подводы с собой. Данила, давай готовь — не мешкая грузиться будем!

— Лады, землячок, — Кузьма Пашкин мигнул брату, — подь-ка в сторонку.

Они отошли шагов на пять:

— Слушай, Лёня, скажи дома, что Кузьма де поработать наладилсся с алексеевскими, пускай мать не беспокоится. Понял ли?

— Да понял, понял!

— Ну, чего стоишь, беги!

— А я, Кузьма? Возьми меня с собой.

— Куда? А дома кто, на хозяйстве? Да и дело там мужицкое, а ты молодой еще!

— Ну, Кузька-а!

— Всё! Я сказал.

4

Тронули в путь уже по темну, так, чтобы к полуночи быть на месте. Вместе с Кузьмой вызвалась вся артель его, да еще дружок бусаевский. А еще в суматохе Кузьма не углядел, как на заднюю подводу втихаря устроился Лёнька. Он был уверен, что убедил брата остаться в Туме, да не таков Лёнька...

Были уже далеко за Снохино, когда, остановившись «до ветру», Кузьма увидел брата:

— Ты как тут? Я тебе чего велел делать?

— А чё? Ну, сказал я матери, что ты велел, ну..

— Чего со мной поперся? Думаешь, на гулянку едем? А убьют, не дай Бог — как мать-то тогда? А ну давай — марш домой! Хоть к утру да дойдешь!

Вчерашний Данила оказался рядом:

— Чего ты, Кузьма, брательника гонишь? Не пацан ведь сопливый, вон уж какой вымахал!

— Вымахал... У нас Никита не меньше его был...

— А почто был?

— Убили брата Никиту... А если и нас еще порешат? Что с родителями-то будет да с хозяйством? — Кузьма посмотрел на Лёньку, тот виновато улыбнулся. — Ладно, богатырь, поехали — Бог не выдаст, свинья не съест!

Поехали. Теперь Лёнька сел на переднюю подводу, рядом с братом.

— А ты, Кузьма, гляжу, запасливый мужик — у тебя в тряпиче-то не ружьишко ли завернуто? — ухмыльнулся Данила, кивая на лежащий рядом сверток.

— Ружье, — кивнул Кузьма, — только не мое оно — вон друг Проня прихватил. Да и то сказать — не к теще на блины едем, дело серьезное, чего же нам с пустыми руками-то лезть?

Лёнька сверкнул глазами:

— А у меня — во! — И он вытащил на свет Божий новенький, сверкающий наган.

— Откуда?! — изумился Кузьма.

— А помнишь соседа, дядю Саню, что с войны пришел в прошлом годе? Вот он потерял по пьяной лавочке, а я и схоронил! — ответил довольный Лёнька.

— А ну-ка, дай! — Брат вырвал у Лёньки наган. — Нечего баловаться, успеешь еще!

Лёнька потупился и обиженно отвернулся в сторону.

Приехали за полночь.

Макар на правах закопёрщика собрал людей кругом:

— Вот что, братва. Разберемся по пять человек и вдоль дороги заляжем. Здесь до Мягкова — рукой подать, так что если до рассвета никого не будет, уйдем к сторожке лесника, я отведу, переждем там до завтрашней ночи — они, комиссары-то, днем не грабят. И вот еще что, ребятки. Оружия у нас мало — так, пукалки. У меня тут в схроне топоры да вилы заначены — разбирайте! Однако это так, припугнуть. Попробуем свое по-хорошему, на словах, ну а если не поймет Сазанов, тогда уж... Поняли?

Мужики закивали головами. Через минуту, разобрав инструмент, залегли вдоль дороги.

А не зря говорят, что слухами земля полнится! Ближе к рассвету со стороны Касимова подошли еще мужики. С виду — ремесленники, да и только, но один из них сразу же начал искать «старшова»:

— Эй, алексеевские, кто тут у вас командует?

Вышел Макар:

— Ну, я, а тебе чего?

— Да ладно тебе, а то я не знаю, чего вы тут ждете?! Мы тоже комиссарами обижены — весь хлебушек выгребли, а сеять-то чем будем? Короче — бери в свою команду — не подведем!

Весь день просидели на ближней «заимке», к вечеру вернулись на тракт. Когда спустились сумерки, на дороге показались черные точки.

— Конный отряд. — Кузьма стоял за сосной рядом с Макаром. — ...два, три, четыре... восемь человек.

— А вон и комиссар, видишь?

— Ага.

Отряд свернул к реке, через полчаса вернулся на тракт и двинул обратно. Макар насторожился:

— Всем за мной! По пятам пойдем, вслед!

У деревни Мягово отряд остановился. Остановились и преследователи. Ожидание длилось почти до рассвета.

Едва начало светать, на дороге появился обоз из пяти телег, с пятью же мужиками — кто в сапогах, кто в лаптях, армяки поношенные, топоры за поясами. И только лишь обоз подошел к деревне, как отряд красноармейцев сейчас же окружил его.

— Кто такие, откуда, куда следуем, что везем? — Комиссар в черном, сошедши с коня, хмуро осматривал мужиков, а заодно и поклажу их.

— Да ить с отходу мы, алексеевские, а один вот с Былина, ну и домой, стало быть едем, — сбивчиво объяснился небольшой мужичишко с густой бородой.

— Что на телегах? — Комиссар ткнул наганом в мешок.

— Так хлебушек же, господин товарищ барин, да крупички малость, да так, по мелочишке...

— По мелочишке, говоришь? Да у вас этой мелочишки пудов на двадцать будет! А закон знает: не больше двадцати фунтов можно везти, слышишь — двадцать! Это — полпуда, а у вас? В общем, весь груз я у вас конфисковываю. Я — комиссар Алексей Иванович Сазанов, вот мой мандат. — Он ткнул мужичишке в нос какую-то бумажку.

Кузьма уже видел эту картину, только теперь он был сторонним наблюдателем, но от этого ему было не менее горше. Посмотрел на Макара — тот оглядел обочины дороги и махнул рукой: «Вперед!» На дорогу высыпала большая толпа мужиков.

Комиссар недоуменно огляделся:

— Откуда это вы, народ? Кто вас прислал?

Макар вышел вперед:

— Да мы вот тут своих встречаем, а что ты тут делаешь — непонятно. Твоих я здесь что-то не наблюдаю. — Он подошел к обозу, поздоровался за руку с каждым из артельщиков и громко произнес: — Ну, поехали домой, мужики, вас уже семьи заждались. С гостинцами-то, а?

Мужики радостно загудели:

— Да, заждались, заждались, ага... — Обоз тронулся было с места.

Но дорогу передней лошади преградил комиссар:
— Обоз арестован, продовольствие я конфисковал — кому еще непонятно, а? — И он выстрелил вверх.

— Чего-чего ты конфисковал? — вплотную к нему подошел Макар. — Конфиску-у-ет он! Револьвериком-то размахался! Этот хлебушек-то мужики потом и кровью зарабатывали — иди, помахай топориком-то, конфискатор хренов! Только и знаете, что из револьверов по людям пулять! Крестьянствовать надо, а не по дорогам грабить — а ну уйди по хорошему и людей своих уводи, а то ведь не хватит у тебя на всех патронов — погляди, сколь за мной людей-то ремесленных?!

Толпа за спиной Макара гудела. Но комиссар, опьяненный властью, будто и не слыша ее голоса, резко выстрелил! Макар падал долго, целое мгновение... Толпа выдохнула и... оцепенела...

Только недолго длилось оцепенение — огромная лавина поглотила Сазанова и его людей, выстрелы были редки. Минут пять продолжалось избиение колющими и топорами, когда же народ отступил, от комиссара мало что осталось. Рядом с ним лежали двое красноармейцев, остальные успели сигануть в лес, их никто не преследовал, еще в двух шагах лежал Макар, а чуть поодаль от него...

То, что увидел Лёнька, лишило его дара речи — чуть поодаль, широко раскинув руки, лежал на спине его брат Кузьма и глядел, глядел неподвижными глазами в серое осеннее небо...

5

В Туму снова выехали по темноте.

Мягковский мужик Спиридон, что правил лошадей, помог Лёньке занести тело Кузьмы в дом.

Мать, не в силах вымолвить ни единого слова, сидела на полу, у печи и тихо выла. Прохор Кузьмич, понуро опустив плечи, вытирал глаза промасленной кепкой.

Кузьму положили на стол в переднем углу, под иконы. Лёнька ушел в сарай, лег на солому и замер, как труп.

Сколько он лежал — не помнил. Вошел отец:

— Ну что, Леонид Прохорыч, повоевали?

Лёнька молчал. Отец тихо вышел...

...Слух о мягковском побоище быстро разнесся по тумской округе. В Туму прислали нового комиссара, который резво принялся за расследование.

Через два дня после похорон Кузьмы к Пашкиным в дом

явились трое красноармейцев и один в черном. На пороге дома стоял Прохор Кузьмич:

— Зачем пожаловали, люди добрые?

— Вы — Прохор Пашкин?

— Ну, я...

— Мне нужен ваш сын Леонид. Где он?

— Да здесь, во дворе где-нибудь, а зачем он вам?

— Узнаете. — Комиссар кивнул своим подручным.

Трое ринулись во двор и через минуту привели Лёньку с заломленными за спину руками.

Комиссар что-то записал в планшет и театрально произнес на весь двор:

— Леонид Пашкин, вы арестованы за антисоветскую деятельность, повлекшую гибель комиссара Тумской волости товарища Сазанова и еще двух товарищей, при исполнении. Немедленно следуйте за мной в опорный пункт милиции!

Лёньку посадили в телегу и увезли. В этот же день были арестованы еще шесть артельщиков покойного Кузьмы и друг его из Бусаева. Всех доставили в тумскую милицию и определили в КПЗ. В домах арестованных произвели обыски — искали оружие и подрывную литературу.

По доходящим до Тумы слухам, арестовали всех участников восстания — и в Алексееве, и в Мягове, и в Касимове. Более ста двадцати человек взяли прямо по месту жительства, еще несколько десятков человек — в ближайших мешёрских лесах. Касимовский уезд замер в ожидании жестокой кары...

Следствие шло быстро.

Поутру в дверь Пашкиного дома раздался стук.

— Кого там еще принесло? — проворчал хозяин, поднимаясь с табуретки, рядом с которой лежали изрезанные старые валенки, дратва, кусок черного битума и воск — хозяин подшивал валенки на зиму, себе и сыну. Он еще надеялся...

— Открывай, Прохор Кузьмич, разговор есть!

Пашкин открыл дверь. На пороге стоял Санька Середа — безрукий сосед, заядлый картежник и выпивоха.

— Проходи, заполошный. Чего рано-то?

— Ты, Кузьмич, слушай! — Санька сел на табурет, вытащил откуда-то шкалик и прямо из горла приложился. — Уфф! У меня свояк в Касимове, ты знаешь, ага. Так вот — он вчера поздно вечером приехал и между прочим сообщил, что всех, кого арестовали по сазановскому делу — ну, ихних, касимовских — всех к стенке поставили! Понял? То же самое, говорит, сделают и в Алексееве и у вас, говорит, в Туме! А? Чуешь, Кузьмич? Твой-то, Лёнька, совсем еще сосунок...

А еще, Кузьмич, вот чего. За Советом-то поселковым, слышь ты, сѣдня ночью стенку исделали тесовую! Я, чуть свет, сбегал туда — своими глазами видал, да. Главно дело — вчера еще не было той стенки, а сѣдня — вон она, как новенькая! Так-то, Кузьмич... На-ка, вот, причастись. — Санька протянул Пашкину-старшему шкалик с остатками «лекарства»

Прохор задумчиво посмотрел мимо, отодвинул его руку в сторону. «Вот она — как новенькая... — мысленно повторил он. — Беда, ребята, беда...»

К обеду выпал первый снежок — маленький, реденький, серый. Он падал на еще не промерзшую землю и таял, оставляя грязную кашницу, которую уносили на своих подошвах немногочисленные прохожие.

Прохор Кузьмич Пашкин шел в тумскую волостную милицию — у него были важные сведения. Дома он целый час, за старым дедовским столом разучивал эти сведения наилучше, чтобы там, в милиции, не дай Бог не сбиться.

6

— Можно войти-то? — Прохор просунул голову в щель между дверью и косяком.

— Заходи. Чего у тебя? — Молоденький дежурный равнодушно смотрел на пожилого дядьку в старой телогрейке.

— Мне бы начальника, я по важному делу.

— Занят он. Садись, вон, жди. Я доложу ему. — Милиционер ушел ненадолго и вскоре вернулся:

— Жди.

Через час проситель стоял в кабинете начальника тумской милиции.

— Я — Прохор Пашкин. Имею заявление.

— Ну, заявляй, коли имеешь. — Начальник недовольно поморщился, смахивая со стола несуществующую пыль.

Прохор помялся с ноги на ногу и, собравшись с духом, выпалил заученную речь:

— Сын мой, Лёнька, совсем ни при чем! Это не он, а я был там, в Мягкове с мужиками, когда Сазанова-то, это... И пистолетик, что у сына нашли — он мой! Я его в Рязани на базаре на сало выменял у одного «барыги», ну там... от недобрых людей чтобы... мало ли? А Лёнька, шельмец, у меня его и стянул. Шельмец и есть. Так что суди меня, а не его, гражданин начальник!

Начальник смотрел исподлобья:

— Что-то ты, папаша, путаешь. Ты не пьян ли часом? Или не в себе чуток? Сын твой признался, что участвовал в беспоряд-

ках вместе с братом убитым, э-э-э... — милиционер посмотрел в бумажку, лежащую на столе, — с братом, Кузьмой Прохоровичем Пашкиным, девяносто пятого года рождения, крестьянином, уроженцем Тумы. Ну а ты чего мне «лепишь» тут?

— Это он с испугу, с испугу он, гражданин начальник, на себя клепает, потому как соплив еще. А вы вот хоть бы и подельщиков спросите, с кем сидит-то он: и Фрола, и Петра, и Митьку — все скажут, что я там был, а не он! По ошибке заарестовали мальчика...

Начальник покачал головой:

— Ладно! Эй, дежурный, арестованных ко мне, живо! И чаю мне принеси...

Привели мужичков. Они стояли в ряд: понурые, небритые, побитые. Последним в ряду стоял Лёнька, в своем коротеньком коричневом пиджачке. Пуговицы были вырваны, что называется, с мясом.

— Ну, граждане хорошие, враги Советской власти, — начальник ходил вдоль живого ряда, вглядываясь в лица арестованных, — скажите-ка мне: был ли с вами вот этот гражданин, — палец уперся в грудь Прохора, — который утверждает, что он, а не сын его участвовал в мягковском мятеже. Ну, Фрол Демидов?

— Так ить... — дюжий мужик глядел в пол, — оно ведь темно было, начальник. Можя, и был, лицо его вроде мелькало...

— Так был или нет? — Начальник стал терять терпение. — Отвечать четко!

— Был! — ответил Фрол и посмотрел на милиционера. Зло посмотрел, твердо.

— Ладно. Петр Булаев?

Вышел рыжий детина:

— Был.

— Дмитрий Кузин?

— Был, — ответил шербатый верзила, худой, как жердь.

— Та-а-ак! — Начальник скрипнул зубами. — Значит, был. А этого сопляка Леонида — не было. Выходит так?

— Не было! — хором ответили все, кроме Лёньки.

Начальник шагнул к двери:

— Дежурный! Отвести арестованных! И этого прихватите, в телогрейке, — и, подойдя вплотную к Кузьмичу, зло выдал: — Сиди, коли хочешь! Только сидеть-то вам недолго осталось...

Прохор весело посмотрел на начальника:

— Пусть так. Только и вам-то не многим больше нашего... Арестованных увели.

В тот же день Лёньку Пашкина выпустили из КПЗ.

...И был суд.

В доме купца Есина, где теперь была поселковая школа, собрали народ, приехали «черные тужурки» из Касимова, оттуда же и судья.

Обвинитель говорил долго и путано, постоянно апеллируя к людям, собравшимся здесь, в зале:

— Так, граждане? Правильно?

Тумчане сосредоточенно молчали.

Приговор прозвучал в гробовой тишине:

— ...к высшей мере социальной справедливости — расстрелу. Имущество осужденных конфисковать, членов семей сослать... сроком на десять лет.

...Рассвет медленно крался по верхушкам тополей и клёнов. «Утренник» был похож уже на декабрьский мороз. Холодно. У Лёньки зуб на зуб не попадал. Он сидел тут в кустах, зажатый с одной стороны забором, с другой — тесовой уборной, сбоку от волостного совета, уже второй час. Из носа текло — старенький армячишко совсем не грел!

Послышались шаги. Лёнька насторожился и слегка высунулся из кустов. Впереди шел новый комиссар, за ним — девять мужиков, без шапок и верхней одежды, в кальсонах, босые. Третьим шел батя...

Осужденных поставили у новенькой, свежеструганной стенки, комиссар что-то зачитал по бумажке:

— ...привести в исполнение!

Залпа не было. Были выстрелы вразнобой. Лёнька видел, как падал отец — медленно, нараспев будто... Больше он ничего не видел — слезы катились по щекам градом...

...Похоронить отца не дали. Глафира в ногах валялась у начальника, умоляла — не дали! Их закопали в одной яме, на окраине тумского кладбища — в кальсонах, без креста, без молитвы.

В тот же день к Пашкиным подъехала милицейская лошадь с телегой. Из вещей ничего взять не разрешили, только то, что успели надеть на себя. Сестру Нюру это не коснулось — она уж третий год как жила с мужем в Рязани, а Глафиру Никитичну и Лёньку увезли за Урал, где они и должны были работать последующие десять лет. Мать долго там не выдержала — скончалась через год.

Та же участь постигла и семьи других тумчан, участников ноябрьских событий 1918 года. Мало кто из них вернулся на родину.

Так закончилась Лёнькина «война»...

А повоевать-то Лёньке еще пришлось!

Только это была другая война. Великая. Отечественная. Да-да, именно так, потому что воевал Лёнька на этот раз не только за себя, но и за весь мир, чтобы он вообще был, этот мир, и воевал он за Отечество свое, за Россию вечную, а не за придуманную кем-то «мировую революцию».

И это он, Лёнька, вместе с миллионами таких же Лёнек, Иванов, Петров принес и миру и Отечеству своему П о б е д у. Они — Лёньки, Ивановы и Петры, а не жирные коты из-за океана, пришедшие под конец, чтобы поделить лавры, не хитренькие «лорды и сэры» с островов!

Они — затюканные, забытые, заезженные в лагерях, в дырявых сапогах, с одной винтовкой на троих, впроголодь — они п о б е д и л и!

...Бегут года.

Вот уж Лёнька — Леонид Прохорович Пашкин — идет себе с палочкой по улочкам родной Тумы. Вот и здание местной администрации, а ранее — Совета. Здесь, сзади, была та самая стенка...

А чуть дальше — автовокзал, а напротив — скверик, в нем памятник. «Герою гражданской войны Алексею Ивановичу Сазанову». А сзади памятника — улица. Улица имени героя гражданской войны А.И. Сазанова.

Хорошо ли это? Лёнька не знает. Ну что же — герой так герой. Только что-то у героя в скверике всё травой поросло.

А где-то там, под фундаментом нынешней швейной фабрики, лежат Лёнькины отец и брат. Они не герои, они — «враги народа». Какого народа?..

...Захирел, одряхлел тот памятник в скверике комиссару Сазанову, а потом и совсем исчез. И стоит теперь на месте том большой торговый центр.

Хорошо ли это? Не знаю я... Не думаю, что хорошо.

А в Туме по-прежнему хлеб не сеют. Земля не та...

СПАСИБО СОЛНЦУ..

СОЛОВЕЙ

Я слышу песню соловья
О светлой жизни, может стать.
Но жизнь — безоблачная — чья?
Сегодня мне не разобраться.

Ведь сам, наверно, соловей,
Что песню шлет из рощи дальней,
Поет на свете тем живей,
Чем на душе его печальней.

Поет, весь этот мир любя.
Хочу я с музыкой той слиться,
Чтоб смог почувствовать себя,
Как он — загадочная птица.

И правда, что в какой-то миг
Я вижу мир яснее, проще.
Наверно, смысл его постиг
Тот соловей в далекой роще?

Наверно, он не о себе —
Поет о всех... Но, может стать,
Что только лишь в своей судьбе
Никак не может разобраться!

О ВРЕМЕНИ

На добрый свет надежды мало.
Он вспыхнул было, но погас.
В России мгла — душа устала
От хмурых лиц, от скорбных глаз.

Неужто эта темнотища
Заполонила нас навек?
И дождь идет — как будто ищет
Тропу незрячий человек.

ВЕСНА

Весна-то, да, молодцевата
И даже радостна она,
Коль почка вербная брюхата,
Коль жизнью будущей полна.

Да и в распаренном овраге
Ручей возник, как прокурор,
И, отхлебнув у солнца браги,
Зиме читает приговор.

Она-то и без приговора
Все знает: скоро ей хана —
И солнце пляшет на озерах,
И светом хвалится сосна.

И бросил я возиться с печью,
На волю вышел, как ручей,
Заполнить душу теплой речью
Кругом летающих грачей!

Ведь из меня, как из сугроба,
Другой явился человек,
Который живо смотрит в оба,
Забыв своих печалей снег.

Я вижу все: брюхата почка —
Ее заполнила весна.
Да и у нас гостюет дочка,
Что жизнью будущей полна!

* * *

Искал я счастье — так и не нашел,
Хоть на земле искать его не надо.
Пчела мне говорила: «Сад зацвел!» —
И пропадала во вселенной сада.

Сияла, как на блюдечке, луна,
В избе заветной открывалась дверца,
И девушка являлась мне — она
Светилась огоньком живого сердца.

Мы шли на пруд, он, отразив луну,

Захватывал еще и наши тени
И смешивал надолго в тень одну,
И разлучал на несколько мгновений.

А жизнь соединила нас навек.
И поздний снег с походкою медвежьей
Спросил меня, как свойский человек,
Чему я научился в жизни прежней?

Учился трудолюбию у пчел,
Учился добрым быть и терпеливым.
Как ни старался, — счастья не нашел.
Я в этой жизни просто был счастливым

* * *

Дворовая собака Дина
Имеет крепкий, сильный дух:
Когда совсем необходимо,
Высказывает мысли вслух.

Бывает, глянет на ворота —
Пролает зычно, но не зло:
Мол, эй, хозяин, здесь кого-то —
Зачем не знаю — принесло!

И если гость проявит спешку
Иль вдруг замнется у ворот —
Улыбка или же усмешка
В глазах собачьих промелькнет.

А взгляд ее тяжел и колок —
Пронзает душу, словно гвоздь.
— Собака, а какой психолог! —
Воскликнуть может каждый гость.

Людей исследует охотно.
Но есть еще одна черта,
Довольно редкая в животном —
Собаку манит высота.

Есть искушенье: в мире звездном
Одну иль две, иль три звезды,
Иль сотни их — вполне серьезно
Принять за чьи-нибудь следы.

Ведь неизвестно, что там светит.
И не узнать никак — беда!
Хозяин в доме не ответит.
Он сроду не глядит туда.

И все ей видится во мраке
Заместо звезд звериный след —
Пожалуй, это для собаки
Вполне приемлемый ответ.

ЧЕЛОВЕК

Падает на землю сонный снег,
Медленный, к мирским заботам чуждый.
И бредет по снегу человек —
Сразу видно: никому не нужный.

Вот и цели он своей достиг:
Наклонился к мусорному баку,
Роется в объедках, — в этот миг
Он похож на грязную собаку.

Выглянуло солнце — и в ответ
Снег проснулся: весело искрится!
Человек-то зряч, но божий свет
Заглянуть в глаза ему боится.

Там существованья зябкий снег
Солнечным сияньем не разбужен...
Человек тогда лишь человек,
Если он еще кому-то нужен.

ДРОВА

И вновь в печи горят дрова.
Который год на их свеченье
Смотрю, смотрю, как на слова,
Пытаясь вникнуть в их значенье.

И понимаю не спеша:
Теряю что-то с каждым годом...
И дым из печки, как душа,
Несется в небо черным ходом!

СЧАСТЬЕ

Я тем и счастлив, что пришел сюда.
Здесь речка от заката — сказка, диво.
И еле слышно плещется вода.
Как будто чай прихлебывает ива!

И кажется мне: вот моя семья —
Детишки чай себе налили в блюдца.
Я говорю о смысле бытия.
А детям все равно — они смеются...

Татьяна БОЧАРОВА (г. Рязань)

СРЕДЬ ВЫСОКИХ ПОБЕРЕЖИЙ

ЗАБОРЪЕ

Средь полей и диких сосен,
Там, где речка на мели,
Вдоль дороги, между просек
Есть и мой кусок земли.

Он за кривеньким забором,
Он в бурьян уткнул лицо,
Только здесь, я знаю, скоро
Будут стены и крыльцо.

Заблестит на солнце крыша,
Дым завьется над трубой,
Встанет сад из белых вишен
И колодец голубой.

Клумбы сделаю, как в парке —
На подстриженной траве,
Заведу себе овчарку,
Или лучше — сразу две.

Кур с пяток или с десятков,
Две коровы и козу,
Посажу я возле грядок
Виноградную лозу.

Чтобы было всем на зависть,
Где укрыться от жары.
Лишь бы только не кусались
Мошкара и комары.

Быстро вырастут деревья —
Семь высоких тополей.
Здесь теперь моя деревня,
Между сосен и полей.

* * *

Зарядили дожди, и окрест
Все чернеет, желтеет и киснет.
У дороги ржавеющий крест
Упреждает о бренности жизни.

Потянулись туманы к реке
Над безмолвным, остриженным полем.
Вдалеке, где-то там вдалеке
Обрету я покой — и не боле.

Я судить этот мир не берусь:
Он умрет сотни раз и воскреснет.
Навевает осенняя грусть
Мне старинную русскую песню.

* * *

Земля исконного богатства,
И — нищеты повсюду лица.
Здесь и предательство, и братство,
Как два крыла двуглавой птицы.
Их светотень парит над краем,
Врываясь в каждую обитель,
Здесь доля русская такая —
Терпеть, любить и ненавидеть.
В глуши лесов и междуречий,
В плену дорог и тропок узких
Здесь бродит дух противоречий,
И он, по сути, тоже русский.
И жизнь, как это бездорожье,
То огрубеет, то раскиснет.
И с каждым годом все дороже,
И с каждым часом ненавистней.

Золотистые дождинки,
Солнце прячется внутри,
На асфальте, на тропинке
В лужах вздулись пузыри.
Тучи собраны охапкой,
С неба льется благодать,
Старый куст, как кошка лапкой,
Умывается опять.
Заблестели тротуары,
Встали радуги-мосты,
Распустились на бульварах
Разноцветные зонты.

ОКА

Средь высоких побережий,
Выбрав ложе из песка,
Шею выгнула небрежно
Серебристая Ока.
Горделиво, еле слышно
Косы синие плетет,
Смотришь, вроде неподвижна,
А притянет — уведет.
Берег илистый, палатка,
Волн затейливый мотив,
Так приятно без оглядки
Плыть течению супротив.
Будет дождик тихо капать,
Рябь поднимут с ветерком,
У Оки особый запах —
Горькой тины с костерком.
Оттого ль, что долготечна
Средь просторов заливных,
К ней спешат потоки речек —
Хвойных, травных, торфяных.
К ней ключи хотят пробиться
Средь березовых корней,
Вот где можно наловиться
Полосатых окуней.
А в местах, где низкий берег
Скрыла серая ольха,
Бьет хвостом пугливый жерех,
Плушит шустрого малька.
Здесь рыбалка, что наука,
Вот где выучка нужна,

Чтоб достать, к примеру, щуку,
Или выловить сома.
Если целые недели
Жить на самой на Оке,
Можно заводи и мели
Знать, как пальцы на руке.
Можно опыта набраться,
Можно выпустить труды,
Можно просто любоваться
Ясной зорькой у воды.
Летом, осенью, зимою,
Снег ли, пестрые луга,
Где ни встанешь над Окою —
Все родные берега.
Хоровод снопов пузатых,
Избы низкие вдали...
У Оки особый запах —
Грусти, ветра и земли.

* * *

Я в городе детства не буду уже,
Где домики серые в пять этажей,
Налево столовка, аптека направо
И белым по красному: «Партии Слава!»
Парадные фартучки, школьные формы
И новые туфли на модной платформе,
Ой, девочки, это же Я!
Покоятся в парках цветные трамваи,
Развешаны лозунги в честь Первомая,
Все те, кому дорог «хрущевский» уют,
Шагают в колоннах и песни поют.
На улицах людных раскатное эхо
И шарик, отпущенный в небо от смеха,
И так хорошо на душе.
Но время промчится, и «в свете решений»,
Мой город, ты столько претерпишь крушений.
Не много укупишь на гривенник медный,
Разделит нас жизнь на богатых и бедных.
А лозунги партии: «Будем равняться!»
Заменят рекламы о пиве и «Натсе».
И детство уже не вернуть.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

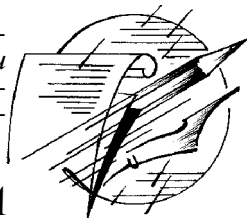
От редакции

Мы публикуем, на наш взгляд, интересную, но спорную статью. Ее автор поднимает важный вопрос: каков же в реальности возраст Русского государства, а точнее говоря, с какого исторического периода нужно в действительности отсчитывать возникновение российской государственности? В официозной историографии ее начало принято было считать со времени призвания Рюрика на новгородское княжение, то есть с 862 года. Так, в 1862 году Дом Романовых торжественно отметил 1000-летие России.

Но что на самом деле произошло в 862 году? И правомерно ли приход на Русь варягов считать началом российской государственности? Возможно ли отсчитывать с этого времени подлинную историю русского народа?

Одни исследователи наших корней начинают эту историю с зарождения Киевской Руси. Другие — с воссоздания Андреем Боголюбским истинно русского Владимиро-Суздальского княжества, ставшего предтечей будущего Великорусского государства. На чьей стороне правота?

Публикуемый материал — дискуссионный. Поэтому будем признательны, если заинтересованные в этом вопросе историки, публицисты и читатели присоединятся к данной дискуссии.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Где начинается история русских?

История России — это история русского народа (великороссов) и созданного им великого государства, а значит, она не могла начинаться до возникновения этого народа (первоначальную стадию этого процесса в науке называют формированием великорусской народности). По-видимому, первым эту мысль выразил профессор Андрей Фурсов, хотя она у него была изложена неточно: «*Нам не хватает русской истории, как особой дисциплины (не путать с историей России)*». Это должна быть «*системная теория и история русского мира, русского уклада, русских способов производства и формации, русского миростроя — дисциплина со своими методологией, понятийным аппаратом, субдисциплинами...*» («ЛГ», 2007, №22-23). На мой взгляд, нужно говорить не столько о русской истории вне истории России (не об истории русских отдельно от истории мордвы или чувашей), сколько об истории России, отдельной от истории славянских государственных образований, существовавших до возникновения России.

Ведь до сих пор историю России принято изучать, начиная с догосударственных объединений восточных славян (в летописи Нестора есть даже фрагмент, где их история начинается от сотворения мира и далее — со времён Адама и Евы). Некоторые историки опираются на «Влесову книгу», полагая, что в ней описаны события истории славян за несколько веков до призвания варягов. Писатель Ю.Д. Петухов издал «Историю русов», якобы живших в VII тысячелетии до н.э. И вот полагается сначала изучать эти полумифологические события, затем переходить к истории Киевской Руси. И уж только после этого добираться до момента становления собственно России как государства, отпочковавшегося от общей прародины русских, украинцев и белорусов. Но эта исходная позиция ложна в самой своей основе, она не учитывает всемирно-исторического значения такого явления, как образование русского народа, специфических особенностей его национального характера, менталитета и понимания государственности. А между тем именно эти обстоятельства обусловили и особенный характер России как государства, и великий вклад русских в общечеловеческую культуру.

Кто такие варяги?

Варяги, или норманны, принадлежали к германским племенам. Римские авторы, в особенности Тацит, много писали о германцах. В дальнейшем наука накопила немало данных

об этом народе. Вот какую характеристику на рубеже XIX—XX веков дал древним германцам в очень популярной тогда «Истории цивилизации от древнейшего до нашего времени» Г.Дюкудре (М., 1900): *«Германцы занимались земледелием ради необходимости и предпочитали ему войну и грабёж... Простые, грубоватые германцы на первых порах не нуждались в толпе рабов; поэтому последних отправляли в деревни, и на них возлагались обработка земли, жатва и все тяжёлые работы, тогда как свободные люди охотились или воевали... Боги германцев — это «боги войны и насилия». В диком замке Валгаллы «вечные битвы сменяются вечными пирами. Это неистовые борцы...»* (Выделено мной. — М.А.). (Замечу попутно, что Ф.Энгельс, сам немец, тоже писал о германцах, что они варвары и предпочитали войну и грабёж всем остальным занятиям.)

Установившийся в Европе феодальный строй был *«полным торжеством германских идей. Рим и древний мир всего более укрепили понятие о государстве; в средние века это понятие исчезло. Новое общество средних веков, противоположное древнему, признавало только личные законы, интерес отдельного лица и волю этого лица, повиновавшегося лишь вождю, избранному им самим, и даже чаще противившегося, чем повиновавшегося ему»*.

Существующее в науке понятие «феодализм», которое использовал и Г.Дюкудре, есть всего лишь «формационный предрассудок», как и то, будто этот строй был преодолением рабства. Это в римском обществе на поздней стадии его существования рабство (с развитием колоната, увеличением числа вольноотпущенников, предоставлением римского гражданства всем жителям империи, распространением христианства и пр.), по сути, было ликвидировано. А германская система правления была тем же рабством, только ограниченным примитивными возможностями германцев (на Руси — их малочисленностью и пр.). Г.Дюкудре считает, что само понятие о государстве исчезло, каждый рыцарь или барон, граф или герцог, сидя в своём замке, полагал, что он — полновластный властелин своей земли и обитающих на ней людей. Вассальные его отношения к сюзерену были ограничены договором (служба — 30 дней в году и т.д.). На самом деле, понятие о государстве не исчезло, оно постоянно толкало германских властителей на авантюры, порождало претензии на мировое господство. Отчасти этим объясняется и тот авторитет, каким пользовался Римский престол — он был осколком великого Рима. Но возможностей установить государственные отношения не было в силу опять же первобытного сознания германцев.

Продолжу цитирование труда Г.Дюкудре. Господствующим классом средневекового общества в Европе было рыцарство. Рыцари, «гордые своими земельными владениями, своей силой и мужеством, составляли класс более надменный, чем древняя аристократия. Владели землею и людьми, вооружённые правами войны, суда и финансов, не считая множества других прав насильственного или своеобразного характера, они представляются нам как будто людьми другой расы... Обладая королевским правом объявления войны, сеньеры считали войну благороднейшим из занятий и, во время перерывов её, доставляли себе только удовольствия охоты. Работа, промышленность и торговля считались презренным делом, которому нельзя отдаваться, не нарушая и не теряя своего царственного достоинства. ...

Свободные привычки германского воина обнаруживались и в феодальном сеньере, который не мог выносить никакого господства над собой». Вот такие рыцари и были приглашены в Новгород.

Варяги (или скандинавские берсеркеры) принадлежали к германцам, но не просто отличались особенной свирепостью, а были одержимы неистовою страстью убийства и разрушения. В период с конца VIII до середины XI века для многих стран Западной и Восточной Европы настоящим «бичом Божиим» (как тогда говорили) стали викинги — жители Скандинавии, создававшие дружины морских разбойников для грабежа. На Руси их называли варягами, в Западной Европе норманнами.

Страна, подвергшаяся нападению викингов, надолго обращалась в пустыню. Разбойники не щадили никого, убивали не только воинов, но и женщин, стариков и детей, захватывали скот в качестве продовольствия во время своих длительных морских походов, а если не могли увезти его с собой, то резали и бросали на растерзание хищным зверям, дома жгли. И двигала ими жажда обладания сокровищами.

Однако они вовсе не были скопидомами, которые накапливали бы денежки и пускали их в рост или в оборот. Нет, богатство, добываемое таким трудом, с опасностью для жизни, так же легко и тратилось. Вождь, собиравший дружину, по возвращении из похода щедро разбрасывал добытое золото, чтобы привлечь к себе новых сподвижников.

В викинге ценились не богатство и не предпринимательские качества, а храбрость и щедрость. Главным для викинга была слава и красивая смерть, чтобы потомки помнили его и восхищались им. Религия викингов обещала воину, павшему в бою, что он попадёт в рай (Валгаллу) и войдёт в небес-

ную дружину бога Одина. Всё это хорошо известно из памятника средневекового скандинавского эпоса «Древняя Эдда». Викинг станет образцом героя для многих поколений германцев (а в большой мере — и для первых князей-Рюриковичей).

Вот эти викинги, или варяги, не раз опустошали земли новгородцев. А край новгородской земли — Мурман (там, где ныне Мурманск) получил своё наименование от искажённого слова «норманн», которое и было истинным наименованием варягов.

Но обычно варяги встречали отпор со стороны новгородцев. А в 862 году сложилась ситуация, при которой новгородская знать сочла выгодным пригласить варяга Рюрика на княжение. О том, что это означало для древних русичей, рассказывается в статье Михаила Саяпина «Германский вопрос в истории Европы и России». Приведу лишь несколько положений этой работы.

В Новгороде, этой мужицкой республике, Рюрику и его дружине было неуютно. Новгородцы, призвав варягов, обставили их власть и само пребывание там весьма строгими ограничениями. И после смерти Рюрика его родственник Олег (Хельг), прихватив с собой малолетнего Игоря (Ингвара), сына умершего князя, пошёл вниз по Днепру и овладел Киевом, сделав его столицей своего государства. Так германцы стали правителями государства, вошедшего в историю под названием «Киевская Русь».

«В результате германские завоевания, — пишет М.Саяпин, — сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах:

1. Господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род — пришлый в этих краях;

2. Господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

Сегодня не принято вспоминать, что процветание Киева (как и Новгорода) было связано не только с экспортом мехов, зерна, мёда, воска, но и с работоторговлей.

По М.Саяпину, германцы установили в Европе понятие благородного человека — господина, кто имеет рабов. И если он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то и воспринимается как представитель принципиально иной, высшей расы, лишь в какой-то степени внешне схожей с породой зависимых людей. Вот и на Киево-Нов-

городских землях утвердилась княжеская династия германского происхождения, отношения которой с туземцами отличали невероятный апломб, огромная родовая спесь, чувство природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением, так сказать, над дворняжками в человеческом облике. Даже летописи, проходившие строжайшую цензуру князей, сохранили множество эпизодов, свидетельствующих о надменности германских властителей. Рюриковичи стали замкнутой кастой, культивировавшей при своих дворах особые обычаи, слабо связанные с культурой местного, в большинстве славянского, населения. Они демонстративно заключали династические браки исключительно с представителями знатных королевских родов не только Запада, но и Востока, пренебрегая местными.

Строго говоря, варяги не были в этом оригиналами, германские завоеватели всюду вели себя точно так же. Это отмечали ещё славянофилы (странно только, что они не увидели подтверждения своих тезисов в истории собственной страны). Об этой особенности европейских государств, возникших из германских завоеваний, писал И.В. Киреевский: *«...Общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы насмерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоизмерных сил»* (Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 258).

И далее И.В. Киреевский не только проследил все последствия, вытекающие из этого фундаментального факта образования европейских государств из германского завоевания, но и предсказал неизбежный крах самих их устоев.

Особенности завоевания Руси германцами

Когда историки говорят о мирном приходе варягов на Русь, они лукавят. Призвали Рюрика лишь в Новгород. А империя Олега создавалась огнём и мечом. Киевом он овладел, обманом заманив к себе и убив княживших там до него варяжских же завоевателей Аскольда и Дира. А потом начались походы для покорения славянских племён. Приведу лишь несколько строк из несторовской «Повести временных лет...»: «Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной кунице... Отправился Олег на северян и победил их...» Воевал Олег с уличами и тиверцами и т.д. (особенно упорно сопротивлялись варягам вятичи).

Но и после завоевания земель славянских племён считать это население покорённым было бы легкомыслием. Сбор налогов (то есть дани) проходил как военная операция: «Пошёл Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой».

Хотя и при завоевании Руси варяги (и в целом, и в отношении к покорённому населению) остались германцами, всё же им пришлось приспособливаться к местным условиям.

Ведь прежде варяги жили только грабежом, совершая набеги на земли своих жертв, а затем возвращались в родные пенаты, где зализывали раны и пополняли ряды своих ватаг, замещая погибших. Исключений из этого правила было немного. Так, викинги, ограбив приморскую провинцию Франции, основали там герцогство Нормандия (затем в 1066 году нормандский герцог завоевал Англию). И вот варягам, пришедшим на Русь, досталась огромная страна, которой в Европе не было равных ни по размерам, ни по богатству. Но всё же первые варяжские киевские князья — и Олег, и Игорь — совершали набеги на морских судах на Константинополь, а Святослав пытался достичь Царьграда по суше, через Болгарию, но не преуспел. И лишь со временем киевские князья осознали, что, имея такую богатую страну, можно не тратить усилия на морские набеги, а получать многократно большее богатство, облагая данью местное население и продавая добытое (в том числе и рабов) на мировом рынке (например, в Византии или в Западной Европе).

Прохоров в книге «Русская модель управления» показывает, почему на Руси не годился опыт эксплуатации германцами туземного населения, приобретённый в Западной Европе. Например, дикие франки захватили богатую римскую провинцию Галлию. Они застали там многочисленное порабощённое население, за долгие века привыкшее к тому, что им командуют и его эксплуатируют. Там давно укоренились христианство и римское право, охранявшее частную собственность. Поэтому король мог раздавать землю в собственность рыцарям и даже франкам-крестьянам, «размазав» свою армию по всей стране. И каждый из завоевателей (скажем, один франк на целую деревню) спокойно эксплуатировал местное население на пожалованной ему земле.

На Руси тогда не было ни христианства, ни развитой правовой системы и частной собственности, ни привычного к эксплуатации населения. Дружину нельзя было «размазать» по территории страны с тем, чтобы она кормилась на месте. Славянские племена до того не были никем покорены, не было традиции того, что они должны кого-то содержать. Забрать

прибавочный продукт можно было только «полюдьем», явившись со всей дружиной. Подданные платили налоги лишь при угрозе непосредственного применения военной силы.

А варяги были жадны до богатства. Варяги — дружинники князя Игоря — подбивали его на разбой: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдём, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошёл к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошёл он в свой город. Когда же шёл он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю ещё». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства).

Ну и как же должны были принять его древляне?

«Древляне же, услышав, что идёт снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьют его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь, и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было её мало». А если вообще без дружины, один воин на целую деревню, как на Западе? Нет, на Руси подданные не готовы были добровольно кормить всю эту княжескую братву.

Жаждали князя и их дружинники не только богатства, но и славы. Всем памятны строки о дружине, которая жаждет «себе чести, а князю славы». А если представлялось (хотя бы умозрительно) обрести и богатство и славу одновременно, то ради этого князя пускались порой в предприятия весьма рискованные.

Великий князь Святослав Игоревич, разгромив Хазарию и одержав ряд других блистательных побед, отправился в поход на Балканы, едва не потеряв собственную столицу — Киев, подвергшийся нападению печенегов. Вернувшись и прогнав печенегов, «сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы». Особенно поражает это последнее слово: из Руси, государства русского князя, поступают рабы! Как известно, затея Святослава окончилась для него плачевно, сам он был убит печенегами.

Ну, ладно, Святослав — великий воин. Но вот другой князь — Василько Теребовльский, ничем (кроме войны с поляками)

себя не проявивший. Неизвестно, замышлял ли он что-нибудь против других князей, соседей своих, но они, опасаясь этого шустрого воина, заманили его к одному из них и ослепили. И Василько сетует, что не удалась его замысль: «Землю Польскую буду завоёвывать зимою и летом... И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел... идти на половцев — да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю». (Надеюсь, читатель уже понимает, что Русская земля у князей Киевской Руси — это вовсе не Россия, а только земли вокруг Киева.)

Возможно, варяжские князья и дальше проявляли бы свою разбойничью суть, но они вынуждены были несколько поубавить и свою алчность, и свою спесь. Да и случай с Игорем должен был их научить. А он был не единственным, варягов не-князей убивали нередко, потому что творили они разбой и насилие, и в «Русской правде» были прописаны наказания за это. Варяжские властители поняли, что несколько десятков князей с несколькими тысячами варягов-дружинников численно были каплей в море местного населения. И пришлось им балансировать на грани высокомерия и панибратства с местными славянами.

Князья перешли на славянский язык. Стали именоваться не только по владению, но и по имени-отчеству. (Конечно, выбирали себе и детям своим не простонародные славянские имена вроде Добрыни или Вышаты, а аристократические: Святослав, Ярослав, Брячислав, Святополк и т.п., возможно, на польский манер, где были короли Болеславы.) Старательно внедряя родовое начало и противопоставляя его местной «беспородной» общинной традиции, владение самой Русской землёй Рюриковичи были вынуждены осуществлять на началах именно... территориальной общины: Киевская Русь до самого своего конца оставалась совместным владением рода князей Рюриковичей. Среди них не было сюзеренов и вассалов, они все были соправителями Руси, и каждый из них в принципе мог стать великим князем, который считался лишь «первым среди равных». После смерти великого князя киевского великокняжеский стол переходил не к его старшему сыну, а к князю — старшему в роде, затем начиналось перемещение остальных удельных князей. Например, князь черниговский становился князем киевским, переяславский — черниговским и т.д. То есть князь Рюрикович не был органически связан с землёй, которой владел, и зорко следил лишь за тем, чтобы при смене властителя в Киеве он не был ущемлён в своих правах. (Неоднократные попытки утвердить

принцип «каждый владеет отчиною своею» ни к чему не привели.) При этом часто возникали споры из-за власти, которые приходилось разрешать военной силой, от чего страдало мирное население. Опустошать землю князя-противника и уводить его людей в полон, «грабить и продавать людей» было обычным делом. В лучшем случае пленённых жителей селили на землях захватчика, в худшем — продавали в рабство: «Много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям». Страшно читать в летописях, как сотнями убивали мирных жителей, жгли города и сёла и даже святыни: «Олег, подступив к городу, пожёт вокруг города и монастыри... повелел зажечь Суздаль город...» Князья приводили на Русь в качестве союзников в междоусобных войнах половцев и других чужеземцев, и те грабили её: «Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навёл он поганых на землю Русскую...» А уж забирать провиант у местных жителей считалось нормой. И в летописях появляются сетования: «Наша земля оскудела от войны и от продаж».

Появились князья-изгои, которым не нашлось места на этом пиру жизни, и они тоже пытались устроить своё счастье — отнять уделы у тех князей, которые оказывались недостаточно сильными, чтобы удержать свои владения. В споры князей вовлекались их родственники — владельцы соседних государств, которые тоже были не прочь поживиться за счёт мирного населения Руси. Даже во время совместных военных походов у князей не было верховного главнокомандующего, а каждый из них действовал самостоятельно (пример — битва на Калке, закончившаяся столь печально). Прав был академик Рыбаков, писавший, что **самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были её князья.**

Сами князья, летописцы, а затем дореволюционные историки и публицисты много сделали для того, чтобы облагородить облик варягов-князей. Не отрицая значения побед над внешними врагами и иных заслуг киевских князей, все же надо сказать, что коренные свойства викингов они сохранили в полной мере, особенно надменность в отношениях с туземцами, алчность и неуёмную жажду славы.

Желая укрепить свою социальную базу, впоследствии предводителей славянских общин Рюриковичи сделали боярами, своего рода местной квазиаристократией, а фактически коллаборационистами. Но настоящей аристократией они так никогда и не стали: Рюриковский клан строго следил за сохранением непреодолимой границы между собой и тузем-

цами. До реформ Петра I князем нельзя было стать (например, за заслуги), им можно было только родиться, то есть это была исключительная привилегия клана Рюриковичей.

Бояре были в ещё большей степени, чем князья, носителями анархического, антигосударственного начала. Боярин в любой момент мог «отъехать» от «своего» князя и поступить на службу к другому (даже враждебно настроенному по отношению к князю, у которого боярин служил), не рискуя потерять имения в «своём» княжестве.

Вот такой была Киевская Русь, которой владели князья — потомки германцев. При том анархическом и разбойническом строе, который в ней утвердился, остаётся лишь удивляться тому, что она просуществовала так долго — до XIII века.

Появление русского народа

Русский народ образовался на рубеже XI — XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших своё значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Причина проста: эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жестокой, что неоднократно приводило к народным бунтам и вызвало массовое бегство населения из южных княжеств в Суздальскую землю. К тому же юг Руси в то время был изрядно измучен набегами половцев, истощён княжескими усамицами. При этом в числе переселенцев оказывались наиболее энергичные люди, не боявшиеся неизвестности. На новом месте, в отличие от южных княжеств, располагавшихся на чернозёмах, преобладали бедные подзолистые почвы. Это обрекало переселенцев на занятия подсечным земледелием: расчистив от леса и удобрив участок золой от сожжённой растительности, они снимали три-четыре урожая и затем переходили на новый участок, который также нужно было сначала расчистить и удобрить. Это воспитывало у новых жителей Суздальской земли характер первопроходцев и «земледельцев-кочевников», почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками (крестьяне южных княжеств надобности в таком полукочевом образе жизни и «охоты к перемене мест» не имели, их к бегству мог подвигнуть только гнёт «верхов»). Среди этих переселенцев преоб-

ладали мужчины цветущего возраста. Они вынуждены были смешиваться, сочетаться брачными узами с местным населением — угро-финскими племенами (мурома, мешёра, весь и пр.), что давало киевлянам основание свысока поглядывать на предшественников нарождавшейся великорусской народности (хотя в самих южных княжествах исконное славянское население тоже смешивалось с половцами и другими «степняками»).

Значение нового очага восточнославянской цивилизации первым осознал Владимир Всеволодович Мономах, которого отец ещё юношей поставил первым князем в Ростове. Он основал в 1108 году в Суздальской земле и назвал своим именем будущую новую столицу Руси — город Владимирна-Клязьме. В 1113 году Мономах стал великим князем киевским. А Суздальская земля была уделом его сына Юрия (Георгия). После смерти отца Юрий ещё пытался из своего «захолустья» (с точки зрения надменных киевлян) вмешиваться в дела Киевской Руси, за что и получил прозвище Долгие Руки. Он трижды, вопреки действовавшему порядку престолонаследия, занимал киевский престол, причём брал Киев штурмом, и умер в Киеве (до сих пор так и не решён вопрос о переносе в Россию его останков, лежащих где-то в запасниках киевского музея). А уже его сын Андрей не пожелал оставаться в Киеве. Он, вопреки воле отца (согласно летописи, по указанию Богородицы) отправился в Суздальскую землю. При этом он взял с собой чудотворную икону Божьей Матери (позднее прозванную Владимирской). Как сказано в одной из повестей о его жизни, Андрей вовсе не намеревался везти обожаемую икону в Суздаль или Ростов. Он страстно мечтал о своем городе. Ему очень нравился Владимир, в ту пору местечко более чем захолустное. Впрочем, Андрей не сомневался, что способен любое захолустье сделать центром вселенной. Кроме того, он хотел абсолютной, непререкаемой власти, а в Ростове и Суздале добиться ее было бы невозможно. Там существовали свои вечевые традиции, причем очень сильные: князя непременно избирало вече, и во всех своих поступках он тому вече был подотчетен. Во Владимире же, который Андрей намеревался сделать полноценным городом, он был бы сам себе господин. Себе — и всем прочим. И вот, вняв чудесному указанию свыше, недалеко от Владимира он устроил свою резиденцию Боголюбово. **Государственный переворот, который устроил Андрей Боголюбский, и привёл к установлению единодержавия во Владимиро-Суздальской земле, резко отделил её от прежней Киевской Руси.**

«Но как же так, — задают мне недоумённые вопросы, — разве жители Киевской Руси, древние русичи не были нашими предками, предками русских?» Вопросы эти наивны, но и на них придётся ответить.

Во-первых, констатируем фундаментальный факт: **Русь — это германцы, норманны, варяги**. Вчитаемся в то место сочинения Нестора, где говорится как раз о событиях 862 года. «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: *«Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву»*. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»*. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». Естественно, варяги и у себя дома были русью, и доставшуюся им землю назвали Русью. А раз столицей этой земли стал Киев, то и государство получило название Киевская Русь.

И через 20 лет, в 882 году «выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришёл к Смоленску...» И установил Олег «дани и славянам, и кривичам, и мери, и для варягов давать дань от Новгорода...» Наконец, в 907 году «пошёл Олег на греков... взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев...» И вот всё это воинство двенадцати языков греки называли **русскими по названию германского племени**, составлявшего основу нового государства (как Франция называется не по галлам, а по завоевателям-франкам). На переговоры с греками, запросившими мира, Олег послал Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида — сплошь германцев. По условиям мира Олег повелел на правах победителя: «Сшейте для руси паруса из паволок (то есть из особо драгоценных тканей), а славянам копринные», похуже. Для заключения письменного договора с греками Олег назначил внушительную делегацию — и опять целиком из германцев.

Вряд ли нужно доказывать, что ещё долгое время простые обитатели этого государства не называли себя русскими, это было официальное название населения германского государ-

ства Русь. Люди по-прежнему осознавали себя полянами и кривичами, северянами и вятичами. Общим же их (кроме чуди и других неславянских этносов) полуофициальным названием было «славяне», поскольку говорили они на разных диалектах единого словенского языка. (Уже в эпоху Возрождения практически не было в ходу название «итальянец», люди ощущали себя прежде всего флорентийцами или веронцами, пизанцами или венецианцами.)

И никаких «древних русичей» тогда не существовало. Люди жили, воевали, трудились, воспитывали детей, и им и в голову не могло прийти, что они какие-то древние. Всякое ныне живущее поколение — живое, не древнее, древним оно станет века спустя, и это название даст им наука. Точно так же мы говорим о древних греках или римлянах, но Перикл и Фидий вовсе себя древними не считали. Вдобавок слово «древний» принято использовать в отношении чего-то досредневекового. И только средневековая Русь оказывается **Древней**, чуть ли не первобытно-неолитической какой-то.

Осознание некоторого единства «русских» было, но важно понимать, что оно было на средневековом уровне — через признание власти **династии**. После крещения Руси, в ходе укрепления единства государства, слово «русский» постепенно начинает пробивать себе дорогу сначала в просвещённой прослойке, среди грамотных, но, возможно, до конца существования Киевской Руси так и не стало общепринятым, международным, о чём ниже ещё будет сказано.

Постепенно роль местного славянского населения в жизни государства повышалась. В летописях не раз встречаются эпизоды двоякого рода. «Олег вошёл в город (Муром), и приняли его горожане». Или, напротив: «Пришёл Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне». В 1113 году после смерти великого князя в городе разгорелся сильный мятеж, вызванный чрезмерной жадностью ростовщиков. Может быть, смута затянулась бы надолго, но киевляне потребовали, чтобы великим князем стал, вопреки порядку престолонаследия, Владимир Мономах. И добились своего. Владимир укоротил алчность ростовщиков и в последний раз объединил всю Киевскую Русь. После смерти его и его сына Мстислава Русь стала дробиться на отдельные, почти не зависящие от великого князя, княжества, а те — на уделы. В этом раздробленном и ослабленном состоянии она и подошла к своему концу.

Народы, как и люди, рождаются, развиваются (если не исчезают вследствие уничтожения посторонней военной силой), стареют и умирают. Вот и русский народ (великорос-

сы) родился, впитав в себя наследие разных предков. Но наличие этого наследия не отменяет факта рождения русского народа в определённый исторический момент, рассмотренный выше.

Андрей Боголюбский — основатель Русского государства

Я здесь не скажу ничего особенно нового. Русские историки давно уже отметили выдающиеся качества и деяния Андрея Боголюбского и показали, что именно с его правления начинается новая эпоха в истории, а именно — появление зачатка Российского государства. Это впоследствии грань в истории страны (до Андрея Боголюбского и после него) была заболтана и, по сути, стёрта.

В наши дни наиболее обстоятельно княжение Андрея исследовал Дмитрий Зенин. Но те моменты жизни и деятельности Андрея, которые заинтересовали меня, более подробно изложены в исследовании Андрея Синельникова. Он не без основания заметил, что «о великом князе Андрее современники наши ничего не знают или почти ничего не знают. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но ещё историк С.М. Соловьев именно Андрея Боголюбского считал основоположником обустроенной русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации. Н.П. Павлов-Сильванский начинает от Андрея Боголюбского отсчёт времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного Русского государства. В Германии этого князя называли Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia («Андрей Ростовский, великий король России»), что неудивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее могущественными светскими и духовными властями Европы своего времени. В их числе были императоры Византии и Священной Римской Империи Германской нации, патриархи Константинополя и Иерусалима, папа Александр III, а также епископ Кирилл Туровский, выдающийся русский литератор того времени.

А. Синельников уточняет основной принцип государственного устройства Киевской Руси: «Все Рюриковичи по рождению были природными государями, поэтому вассальные отношения ни на одного из них не распространялись. Каждый Рюрикович был потенциальным государем всея Руси и

был сопредстольником ныне правящего великого князя. Князья русские находились между собою в родственных отношениях, а всё остальное народонаселение всех званий, сословий и разрядов, пребывало в служебных отношениях между собой и по отношению к Рюриковичам. Кроме того, Рюриковичи были в родственных отношениях с правящими династиями двух империй — Германской и Византийской».

В то время, о котором здесь идёт речь, от Англии до Центральной Монголии существовал закон, по которому, если кто из детей монарха умирал, не успев короноваться, и у него оставалось потомство, то эти дети теряли право короноваться и, оставаясь членами правящего рода, выбывали из коронационной лестницы. Такие люди относились к изгоям».

И далее: «...в начале последней четверти XI века Европа, несмотря на якобы имеющиеся трения между православным и римским духовенством, была общим домом для народов и знати. С общим социальным укладом, аналогичными законами... Вроде бы жить-поживать в этом большом семейном доме, да добра наживать, но... Стержнем всего средневековья, вокруг которого разворачивались трагические события на Руси, во Франции, Византии, Чехии, Дании, Германии был конфликт между дядями и племянниками... Потомство Рюрика, распространившееся по всей Европе, было действительно значительным. Следствием этой плодовитости стало ослабление и дробление высшей власти. Поскольку знать по своей природе была воинственной — прямо скажем, исключительно военной, — то если знатный человек снимал рыцарский пояс, это означало или крайнюю физическую немощь, или уход в монастырь. Война была основной формой существования средневековой знати, поэтому общий дом всё время бурлил...» Более того: «В христианской Европе знать имела право служить любому государю, независимо от того, на чьей территории находились её владения. Барон-боярин мог без ущерба для своих владений воевать против того государя, в пределах власти которого была его вотчина (синьория). Изменой считался переход на сторону противника во время боевых действий или без объявления причины отъезда. Поэтому все опоясанные мечом имели право свободного перехода.

От не прекращавшихся частных войн наибольшие потери несло мирное население и церковь. Поэтому христианские пастыри в середине XI века выступили с инициативой Божьего мира».

По призыву папы Урбана II многие рыцари и простолюдины Европы отправились в крестовый поход и на короткое

время отвоевали Святую Землю у мусульман. Но на этой земле, крошечном островке христианского воинства посреди бушующего мусульманского мира, нельзя было выжить, не положив конец бесконечным внутренним войнам. Там было построено централизованное феодальное государство с соборным управлением. «В Европе же внутридинастийная чехарда продолжалась. Авторитет высшей власти упал до последней крайности... Император, король и наш великий князь киевский обладали в то время самой номинальной властью...»

Андрей Боголюбский проложил путь к новой государственности, по которому пошли также король Франции Людовик VII, император Германии Фридрих II Барбаросса, король Англии Генрих II и император Византии — Мануил I (кстати сказать, все они были в той или иной степени родственники). Путь этот заключался в обуздании вечно воевавших между собой вассалов и установлении единоличного наследственного правления великого князя (короля, императора). И вот что произошло на Руси.

«Соборное решение упразднило уделы в Ростово-Суздальской Земле и объявило всех владельцев — под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединённом княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли. Началась централизация государства». Бесповоротным этот процесс стал **в 1162 году, когда Андрей лишил уделов** и послал в Константинополь своих братьев, сына Мстислава и отцовских бояр. **Здесь и пролегла принципиальная граница между Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц, и созданным Андреем Боголюбским Велюкорусским государством, основанном на единодержавии. И произошло это ровно через триста лет после призвания варягов.**

«Как отголосок этой победы приходят Андрею Боголюбскому поздравления от императоров Византии и Священной Римской империи Германской нации, патриархов Константинополя и Иерусалима, папы Александра III и епископа Кирилла Туровского, выдающегося русского литератора того времени, — продолжает А.З.Синельников. — Поздравления и просьба взять под свою Державу Русь и другие земли... В 1157 году умер (вероятно, был отравлен на пиру у киевского боярина) Юрий Долгорукий. Со всех сторон Руси к Андрею обращались с призывом взять всю Русь под Державу свою. Но только в 1169 году час Андрея пробил. К нему пришла депутация из четырех князей и представителей 50 городов с просьбой защитить их от произвола киевского и других

хищников. Андрей созвал собор во Владимире, который постановил, что надо спасти Русь от пленения и разорения, для чего своих хищников укротить. Сам князь, признанный депутатией истинно Великим, в поход не пошел. Во главе войск он поставил своего сына Мстислава». Мстислав штурмом взял Киев, который был отдан на три дня войску победителей на разграбление. Но все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола и пр.) были тщательно собраны и вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицей Руси. Его князья, лишённые прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, уже зависели от воли Владимирских держателей и утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев и не стал удерживать его за собой лично, а посадил в нём брата Глеба. Вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир.

Особое значение имеет тот факт, что Андрей подчеркнул исключительность своего государства нововведениями в сфере религии. В то время, как центральные храмы Киева, Новгорода и многих других городов Киевской Руси посвящались Софии — Премудрости Божией, Андрей ввёл на Руси культ Покрова Богородицы, что было отмечено постройкой прекрасного храма Покрова Богородицы на Нерли. Смелость нововведений Андрея можно оценить, если учесть, что праздник Покрова Богородицы был установлен в Византии в память о чудесном заступничестве Матери Божией за Константинополь, который был тогда осаждён воинством киевских князей. И в дальнейшем в землях Андрея храмы посвящались преимущественно Богородице.

Андрей Боголюбский, видимо, сознавал принципиальное отличие его великого княжества от других княжеств Киевской Руси, понимал, что оно представляет собой более высокий тип государственного устройства, отвечающий новым требованиям времени, и делал всё, чтобы подчеркнуть это обстоятельство.

И вот, по А.Синельникову, финал: «Наконец, наступил долгожданный момент истины. В начале 1174 года противники и союзники пришли просить у Великого князя защиты, суда и Правды. Предлагали провести во Владимире или Боголюбове общий съезд (собор). Андрей несколько месяцев молчал, наконец, отпраздновав Светлое Воскресение Господне, ответил: «Подождите немного, пошлю побратию свою на Русь».

Но 28 июня 1174 года святой благоверный Великий Князь Киевский и Владимирский Андрей Георгиевич был убит заговорщиками в своем замке Боголюбово.

В чём величие князя Андрея Боголюбского? Он вырвался из мира княжеских усобиц и первым начал строительство Владимиро-Суздальской земли как общенародного государства. Тут была опробована «модель единства партии и народа». Православие стало религией всего народа — и элиты, и «низов». Стало престижным служить православному государю. Андрей в своей земле покончил с национальным унижением и иноземным порабощением.

В Киевской Руси туземное население было отключено от политики и очень редко заявляло о себе. Летописи повествуют почти исключительно о деяниях князей, да и то далеко не всех. Как только князь выбывал из борьбы за киевский стол, так он и исчезал со страниц летописи. А об удельных князьях часто вообще не упоминается, кроме констатации того факта, что у такого-то князя родился сын, и о его судьбе ничего больше не известно. Всё это впоследствии было подхвачено Московским государством. Это нашло отражение и в литературе того периода.

После короткого периода смуты на великокняжеский престол вступил его младший (сводный) брат Всеволод Георгиевич Большое Гнездо (прозванный так за многочисленность его потомства). Но наступала новая эпоха в истории Руси. К её границам приближалась Орда.

Всеволоду наследовал его сын Юрий Всеволодович. Он пытался противостоять ордынскому нашествию, но его войско было разбито, и сам князь погиб в битве. Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи Чингизидов. Брату Юрия Ярославу Всеволодовичу пришлось получать ярлык на великое княжение у хана Батыея. Ярослав настолько понравился Батыю, что они стали побратимами. Ярослав даже представлял интересы Батыя на Всемонгольском курултае в Каракоруме, где выбирали нового великого хана на место умершего.

Надо представить себе, что значило для русских князей съездить в Каракорум, за тысячи километров. Они не просто повидали многие страны, но и знакомились с достижениями великой восточной империи — дорогами со станциями сменя лошадей, с ямской почтой и пр. Это чрезвычайно расширило кругозор князей и, в конечном счёте, предопределило смену ориентации с Киева на Каракорум. Евразийцы были правы, когда утверждали, что Московская Русь была созданием не только киевских князей, но и монгольских ханов.

Но наиболее выдающимся государственным деятелем становящегося Русского государства, умело использовавшим союз с Батыем (сыну которого Сартаку он стал побратимом), был сын Ярослава, великий князь Владимирский Александр, получивший название Невский за свою победу над шведскими интервентами на реке Неве.

Русь Северо-Восточная — антипод Руси Южной

Владимирская (а позднее Московская) Русь не только не была преемницей Киевской Руси, но и представляла собой полнейшее её отрицание.

Вообще Киевская Русь являлась европейским государством, изначально ориентированным на Запад (Византия в то время была недостижимым идеалом для европейских государств, то есть тоже как бы Западом).

В Северо-Восточной Руси складывается совершенно иной общественный и государственный строй, нежели был в Киевской Руси, основанный на самодержавии, на правлении великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета. Совершенно иными стали и её торгово-экономические и культурные связи с зарубежьем.

Складывавшемуся русскому народу не пришлось выбирать веру, терзаться сомнениями, посылать послов для ознакомления с разными вероисповеданиями. Но всё же в Киевской Руси православие оставалось в значительной мере верованием элиты. А с укреплением нового строя государства параллельно шло распространение православной веры вширь, в массы. Новые черты православию придало именно укрепление культа Богородицы в землях Андрея Боголюбского и установление нового религиозного праздника Её Покрова, что, как уже отмечалось, стало открытым вызовом Киеву. На такой поступок способен лишь истинный реформатор, даже революционер. Новшества Андрея в религиозной области можно сравнить только с реформами Петра I. Со времени Андрея в русском православии ещё более важное место занял именно культ Богородицы.

Жители Суздальской земли уже не называли свой край «Русью». Для них, как и «для суздальского летописца «Русь» — Юг, Приднепровье, Киев. А он сам — житель земли Суздальской» (Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 163).

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское нашествие. В результате его Ки-

евская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания, и на протяжении десятилетий это место оставалось безлюдным. Опустошены были и другие срединные земли Киевской Руси. Западные её земли постигла иная участь. Князь Даниил Романович получил титул короля от римского папы, под покровительство которого отдал галицкие и волынские земли. Позднее Киев и большая часть Правобережной и частично Левобережной Украины, а также земли нынешней Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. Южные области подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налёта длинные вереницы пленных украинцев тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии. В XVI веке возникла Запорожская Сечь — центр украинского казачества, жившего не столько хозяйственной деятельностью, сколько военной добычей. Эта казацкая военная демократия вела почти непрерывные войны с Польшей, Крымским ханством, Турцией и Россией. В этой обстановке формировалась украинская нация. В землях литовских образовался белорусский народ (государственным языком Литовского государства был белорусский).

Но только младшему сыну Александра Невского Даниилу, которому достался в удел город Москва, пришлось сыграть роль основателя нового Великорусского государства. На протяжении нескольких столетий произошло «Собирание русских земель вокруг Москвы», что привело к образованию **империи Даниловичей**. В ней и выработалась у русских «служилая» система ценностей с обостренным чувством долга (в противовес западному акценту на чести), почитанием личных, а не родовых заслуг, подчинением частной и семейной жизни «общему делу» и т.д.; словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Именно в империи Даниловичей сложился **тот тип государственности, который определил на века облик России и русского человека — Православное Самодержавие**.

В правление Великого князя Московского **Василия II** утвердилась идея строя Православного Самодержавия — **«один народ, одно государство, одна вера»**. «Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное самосознание, по существу, никогда не подымалось» (Карташов А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; М., 1991. С.32.). Столица мирового православия перешла из павшего Второго Рима в Москву, Василий II по-

лучил свыше посвящение в «**подлинного вселенского царя всего православия**». А в правление **Ивана III** Европа увидела возникшую на своих восточных окраинах «огромную империю» москвитов. В это время произошла смена вектора европейской политики России с северного (Германия, Франция) на южный (Италия), и этот поворот оказал большое влияние на развитие русской культуры. Идея «Москвы — Третьего Рима» становится основой официальной государственной идеологии. Заканчивается эта эпоха грандиозной утопией христианского государства **Ивана Грозного**. Учреждается опричнина как духовно-рыцарский орден. **Самодержавная революция** окончательно утверждает основной принцип русской государственности. Православие было в тот период лишь иным выражением принципа идеократии, а самодержавие — формой проявления принципа нераздельности власти. И оба эти принципа и в дальнейшем соединялись в русском мессианизме: Россия должна быть мировым лидером, будь то страна с единственно правильной верой (как при Василии II) или с наиболее совершенным общественным устройством (как в СССР), и открыть путь в светлое будущее всему человечеству. Отсюда и стремление русских сбиться в тоталитарный монолит и поиск сверхмиссии.

А вечной оппозицией носителям этой идеологии — московским князьям-царям — было боярство, имевшее (и стремившееся навязать обществу) противоположные взгляды на смысл жизни человека и его достоинство, традиционные для европейцев (и для Киевской Руси). То есть оно в России было объективно прозападной партией. (Ныне преемником боярства выступает, по самоназванию, «креативный класс» — в основном творческая интеллигенция средней руки и офисный планктон.)

Торжество «боярской правды» в правление Бориса Годунова, расцвет спекуляции и коррупции привели к **Смуте**, после которой империя Даниловичей сменилась её отрицанием — империей Романовых. Романовы не были Рюриковичами, они являлись всего лишь боярами (доводом для их избрания на царство было то, что они находились в самой близкой связи с прекратившейся царской династией, но... по женской линии). И с точки зрения князей, оказавшихся подданными царя, Романовы не имели законного права на трон. (Это тонко уловил Пушкин, у которого в «Борисе Годунове» оппозиционеры толкуют между собой: «Шуйские, Воротынские — природные князья».) Поэтому отношение первых Романовых на троне к князьям-Рюриковичам было двойственное. С одной стороны, они чувствовали свою чужеродность в среде

этих «природных князей», ощущали нечто вроде зависти к ним и долго опасались заговоров с их стороны. С другой — им хотелось подчеркнуть, что они — продолжатели дела Рюрика и его потомства, владельцы созданного Рюриковичами государства. Почти все цари, а впоследствии императоры из династии Романовых стремились подражать западному образу жизни, «цивилизовать» Россию и втянуть её в Европу. А со времён Павла I русские императоры женились на немецких принцессах, что также как бы делало их причастными к делу германца Рюрика. Поэтому для Романовых было естественным торжественно отметить в 1862 году 1000-летие российской государственности. Как известно, политика Романовых на втягивание России в Европу кончилась грандиозным крахом.

1917 год открыл новую, советскую эпоху в истории нашего государства. Советский период, по историческим меркам короткий (всего 74 года), оказал огромное влияние не только на жизнь народов нашей страны, но и на судьбы всего человечества. Уверен, что изучение его опыта, причин успехов и провалов будет служить основой для выработки путей развития России в ближайшие десятилетия. И этот опыт ещё послужит не только России, но и всему человечеству.

Мы живём в переходный период, когда советский строй рухнул, попытки построения капитализма в современной России заканчиваются крахом, а форма правления, государственный строй и общественные отношения, которые придут на смену нынешним, ещё не ясны.

Так сколько же лет именно российской государственности?

И вот в этой обстановке полной неясности в отношении будущего России кремлевские сидельцы наметили торжественно отпраздновать 1150-летие российской государственности. Дескать, в 862 году новгородцы призвали варяжского князя Рюрика править их великой и обильной землёй, в которой, однако, нет «наряда», должного управления. А когда Олег захватил Киев, возникла Киевская Русь, с порядками которой решительно порвал Андрей Боголюбский.

Но в то же время кремлевская власть не намерена никак отметить случившееся ровно триста лет спустя становление единой державы в зачатке Русского государства — в великом княжестве Владимирском, в котором были заложены основы именно русской государственности. Не кажется ли странным такое отношение к русской истории?

Вряд ли кто станет отрицать, что история России сознательно фальсифицировалась. Переписывание и поправка летописей в угоду сменявшим друг друга властителям происходили ещё в Древней Руси. До Октября история фальсифицировалась в интересах династии Романовых, не бывших князьями-Рюриковичами и утвердившихся на престоле благодаря особому стечению обстоятельств. Не были свободны от идеологических шор и субъективизма и классики исторической науки — Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, не говоря уж об Д.И. Иловайском или Н.И. Костомарове. Как справедливо замечает новосибирский историк, философ и культуролог Виктор Дорошенко, «все русские историки — Карамзин, Соловьёв, Ключевский — европеизированные, а не собственно русские. Это истории, написанные в европейских понятиях о русских событиях. Собственной истории России мы до сих пор не имеем».

В советский период история преподносилась сначала на основе схем, построенных на принципах марксистского экономического детерминизма («школой Покровского»). Затем её перекраивали так, чтобы ярче выступили «доблестные образы наших великих предков», также далёкие от объективности. В 1990-е годы преобладал взгляд на наше прошлое, особенно на советский период, как на некую «чёрную дыру» или даже «выверт истории», соответственно и истолковывалось прошлое России. Сегодня только начинается возврат к здравому смыслу, но новейшие трактовки истории России, судя по одобренным учебникам для школ, рисуют либо совершенно эклектическую картину минувшего, либо (особенно если судить по учебникам, написанным либералами или сотрудниками фондов Сороса) страдают неискоренимой русофобией. В итоге вместо истории мы имеем мифологию.

Конечно, труды по истории непременно несут на себе печать субъективного её понимания автором. К тому же мы сейчас не знаем достоверно ничего даже о больших событиях, свидетелями которых были сами. Например, люди моего поколения, которые в 1950-е годы были уже взрослыми, не знают доподлинно (как не знают этого и все ныне живущие россияне), при каких обстоятельствах умер Иосиф Сталин или кончил свою жизнь Лаврентий Берия. И можно ли считать достоверными свидетельства летописцев, относящихся к временам «туманной юности» Древнерусского государства? Но есть и такой важный момент, как общественные ожидания. В жизни народов периоды подъёма обычно чередуются с вре-

менами спада. «Есть время разбрасывать камни и время собирать камни». В 90-е годы был сильный спрос на негативное толкование истории, и «учёные», осознавшие этот спрос, нашлись. Ныне появляется спрос на объективную, но в то же время жизнеутверждающую концепцию отечественной истории. А исторических трудов, отвечающих этому спросу, освещающих события минувшего так, чтобы из них можно было извлечь полезные уроки для наших дней, пока не создано. Так время ли сейчас ломать копыя вокруг фигур полумифического Рюрика или Олега, больше известного по легендам, чем по реальным источникам? Особенно если учесть, что совершенно не разработаны важнейшие вопросы истории становления именно Русского государства, началом которого стало Владимиро-Суздальское княжество Андрея Боголюбского. Ведь этот-то период не нуждается ни в каких мифах и легендах, исторические свидетельства о нём, причём подлинные, в изобилии. Так что дело лишь за тем, чтобы преодолеть косность академической исторической науки, избавиться от стереотипов и взглянуть на историю России без шор на глазах.

ЦАРИ И ПСАРИ

У каждой эпохи свой эпитафия. У нашего последнего двадцатилетия, остервенело ломаемого через либерал-монетаристское колено, отравленного потребительством вора и тотальным иудством политиков, он, похоже, таков: «Да, были хуже времена, но не было подлей».

ЧУЖИЕ КРОВИ — СВОЯ СУТЬ

Хор Турецкого на «Субботнем вечере» ТВ.

В зале одна и та же тусовочная колода лиц. Камера, направленная на кого-либо, возбуждает на тошнотно-примелькавшейся мордашке хлопотливый восторг: она показательно сопереживает.

Исполнители статны, слаженны, катарсисно-неистовы. У каждого виртуозно продуманная притягательность: волосатые груди в разлёте белокипенных рубах, соболиные бровки, ажурные усики с бакенбардиками, небрежная кудреватость «а ля Д'Артаньян».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Чужие крови за века миграций дали им высокие лбы, статность, породистость, не проникавшие в отфильтрованные, нередко кровосмесительные диаспоры в местечках. Эти же крови позволили им заимствовать из чужих суперэтносов гармонию и строить на ней классическую полифонию вокальных аккордов. Их вокал восхитителен, вздрючивает тусовочную среду обитания, которая клубится в зале.

На сцене царит плотски роскошная оболочка хористов. А в ней — суть: всепоглощающий, истинный, свой, вековечный рефлекс. Хористы, страстно расплескивая моцартовскую, баховскую гармонию, поют:

— Купите бу-у-ублики! Платите ру-у-ублики! Платите ру-у-ублики... да поскорее-е-е-й!!!

КУДА ТЕБЯ НЕСЁТ, ТРОЙКА?

В русской «тройке», ныне безумно прущей по социальной «зачистке» лузеров, лохов и «национал-экстремистов», когда-то народилась народная мудрость: «Не бойся царя, бойся псаря».

Психотипы Руси складывались и мутировали в ведической, арийской эпохе, потом под татаро-монголами, затем недолго под Столыпиным. Лучших выморил и истребил Кагал («Лучшего из гоев — убей!»). Остальные расплодились. С плодами и сожительствуем ныне на селе.

...Недавно встретил на селе долго не появлявшуюся в поле зрения землячку Елену: божий одуванчик в юбке, разменявшую шестой десяток. За плечами библиотечный техникум и взрослая дочь с малышом. Отца и мужа обе уже почти не помнят. Были когда-то семья, размеренная работенка в дирекции совхоза (теперь раздолбан «реформами»), малое подворье с птичьим хозяйством и блохастым Кабыздохом. Ныне — черная дыра быта, из коей чадит нищета. Кабыздох уже не гавкает, следуя заложенному в его имя пожеланию — окошел в старческой неприютности и голодухе.

В глазах Елены не просыхающий, тоскливый ужас, которому никогда уже не разгореться взрывным и действенным протестом:

— Васи-и-илич, чё ж это они делаю-у-у-ут?! Чё делают то-о-о?!

«Они», насколько понимаю — это «псари» нынешней разрухи, которых следует бояться больше, чем «царей». До кремлевских «царей» тысячи километров, у них иные масштабы и объекты хапка. А «псари» рядом, обступили, сосут последние соки. Одни где-то состряпали, другие завезли и продали че-

рез сельскую аптеку инсулин, от которого брат Елены, диабетик, впал в кому. И погребен.

— Инсулин вкальывают, а Лёнке все хуже, потом пена изо рта пошла. И отмутился. Врач токо руками развел: не повезло, грит, левак инсулиновый в аптеку завезли — отравка фальшивая. И никого к отвенту! Все шито-крыто! Законов на них, грит, нету, а?! А законы ныне под Грызлом пекутся и грызут-то хуже псов цепных! Это ка-а-ак?!

Недавно кум из агрохозяйства заезжал. Аж черный весь, вторые сутки не спит: как жить дальше? Вырастили хорошее зерно. Приехал то ли министр, то ли его зам, сатана эту колду разберет. Расплатиться посулил и зерно забрал — несколько «КамАЗов». Чё ты думаешь? Расплатился, аж полторы тыщи за тонну отвалил! Хватит с вас, грит. А они больше двух на тонну затратили, чтоб вырастить. Подали в милицию для уголовного дела, договора с подписями привезли, а менты на них волками оскалились: мы вас щас самих в кутузку за клевету — и договора энти порвали! Чё ж это делаиц-ц-а-а-а?

Цену на воду вдвое задрали, хоть отрезай летнюю водопроводку: огород польешь чё ли за такие деньжищи? Ни картохи, ни тыквы теперь не вырастишь. Пенсия четыре тыщи. Тарифы с ценами ровно сбесились, нет им удержу, всё вдвое, втрое подорожало... а энти, наверху про какие-то семь процентов в год кукарекают, за придурков нас, чё ли, держат?! За дом, землю, газ, электричество, за воду от себя три с кровями оторвешь — тыща и останется. Хошь живи, хошь издыхай на нее. Теперь токмо домовину готовить... Не-е. В лесу, в овраге местечко подалее сыскать, таблеток горсть сглотнуть да сгнуть втихомолку, чтоб дочка с похоронами не надрывалась.

...Картежник Герман из «Пиковой дамы» провозгласил главный тезис доморощенных нуворишей: «Пусть неудачник плачет!» Политические иуды, чиновная кодла и офисный планктон — т.н. «винеры» нашего времени, подкорректировали понятие «неудачника»: ныне это «совки», «лузеры», «лохи» и вообще красно-коричневые, потом и кровью которых порождено Государство Российское, но которые не вписались в хапковый вираж горбостройки. Из них на 90 процентов состоит Россия.

Самое пикантное в этой ситуации: все эти «винеры», как правило, ничего не умеющие производить, — суть двуногие аскариды, сосут соки из «лузеров», не переставая молиться забугорному золотому тельцу, некогда состряпанному Аароном из золота, краденного у египтян. Выдави из винеров насосанное, оторви от процесса сосания и отправь туда, за вожделенный бугор, многие (без особых иудских Горби-заслуг

по разрушительству России) рано или поздно окажутся в тюрьме за нарушение законов. В Европе давно научились лечить социальный гельминтоз.

АЛЬТЕРНАТИВА ПРЯМОЙ КИШКЕ

Городок Кодигоры в Италии. Прорезающий его канал, забранный в полированный гранит, полноводен и широк. На воде то и дело всплывают жемчужные россыпи, от коих расплываются круги — то плещет в ленивой неге рыба. Ловля ее запрещена, штраф за нарушение дикий: три-четыре зарплата среднего итальянца. Об этом директивно, детярно оповещают на желтушном фоне надписи на немецком, французском и итальянском языках — туристов в городке более всего из этих стран.

До концерта ансамбля «Классик-домры» в мэрии более трех часов. Большая мамка и диктатор ансамбля Лариса Демченко разрешила полчаса прогулку своим киндер-виртуозам.

Бредом вдоль канала. Через парапет свешиваются над водой странные металлические шесты. С их концов уходит в воду капроновый шнур. Шесты прикреплены к тротуару, над креплением маслится чернотой зубчатая лебедка. Сооружение разгадке не поддается, да и разгадывать лень: парная, вгоняющая в истому жара висит над городом.

Цветастая выпуклость клумб бугрится над размягченным асфальтом вдоль парапета. Из клумб мощно прут в небо серовойлочные стволы пальм. В узорчато-зеленом ленивом колыпании крон бордово масляется гроздь фиников. Время от времени перезрелые срываются вниз. Их бесшумно гасит, принимая в себя, зеленая щетка газона.

Навстречу нашей группе бредет фигура. Классификации поддается легко: бомж, безработный. Вокруг него некий кокон из никчемности, во всем мире от таких одинаково гнетущая эманация — этот никому не нужен. Но любое чужое бытие полно парадоксами.

В опрятной респектабельной пиццерии за тротуаром вдруг распахивается дверь. В ней появляется хозяин и зазывно манит бомжа пальцем. Хозяин цветет обещающей улыбочкой. Бомж, зафиксировав приглашение, застывает в раздумье. Оно явно не вписывается в его состояние полуанабиоза. Ему давно ничего не нужно. Но, прозондировав свой организм, он фиксирует в себе, вероятно, некий резонанс с зазывом. Развернувшись, бродяга бредет к пиццерии.

Спустя несколько минуты он выходит. В его руке массивный куль из бумаги. Затолкав сверток в карман, отвержен-

ный подходит к сооружению над парапетом. Наклонившись, начинает вертеть ручку лебедки у шеста. Мокрый шнур ползет из воды к ролику на конце и наматывается на лебедку. Наконец из текущей маслянистой глади выворачивается с плеском и зависает мелкая сеть, распряленная на прутках. Над водой качается, струит водяной хрусталь рыболовный паук — вот она, разгадка!

Бомж, придерживая ногой ручку лебедки, выдергивает из кармана куль и бросает его в сеть: это, скорее всего, прикормка. Паук опускается в воду.

Бомж, ерзая задом, взбирается на горячий парапет и, уютившись поудобнее, застывает в ожидании. Мы тоже ждем — происходящее завораживает, выламываясь из всякой логики: зачем хозяину лошенной пиццерии прокисшая сущность бродяги? Как совместить запрет на рыболовство в канале и десятки рыболовных пауков вдоль набережной? Наказуемо ли столь демонстративное браконьерство на виду у всех?

Спустя некоторое время объект наблюдения соскальзывает с парапета и резво крутит ручку лебедки. Паук выворачивается из воды и ходит ходуном: в нем, разбрызгивая серебряные блески, неистово бьются три туготелых рыбины — килограмма по два. Бомж подтягивает сеть к себе и цепляет за жабры одну из рыбин. Паук с двумя остальными плюхается в воду.

Дальше еще интереснее. Оттащив рыбу в пиццерию, бродяга присаживается рядом со строением на узорчатую скамейку под тентом и закуривает. Спустя несколько минут ему выносят на подносе тарелку жареной рыбы и ломти хлеба. Рядом ставят кувшин с малиновым напитком. Умяв рыбину и запив трапезу, бомж, отрыгивая, бредет к газону с финиковой пальмой. Там он плюхается в тени на спину и вдруг вальяжно и снисходительно подмигивает нам, наблюдателям. Работник пиццерии, унося объедки на подносе, пуляет в бомжа несколько масляно-теплых слов, типа «Приятного отдыха, синьор!»

Поерзав спиной и уютившись в траве курчавым затылком, бродяга нашаривает рядом с собой в зелени несколько фиников. Заталкивает их в рот. На щетинистых щеках его размеренно и вяло вздуваются жевательные желваки. Сплюнув косточки, он зашторивает веками глаза, отгораживаясь от света. Теперь отходящему ко сну глубоко по фигу вся окружающая среда вкупе с фантомами Микеланджело, Леонардо да Винчи, Вивальди, коими пропитано мироздание, разверзшееся над Италией. Абсолютно лишними были и мы на этом празднике желудка и прямой кишки.

...Вечером на концерте в мэрии городские сливки устроили нашим вундеркиндам пятиминутные овации после заключительного «Полета шмеля» Римского-Корсакова. Музыкантов, раздавших автографы и интервью городской прессе с телевидением, ждали накрытые столы в банкетном зале. Мэр и гжуче-темпераментная мэрша в смоляных кудряшках говорили восторженные речи. И даже вытерли скупую слезу (одну на двоих) от запредельной виртуозности наших вундер-бэби.

Наконец, улучив минуту затишья, мы спросили у мэра про бомжа, его рыбную ловлю и непостижимый фейерверк радушия, которым окатил бродягу хозяин пиццерии. Как понимать его расходы на этот фейерверк в европейском мире тотального чистогана? Мэр был жутко удивлен: а у вас разве не так с бомжами?! Мы судорожно вздохнули и застенчиво признались: у нас несколько иначе. Тогда мэр поделился стратегией мэрии в вопросах обеспечения комфортом безработных:

— Это ведь мой народ. А забота о нем — прибыльна!

— То есть?

— Мы раздаем людям социального дна жетоны — на питание, стирку белья, ночлег и культобслуживание. Безработный, удовлетворяя одну из своих потребностей, отдает жетон владельцам пиццерии, кафе, прачечной, ночлежного дома, театра. В конце года хозяин фирмы или предприятия суммирует расходы на обслуживание безработных по накопленным жетонам. Допустим, это три тысячи лир. Он предъявляет эти жетоны налоговой полиции, и та снижает сумму его налогов на шесть тысяч лир. В итоге в Кодигорах нарастает прирученность бомжей.

— Потрясающе! — выплывали мы из гениальной простоты кодигорского бомжелюбия. — Ну а мэрии все это для чего — серьезная потеря в сборе налогов?

Мэр долго молчал с умудренной улыбкой. Наконец сформулировал и мэрскую выгоду:

— Италию рвали в клочья Спартак, Гарибальди и Муссолини. Они поджигали нищету и протесты плебса. В ХХI веке мы надорвались в гонке за роскошью и захотели покоя и мира. Уверяю вас, покой в стране, который гарантирует нам сытый и улаженный плебс, стоит части бюджета, потерянного в налогах.

...Россию веками рвали в клочья и поджигали в ней бедноту Разин, Пугачев, Болотников, атаманы кудеяры, бакунины, савинковы, землячки-залкинд, троцкие, матросы железняки — несть им числа.

Но еще ни один губернатор, кроме Столыпина, ни один наш мэр не воспарили разумом до понимания государствен-

ной ценности покоя и мира, которые нужно обеспечивать не только деньгами, но и кровной причастностью к своему народу.

ПСАРЁК

Смотрю в глаза местному тузу, владельцу МУП «Коммунальник». На полновесного «туза» этот субъект не тянет, разве что на «тузика» с уникально выпуклыми глазами (что-то напоминают... на что-то бередяще смахивают).

Из глаз сочится туповатое беспокойство: чего ради занесло в его владения газетную шишку? Показываю распоряжение за его подписью, снятое с доски объявлений:

«Стоимость одного кубометра воды повысить до 30 руб. 27 коп. (в прошлом году было вдвое ниже);

Подключение к водной сети — 5 тыс. руб. Иногородним — 10 тыс. руб.;

Поливной срок: с 15 мая по 15 августа;

Расход воды на полив 6 л/кв. м;

Длина поливного шланга — не более трех метров».

Спрашиваю совсем не деликатным тоном (ну не хватает его на «тузика»!):

— А если огород у бабуси не три метра, а десять? В этом случае как быть со шлангом?

— Ведроми таскать.

— Значит, шлангом нельзя. А если он все-таки длиннее трех метров? Что будете делать?

— Штрафовать и отрезать.

Глаза у «тузика» полнятся плавленным свинцом: «Пошел бы ты, знаешь куда?!» (Да где же виделись такие гляделки, когда?!)

— Вы пробовали сами уложиться с поливом до 15 августа в это лето, когда был пик жары, а овощи только начали созревать? Шесть литров за лето и осень на один квадратный метр — это мудрая норма тоже из вас вылупилась?

(Ну, разные мы, биологически несовместимые виды!)

— Нормы район спускает. На всех воды не хватает.

— Верно, зимой водопровод вышел из строя. Треть поселка сидела без воды половину зимы. Восстановить его никто из ваших не почесался, семь раз писали. Но плату за воду со всех содрали аккуратно. Возвращать халяву думаете?

— Это пусть район решает.

— Всем известно, что на территории бывших ферм (разрушенных и разграбленных, от коих уже и коровий дух испарился) пробурены и законсервированы две скважины. Почему не вводите их в строй?

— Денег нет. Деньги в районе.

— А вы район о скважинах оповещали?

«Тузик» молчит. Глаза его лезут из орбит, в них слизняковое, наглое все то же: «Пош-шел ты...!!!»

Где же... где виделись и запомнились такие гляделки?..

И вдруг вспомнилось: Египет! Наш катер с дайвингистами медленно подплывал к месту погружения. Навстречу — похожая посуда скользит мимо в 5—6 метрах. В борту два метровых, близко содвинутых, выпукло плящих на нас иллюминатора. За ними... скотская мерзятина: три голых пары извиваются в групповой случке. Инструкторы перекинулись двумя-тремя словами.

Наш переводчик и проводник-араб, брезгливо ухмыляясь, выцедил:

— Это ваши!

Дайвингистки, взвизгивая, ошалело отворачивались от порно-похабел. За вылупившимися на нас иллюминаторами благоухала скотобаза: плавучий бордель с русской начинкой.

У «тузиков» всё ныне схвачено и оплачено, в их выпуклых глазах не просыхающая, хищная случка с наживой.

БАНДЕРЛОГИ

В юности не мог понять: что же так отвращало вожakov стаи Маугли от бандерлогов?! Обезьяны в джунглевой иерархии Киплинга занимают самое низшее место, выражаясь лагерным сленгом — у параша. И отношение к ним соответствующее.

...Прошли годы. Включая приемник в машине, натыкаешься на Retro-FM. Кастратную музыку, из которой с мясом выдраны любые национальные мотивы, еще как-то можно слушать. Но заканчивается какой-либо «шлягер» или «хит», и в эфир резво запрыгивает компашка радиоведущих. Три воспаленно трещащих мартышки, перехлестываясь фразюльками, лезут в уши обезьяньей трескотней. В твою память, в сознание оголтело прет мусорный набор бытия: кто с кем переспал, что подарил «спонсор» какой-нибудь звезданутой диве, на сколько машин тянут трусики у Дарьи Абрамович, кто под кого прогнулся на кремлевском толковище.

У мартышек безудержная диспепсия из ротового ануса, и она всё обильнее льется на нас из приемников и с телеэкранов.

В который раз поразишься арийской прозорливости Киплинга, препарировавшего суть бандерлогов, коих ныне за чем-то обучили говорить, ходить на двух ногах и выпустили из местечковых клеток на информационные луга.

Русский дуэт, зачем-то названный «МІХ»: Войтенко и Храмов — чемпионы мира среди баянистов. Два показательно накачанных, кочующих по сценам мужских экземпляра — с виртуозной исполнительской техникой. Оба в свое время, закончив консерватории, сражались между собой и с остальными претендентами за мировое первенство на конкурсах, сражались неистовой работоспособностью, невероятной выносливостью организма, обостренным чувством классического репертуара, где русский баян вознесен их талантами до мирового статуса скрипки и фортепиано.

Хорошо знаю Войтенко в период его самарского ученичества, затем исполнительского возмужания. Парень тяжкими трудами зарабатывал свое имя, еще будучи в тени всемирно известного самарского ансамбля Демченко «Классик-домра». Имя добывалось в нищете, в изнуряющих поисках собственного репертуара. Но капкан безвестности и нищеты не отпускал. В шоу-среде диктовали и диктуют до сих пор свои правила сукачëво-шафутинский блатняк, рок и смехоржачка. Этот обильно посеянный сценический пырей безнадежно засорил все мало-мальски значительные концертные площадки страны. Над бешеным прорастанием его и финансовым поливом маячит волосатая лапа власть имущего садовника.

«Классик-домра», не пожелавший расстаться с классическим репертуаром, был раздавлен в лепешку перестроенным катком и местечковой интеллектуальностью самарского губернатора Титова и мэра Лиманского.

Классический и, особенно национальный, русский репертуар, агрессивный и целенаправленно выдавливается со сценических площадок России. Театр превратился из сеятеля Духа и гармонии в пошло-спермную мейерхольдятину.

Намертво перекрыт доступ на TV-экран одному из лучших басов СНГ Владияру, чарующему питерцу Сергею Захарову, уникальному русскому сопрано Петровой, Кубанскому казачьему хору, ансамблю танца Моисеева. Мы совсем не слышим в последнее двадцатилетие добротных дуэтов, трио, квартетов, хотя бы отдаленно напоминающих «Ореро», «АББА», «Яллу», «Песняров». Вместо них тотально насаждается компашка хрипунов и беспросветная, вульгарная серятина. Она закрепляется в мозгах и памяти «пиπλα» агрессивной раскруткой на TV-экранах. Раскрученным уже давно тесно не только на экране, но во всей загаженной России, как горбуше, прущей на нерест в узкое русло.

Большой театр до сих пор благоухает экстрементально-оперным испражнением от Сорокина.

Более месяца ввинчивали в российские мозги гешехтную кончину и интимные пикантности американского джексона-дрыгунка, надувая из него шоу-мамонта всех времен и народов.

А с баянистами ныне все в порядке: они хорошо запомнили судьбу «Классик-домры». Два мировых чемпиона не следают с телеэкранов, блистательно играют там «Цыпленок жареный» и прочее подобное — на уровне трех-четырех аккордов в мажорном сочетании «уп-ца, уп-ца» и «тындыр-пиндыр». Пиплу, ревущему в залах и опущенному той самой волосатой лапой до уровня плитуса, прикольно, круто и кайфово.

При Франко в Испании был расстрелян и зарыт в общей могиле гений испанской поэзии Гарсиа Лорка. Кажется, Геринг сказал: «При слове «интеллигент» моя рука тянется к кобуре с пистолетом». Что-то аналогичное застряло пока в верховных глотках и братковой кобуре у наших слепых поводырей... Надолго ли застряло?

Василий КИЛЯКОВ

КАМЕРТОН СЕРДЦА

* * *

...Когда поживешь до вечера, поработаешь, отведаешь вполне этой жизни «в полную меру», покрутишься в мире этом, и, не находя оправдания ей, вернешься домой, — дети дома включают телевизор. И вот, непроизвольно глядя на то, что их увлекает, ловишь себя на мысли, что там, в телевизоре — нет жизни. Она не то чтобы не отражена, а даже и вовсе не заявлена, не представлена даже и малой толикой «реализма»: то какие-то сумасшедшие Санта-Клаусы скачут по Америке, стреляя напрапалую и расстреливая прохожих по дороге вме-

Продолжение. Начало в №9 за 2012 г.

сто поздравлений, то маленький, смешной, с мелкими колючими зубами и накладными бицепсами «Рембо» бьет всех и топчет все, что способно шевелиться. То «Ундина», то уродливые киборги и люди-пауки. И становится странно: неужели никто из окружающих (не говорю о владельцах каналов), неужели никто не понимает, что это ненормально, что — намеренно. Эта проповедь пустоты, которая варит, как в котле, очевидность, блистание жизни, переворачивая и показывая нам ошпаренные, ошарашенные дикие рожи, рога, перепонки крыльев чудовищ...

Нельзя жить настоящей жизнью и выдавать ее намеренно за неестественную, искусственную. Но проделывать такое с детьми, которые увлекаются, вовлекаются в любые куражи и коллажи — проделывать такие фокусы с ними — дело гнуснейшее. Не о таких ли сказано в Евангелии, что «лучше бы им не родиться вовсе».

И другое: а вот мы, здоровые, сильные мужики, отцы и матери, старшие братья и учителя, все молча сидим и дожидаемся, когда эти выродки — владельцы каналов телевидения — сами осознают и устыдятся последствий своих «творчеств». Не дождемся, не будет этого.

А пока мы вынуждены поодиночке каждый своими телами, сердцами закрывать похабные экраны от детей, как дзоты на фронтах Второй мировой.

* * *

Храм Спаса Нерукотворного в Пушкино. Приехал большой чин с охраной. С паперти он звонил на ходу по мобильному телефону напрямую, как казалось, самому Господу Богу. Церковь мало-помалу набивалась богатыми и очень богатыми людьми на скорое отпевание кого-то из своих. Странно было смотреть, что почти никто из них за службу ни разу не перекрестился. Для чего же пришли на отпевание, если не видят в этом никакого смысла.

Я ушел из церкви, взял грех на душу: так и не смог настроиться молитвенно, а присутствовать только видимо на молитве — тоже не смог, что-то мучило душу, томило. Сбила с толку спесь, как теперь говорят, — «энергетика».

* * *

Турпоездка в Новый Свет — Америку началась почему-то с посещений супермаркетов, незапланированно, необъяснимо, внезапно, и потому пришлось покориться чаяниям толпы. Без знания языка и в одиночестве не очень-то попутеше-

ствуешь, тем более в первый же день. И вот — грандиозные магазины. Разложено, развешано, красными чертами перечеркнуты «старые» цены, обилие сумасшедшее, сто видов разных пар носков, тысячи трусов; путаешься, погружаешься в неистребимую тоску. Зачем мне столько носков, я же не сороконожка. И как они перечитывают, учитывают все это? Зачем такая бездна предметов: первый этаж — холодильники, второй — пылесосы, три этажа тряпок, курток, костюмов, потом выше и выше и выше, и все сияющее барахло, миллионы вещей, которые никогда не нужны мне были и никогда не понадобятся. И зачем все это человеку, разве не нужнее ему собственная душа, а не рассеянное внимание? Все равно каждому достанется «храм в четыре доски». И тут пришла мысль, что к каждому громадному магазину, к входным дверям, надо бы прислонить расшитый гроб во имя ежеминутной памяти американцам о бренности всего в этом мире. Но с каким одурением люди эти смотрят, трут в ладонях, растягивают, нюхают, покупают. Воистину для них — «потребляю, значит, существую».

И точно в подтверждение этой мысли, в Америке несправимо толстые зады у всех человекообразных, причем обоих полов. И эти громадные животы! Они еле двигаются, эти большие тучностью, огромные куски мяса...

Соревнования — кто больше съест гамбургеров, пусть и до смерти, или сосисок в тесте, или австралийских тараканов, саранчи, как это по-американски! Это не сумасшествие, это образ мысли, образ существования. Порой кажется, что здесь экспериментально удалось вывести особый подвид животных, разительно похожих на людей. Того, кто побывал здесь, наверное, поражает одно: где они берут своих звезд Голливуда, потому что выбирать, в сущности, не из кого, одни инвалиды по ожирению?

А ведь и впрямь: шварценеггеры и тайсоны, если куда и годятся, если умеют бить морды или бегать спринт, то уж непременно должны и возглавлять Калифорнию или иной штат, или, как Рейган, в самые президенты попасть... из актеров. И это легко: будь или кажись остроумен по выученному тексту, выучи его, этот текст, нарасти горы мяса на плечах и животе, научись метко стрелять из сверхоружия в детских фильмах или взорви комету, угрожающую Земле, а лучше Россию, эту «империю зла», империю непонятных людей, которые читают Пушкина, слушают Чайковского, людей, которые уже одной этой своей непонятностью, нежеланием держать дома тысячи пар носков, десятки пылесосов и проч. явно угрожают тебе, американец. Молись на антимадонн, подплясывай, и успех, и выход навстречу к благополучию тебе

обеспечен. При условии, конечно, если все свободное время ты будешь под съёмочной камерой, будешь без усталы колотить голыми кулаками по развешанному на крюках мясным тушам, заученно шутить, грозить кулаком за интересы Америки, рушить скулы и стрелять, не переставая, в Голливуде. И девиз существования понятен, знаком: «Все для гордыни и гордыня превыше всего!» «Боже мой, — думал я, задирая голову на небоскребы, — как это скучно».

Многие, однако, в Старом и Новом Свете, не раздумывая, согласились бы умереть тотчас, едва их имя занесут в книгу рекордов Гиннеса: кто дальше плюнул, кто громче пукнул или быстрее всех остальных съел банку земляных червей. «Американо-плоть» торжествует, доведена до абсурда во всех сферах, блогах и формах. Их язычество при всем огромном присутствии всяческих верований и разнообразий религий, в сущности, явный протест самой гармонии, даже и просто природе.

Нынешнее их прелестное искусство с голосом воркующей Мерлин Монро и с ее духовным же развитием и смертью от пресыщения на роскошной постели — это и есть их язычество, то язычество, которое само вобрало в себя все возможности рая. Рай для них — это много женщин и много еды. И рай этот языческий, голая плоть улыбчивой без повода «мисс Америки», улыбчивость и уступчивость, сдобренная чуть-чуть кокаинчиком, героинчиком, и тогда, нюхнув и глотнув, — это уж наверное — почувствуешь себя и впрямь суперменом, вроде Рембо или Элвиса Пресли, и почувдится тогда золотая карета, золотой писсуар, и... — а что «и»? Все! Это и есть рай американца, сбывшаяся «американская мечта».

* * *

Бедная и бледная, но до чего же родимая русская природа и обстановка, — как учит она, настраивает на единственно верный тон: помни себя и предков...

Эти бедные и бледные ивы, нагнувшиеся долу среди тумана и лещины, эти пушистые ели и елки в тумане, что плывут-стоят над недвижимым озерцом, перелеты птиц... Как по-иному вспоминаешь все это на чужбине, а чужбину — на родине. «Ностальгия» — неверное название и страшная болезнь. Острее не знаю... Назвать бы только не так, а «памятование». Именно так. Вернувшись в рязанские поля, понял, что так мучило среди обилия пустяков и товаров. Пуповина памяти моей отторгает пустую и стальную иноземщину. Здесь даже ветер несет мне голос ушедшей в иной мир бабушки, а пустая корзина из краснотала напоминает: «отец сплел»...

* * *

Народ рассортировали, как плебс: по интересам. Любишь чертовщину — отдельный канал «Территория призраков», посмеяться — вот тебе «смехачи» или «Рен-ТВ»... Хочешь безвкусную и сомнительную жвачку — «ТВ-6».

Как далеко все это от истины, от творчества! А без творчества нет человека, есть тварь, и только. И ни одного православного канала, а ведь это Россия, Русь... Оккупированная.

* * *

Техника так двинула вперед, что теперь появилась реальная угроза: виртуальное, механическое создание из виртуальной жизни, окрепнув, разобьет эту нашу действительную жизнь в щепки. Всё сошлось в одну точку, в которой все: «быть или не быть».

* * *

Помню, как однажды ездил в Псковский монастырь, в Печерскую лавру, — в эту лампаду Руси, которую не заставили замолчать, померкнуть никакие ветра, ни в Гражданскую, ни в Отечественную. Единственное место, где не прекращалась литургия даже во время Второй мировой, — вот эта лавра. И вот увязалась с нами на Успение Божьей матери некая выдававшая себя за паломницу журналистка из «Московского комсомольца», молодая, но уже выдавшая виды рывоватая, бойкая, по поведению видно, вдова.

Помню, как она то и дело просила меня, отбегая в сторону покурить, чтобы мы, паломники, подождали ее, не потерялись в толпе, пока она заряжается дымом, чтобы мы не уехали бы без нее на остров Залит к отцу Николаю Гурьянову, чтобы не ушли без нее на встречу с Иоанном Крестьянкиным. И вот мы с детьми, оравой, ожидали ее и, постучав с молитвой в келью И. Крестьянкина, услышали «Аминь». Вдруг бежит она по коридору с помутившимся взором, накурившаяся, любопытная, сухоногая, дерзкая. Увидев ее, монах перекрестил нас и, не выслушав, отправил с богом... прочь. Многие перестали уже замечать ее, часто забывали о ней и о ее просьбах «обождать»... Не замечали и ее отсутствия.

Но, что казалось странным: она не выдержала до конца ни одного молебна, не могла вынести вида иконы Успения, когда по усыпанным цветами дорожкам несли ее, эту древнюю икону, поднимая над головами — она, эта вдова, не только не приложилась, но побледнела и близка была к обмороку. Она

стала скоро, настырно и упрямо пробиваться к выходу, я окликнул ее по имени.

— Жарко, — ответила она, развязывая и сбрасывая платок, — нет терпения.

— Подождите...

Я придержал ее, но она вырвалась так зло и отчаянно, так изменившись в лице, точно я первый враг ей стал в одно мгновение.

В трапезной она не могла есть, призналась, что брезгует. И вот, наконец, уехала раньше, своим ходом, видно, «набрала материал» о презренных паломниках.

Так они и пишут, бедняги...

* * *

Болезни меняют мировоззрение человека, хотя бы на время их течения. Но почему меняют, если органы чувств при этом остаются прежними? И где человек видит мир в истинном его масштабе, в здоровье или в болезни? А если в болезни человек ближе к Богу и болезнь сама по себе Божье посещение, то почему Христос брал на себя лечение болезней, прощая грехи?

Или Бог так милостив, что, показав болезнью истинный мир в его значении, опять отступает и позволяет человеку подготовить душу и набраться сил для следующего испытания? Дает новый «шанс» ко спасению?..

* * *

Дейл Карнеги ставит своекорыстие человеческое во главу угла и даже позволил себе сделать на этом «краеугольном камне» трактат. Он открыл свой университет и здорово обогатился, уча одних играть на слабых струнах других, потрафляя самым глупым и причудливым желаниям покровителей, чтобы добиться для себя *своего личного*, исполнения *своих* желаний. Это как если бы мне надо было бы куда-то добраться, то я не ехал бы, а тащил бы осла на своей спине. Правда, получая за это золотом.

Как далека эта «наука» американца Карнеги от Нового Завета! Наука его прямо противоположна, лукава.

* * *

Некто Яков Кротов регулярно вещает на радио «Свобода» из Москвы из богатого и высокого гнезда. Он любит, чтобы к нему обращались «отец»: очевидно, это тешит самолюбие. Он объявляет о себе, что он неохристианин. Как это понять, неизвестно. Такой вот «отец» без семейства, без рукоположения.

Его программа «С христианской точки зрения», в который уже раз показывает свою озабоченность «концом света». Пригласил в студию адвентистов седьмого дня, пятерых человек. Самая бойкая Светлана Асорчук. «Что вы видите в России?» — «Столько горя, что перехлестнуло... Просто обыватель не видит этого»...

Надо полагать, что мы, слушатели, и есть обыватели, которые «не видят» своего собственного «горя», и это наше русское горе — именно им видней, чем нам самим. И вот они жалеют нас... «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву», — говорят на Руси.

Впрочем, адвентисты из Америки позволили себе выпады и против самой Америки, говоря привычное, что-де конец света не за горами, настанет вот-вот, тогда, когда люди перестанут различать добро и зло, перестанут делать добро.

А разве сам он, не рукоположенный русской православной церковью «отец Кротов», не образец именно этих прорицателей, смешавший добро и зло? Сочувствуя грешным бедным людям из бедной страны, он заявляет, сидя как на троне: «Я вам сочувствую, обыватели...» И работает в то же время на страну «Америку». В самом деле: жить в роскоши и в холе и трактовать общечеловеческие ценности «о добре» с американской станции, осыпанной привилегиями, учить нас, грешных русских, на нашей земле, что добро, а что зло... Внушать нам о терпимости и толерантности в то время, пока Россию обносят забором из ракет «ПРО», расчленяют, просвещают «секспросветами, валеологиями и ювенальщиной», обьясняя, какие мы недочеловеки...

Так грешно и разное переплетена действительность: отцы хаоса и разрушения стремятся овладеть умами, стать властителями дум... под видом заботы.

Фарисеи в древней Иудее тоже были богаты, властительны, многознающи и под видом заботы о человечестве выбрали Варавву. Теперь выберут того же, но нынешние фарисеи желают «посоветоваться» с сектантами. Две тысячи лет прошло, ничего не изменилось.

* * *

Свобода подчиниться страстям — именно она сегодня понимается как подлинная «свобода». Потворство похотям и мгновенным желаниям, прихоти, такая свобода — свобода ли? Известно, что и в раю не было такой свободы, был запрет: значит ли это, что рай — не рай?

Всякая вещь, не имеющая границ, — самим существованием своим отрицает самое себя. Представить цветущий луг

без границ, океан без границ — один океан и более ничего. Тогда это уже и не океан, а водное безмерное пространство. И свободы нет, когда нет ничего, кроме свободы.

Что же это за признанный многими государствами, соблазнительный их лозунг «Свобода, равенство, братство»? Свобода от чего, от кого? Стать свободным — первым из свободных — возмечтал сатана. Он объявил себя свободным от Бога. Затем к нему, к сатане и к его «свободе», устремляются многие ангелы и люди. Но если среди бесплотных духов главнейшее условие — власть, то первейшим средством приближения к этой свободе люди избирают деньги. Богатство. Оно и впрямь дает иллюзию независимости. «Ты свободен настолько, сколько долларов у тебя в кармане», или, как сказал один знаменитый на весь мир меняла, когда король Франции приказал ему явиться: «Я знаю многих королей, которые нуждаются в банкирах, но не знаю ни одного банкира, который нуждался бы в короле».

Но каково же оно, вернейшее средство к богатству, когда и само слово на русском языке означает «бога-от-ство», — то есть, обнажает ту самую суть, которую так тщательно маскируют под сладкое... «От-бога-тство», то есть удаление. Добыть огромные средства, и это известно, можно единственно — развязыванием войн, организацией переворотов, обезглавливанием государств через цареубийство, и это не единожды проделывали со многими государствами, особенно с Россией. Морганы, Маккормаки, Ротшильды — это ли не манипулирование мнениями целых государств? И все имеет одну неприкрытую цель: обогатиться, то есть освободиться от обязанностей перед всеми, но главное — от обязанностей перед Богом. И вот уже за ежегодный ужин с Уорреном Баффетом готовы платить сотни тысяч долларов. До Бога ли здесь?.. Миром правит желудок Баффета и обедающего с ним «избранника», и правит миром власть через кровь, голод, похоть, прочие страсти, коим нет числа.

Монахи, схимники, напротив, внешне несвободны, бедны, избрали посты, даже голод. Многие известные монахи пробавлялись в день одной лишь просфорой, не имели вещей, из посуды владели одной только ложкой. При этом цель их: полное управление собой, своими желаниями, не допуская в сердце даже мысли о грехе, и это — образ всей жизни. Они, эти монахи, выбиваются из общего течения жизни настолько, что если бы не помощь благодати Божьей, поддерживающей течение всей их жизни, они, быть может, были бы смяты, раздавлены в самое ближайшее после пострижения время теми силами, с которыми они принялись вести борьбу.

Это признано многими опытными старцами. Сказано святыми отцами, что если бы постриженный (в монахи) знал заранее те скорбь и труд, с которыми ему придется столкнуться, то никто не рискнул бы постричься. Но если бы знали заранее ту меру утешения и поддержки, которые даст Бог в укреплении их малым силам, то от желающих постричься не было бы отбою.

* * *

Диалог, записанный мной на вокзале в «заштатном городе», поразил меня простой безыскусностью и правдой:

— Культура, литература в том состоянии, в котором она сегодня находится, — прямое отражение душевного состояния наших руководителей страны. Если «Русское радио» транслирует пошлые анекдоты, на телевидении день и ночь пляшут «русские» девицы, а киоски и полки всяческих лотков завалены анекдотами от трахтенбергов и проч., и проч., — то явно что-то не в порядке в умах именно там, «наверху».

* * *

Можно ли назвать культурой ту слизь и ту «отрыжку» от несостоявшейся демократии и либерализма? И вот остались в прошлом мы «одной ногою», «скользим и падаем другою...», как сказал поэт. Теперь оскользаемся и впрямь, и падение за падением. Не состоялась идея общенационального дома. Обещали в «перестроечную» пору достать с полок запылившиеся ленты кинофильмов, запрещенных цензурой, открыть книги и прочее. И вот «достали» и открыли. И что же? Ни одного явления, ни одного имени. И двадцать лет прошло — все то же. Бросались из одной крайности в другую — от «Розы мира» Даниила Андреева к Блаватской, к Рерихам с их «эонами», «темными пятнами», со вспышками некоего потустороннего света... Дурачились, как могли. Запутались.

Эта тьма сегодняшняя ни с какой другой не сравнима. Предреволюционный взбешенный интеллигент 1905 года с прививаемыми ему модернизмом и декадансом «воззрениями» — и тот едва ли может сравниться с сумасшествием сегодняшнего времени, с этим метанием между кошельком и душой. Между подражанием Америке и ностальгией дореволюционной России.